

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

*Советское
славяноведение*

4
1985

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
И БАЛКАНИСТИКИ

Советское славяноведение

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
ИЮЛЬ — АВГУСТ

4

1985

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

Яжборовская И. С. Проблемы развития Центральной и Юго-Восточной Европы и разработка политической линии коммунистического движения (К 50-летию VII конгресса Коминтерна)	3
Кальбе Э. (ГДР) Вопросы сравнительного изучения Великой социалистической революции и революций 40-х годов	23
Онищук М. И. Войско Польское в борьбе за упрочение народной власти в Польше в 1944—1948 годах	41
Лещиловская И. И. Классы в процессе формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе (конец XVIII — 70-е годы XIX в.)	53
Кишкин Л. С. Литературные связи и литературный процесс (Проблематика, перспективы изучения)	67
Помогач Б. (ВНР) Идеи социалистического гуманизма и венгерская литература 60—70-х годов	79
Пашаева Н. М. Историческая книга славянского национального возрождения (вторая половина XVIII в.— первая половина XIX в.)	85
Зализняк А. А. Дополнительные замечания об омеге в «Мериле Праведном»	97

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Копруковняк А. (ПНР) Труды по истории Люблинщины (1974—1979)	108
Носов Н. Е. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV—XVI вв. (Главные тенденции политических взаимоотношений)	114
Боброва С. П. Д. Ф. Понлыко. Васа Пелагич и Россия. Из истории сербской литературной мысли	117
Ильина Г. Я. Н. М. Ваганова. Формирование реализма в сценическом искусстве Югославии. 20—30-е годы XX века	120
Попова Т. В. Язык и письменность среднеболгарского периода	122

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Дроснева Е. (НРБ) Научная сессия в НРБ, посвященная 150-летию со дня рождения Л. Каравелова.	126
--	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), В. А. ДЬЯКОВ,
В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ,
В. Г. КАРАСЕВ, Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,
Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. Н. СМИРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора),
Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 117312, Москва, ул. Вавилова, д. 37а

Телефон 124-98-11

Зав. редакцией Е. В. Пономарёва

ствие" национально-угнетенного пролетариата и крестьянства *вместе* с национально-угнетенной буржуазией *против* угнетающей нации» [12, т. 30, с. 111, 114].

Обращаясь к проблеме выработки рабочими партиями политической линии, В. И. Ленин формулировал обязательное требование основываться на общих исторических закономерностях развития, в частности, для данного региона исходить из необходимости «довершения... буржуазно-демократического преобразования», соблюдать принцип историзма, ставя любой социальный вопрос «в определенные исторические рамки», учитывая конкретные особенности каждой страны, когда речь идет «например, о национальной программе для данной страны...» [12, т. 27, с. 260—261; т. 25, с. 263—264]. Таким образом, он указал на важную особенность не только политических, но и идеологических проблем рабочего движения в регионе. Ленинские обобщения имеют принципиально важное методологическое значение, помогают разобраться в противоречивых социально-политических отношениях того периода, когда одновременно шли два процесса, в известной мере разноправленные — различные силы угнетенной нации сплачивались для борьбы за национальное освобождение, а рабочий класс одновременно продолжал свое идеино-политическое самоопределение. А. С. Клевчёня отметил значительное своеобразие, не свойственную Западной Европе особую противоречивость сочетания этих процессов, рассматривая проблему на польском примере. Задачи развертывания классовой борьбы требовали от пролетариата решительного отмежевания от идеологии и политических программ других классов, классового подхода к любым общественным явлениям; для идеино-политического самоопределения революционного пролетариата «призывы идеологов национально-освободительного движения к классовой солидарности во имя достижения национальных целей» были вредны. А эти идеологи, в свою очередь, сплачивая силы борцов за национальное освобождение, отклоняли программу борьбы за социальное освобождение, «так как она основывалась на классовых принципах, отвергала лозунг классового единства» [13], т. е. идейного объединения антагонистических классов. Это объективное противоречие не могло не наложить свой отпечаток на состояние рабочего движения в регионе, на характер и темпы его развития, на его ранний раскол и особую сложность преодоления этого раскола. Острота этого противоречия в некоторой степени была снята в результате революционно-освободительной борьбы народов на заключительном этапе первой мировой войны и появления на карте Центральной и Юго-Восточной Европы целого ряда независимых государств.

Послеоктябрьский революционный подъем в регионе происходил в условиях возросшей реакционности местного капитала, втянутого в систему военной экономики крупнейших империалистических держав. Усиление национально-освободительной и антиимпериалистической борьбы сопровождалось существенным возрастанием революционно-преобразующей роли рабочего класса как основной движущей силы борьбы за демократию и социализм. В обстановке резкого обострения и обнажения классовых антагонизмов различия в уровне пролетарского движения в Европе были в известной степени нивелированы. Классовое сознание и боеспособность пролетариата региона быстро росли. Характерно, что стимулируемое высоким накалом революционной борьбы политическое созревание пролетарского авангарда обеспечило особенно быстрые темпы становления коммунистического движения в Центральной и Юго-Восточной Европе [14].

Однако сплочению рабочего класса в целом, росту его силы и зрелости препятствовал в этом регионе ряд объективных факторов, и прежде всего неравномерность общественного развития. Эту неравномерность усиливали разрушительные военные действия на являвшихся объектом борьбы между антагонистическими группировками империалистических держав территориях региона, разруха, дезорганизация промышленности, распыление сил, депролетаризация рабочего класса, террор милитаристов, оккупантов. Вместе с тем большую напряженность приобретала борьба

за национальное освобождение, направленная против как прежних угнетателей, так и новых поработителей. Назревание и обострение противоречий капитализма накладывалось во многих частях региона на нерешенность национальных проблем; национальный вопрос глубоко проникал в ткань классовых противоречий. Из-за специфической противоречивости идейных и политических отношений в регионе пролетариат не смог стать гегемоном в революционном преобразовании, хотя и был в ряде случаев авангардом и главной движущей силой национально-освободительных, демократических революций [10, с. 228]. Анализируя эту сторону революционного процесса, В. И. Ленин отмечал объективные основы того, что самоопределение трудящихся осуществляется «очень сложным и трудным путем» и приходится считаться с тем, «с какими трудностями, каким извилистым путем идет дифференциация внутри наций». Он указывал, что признание права наций на самоопределение облегчает, а непризнание — задерживает, тормозит самоопределение трудящихся [12, т. 38, с. 158, 160—162]. Пока назревали и решались общенациональные задачи, рабочие в своей массе не могли достаточно отмежеваться от буржуазии в идейно-политическом отношении. Нерешенность или недорешенность национального вопроса не позволяла «теперь же... устаповить общность классовую» [12, т. 30, с. 111]. Объективно обусловленное единство действий различных сил нации на первом этапе революционного процесса укрепляло в сознании значительной части трудящихся идеологию классового солидаризма, тормозило рост классового сознания и самосознания пролетариата. Поэтому В. И. Ленин отмечал необходимость учитывать «все стадии развития» [12, т. 38, с. 162], а партиям рекомендовал обязательно учесть в своих программах принцип права наций на самоопределение [12, т. 27, с. 260—261].

Противоречивость, объективно заложенная в одновременном выдвижении и национальных и социальных задач, как правило, создавала проблемы, для решения которых требовалось время, необходимое прежде всего для накопления молодыми коммунистическими партиями региона идейно-политического багажа. Занятые первоочередной задачей идеологического самоопределения рабочего класса, борьбой за распространение в нем интернационалистских, классовых воззрений, неуклонно отстаивая марксистский принцип примата классовой борьбы и пролетарского интернационализма, они не сразу обратили должное внимание на важный компонент идеологии, каким является трактовка межнациональных, межгосударственных отношений, не сразу оценили значение бурного развития национального сознания трудящихся и научились обеспечивать регулирующее воздействие классового самосознания пролетариата на его национальное самосознание.

В первые годы становления коммунистического движения в регионе коммунисты рассматривали соотношение национальное-социальное несолько одновременно, ориентируя пролетариат на решение сугубо классовых задач. А между тем, в период образования национальных государств для рабочего класса, как и для всей нации защита национальных интересов приобретала особое значение. Резко увеличилось внимание к судьбе нации, к ее суверенитету и т. д. Национальный вопрос сохранял свое значение и в ряде новых многонациональных государств (Югославия, Чехословакия и др.) из-за неравноправного положения народов. Это не сразу было достаточно учтено в идейно-политических установках коммунистических партий, которые должны были отстаивать классовые интересы как предпочтительную ценность и не сразу осознавали необходимость корректиров в решении двуединой задачи идеологического развития рабочего класса.

Наконец, оказавшись в условиях принципиально новой и быстро менявшейся ситуации, коммунистические партии не сразу дифференцировали идеологические постулаты, программные установки и текущий политический курс. Поэтому они нередко отождествляли особенно остро стоявшую в регионе задачу развития классового сознания пролетариата с задачами определения политического курса, идеологическое самоопределение с политическим отмежеванием.

Молодые коммунисты Центральной и Юго-Восточной Европы, перед которыми в условиях этапности революционного процесса стояли особенно сложные задачи выработки программно-стратегических установок, поисков тактико-стратегических решений, из-за специфики классовой и политической структуры общества в деталях отличающихся от стратегии, оптимальной для Западной Европы, не сразу и не всегда умели преодолеть определенный схематизм. В первый период, восприняв выдвинутый Коминтерном лозунг диктатуры пролетариата не как перспективу, а как ближайшую политическую цель, они поставили перед собой стратегическую задачу установления пролетарской власти. Из-за «детской болезни левизны» не выявив задачи каждого исторического этапа и упрощая общую расстановку социально-политических сил, нередко игнорируя по соображениям «чистоты пролетарского движения» революционно-демократический потенциал непролетарских слоев трудящихся и возможность политических союзов пролетариата с ними, коммунисты подчас отталкивали естественных союзников рабочего класса. Они только подходили к пониманию необходимости гегемонии рабочего класса, к выяснению ее содержания на разных этапах революционного процесса.

Преодолевая «детскую болезнь левизны», авангард рабочего класса региона сумел на первом этапе общего кризиса капитализма при помощи Коминтерна уточнить общие программные установки, ориентирующие в перспективе на победу социализма, приступить к выработке научно обоснованной, конкретной и четкой, исходящей из реальных исторических условий политической линии сообразно конкретным условиям каждой страны. В результате приобретения политического опыта, преодоления революционного нетерпения и поисков оптимального сочетания в решении демократических и социалистических задач эта линия неуклонно совершенствовалась. Обобщаемый при помощи Коминтерна опыт послеоктябрьского пятилетия, личная помощь В. И. Ленина коммунистам стран Центральной и Юго-Восточной Европы способствовали углублению анализа объективных условий и путей развития революционного процесса. В ходе встреч и бесед с ними В. И. Ленин неоднократно подчеркивал специфику расстановки классовых и политических сил в регионе, учил использовать потенциал революционной демократии, заложенный в непролетарских слоях трудящихся, боровшихся за национальное освобождение, за последовательное осуществление революционно-демократических преобразований, в частности, за решение аграрного вопроса, против империалистической реакции и др. Болгарским и польским коммунистам он указывал на необходимость выработать верную политику в отношении крестьянства, предлагал тщательнее взвесить готовность к социалистической революции, обстоятельнее продумать подходы к ней, выяснить специфику стратегии и тактики, венгерским — крепить политическое единство рабочего класса, добиваться прочного рабоче-крестьянского союза и т. д. Следовало учесть ослабление рабочего класса Центральной и Юго-Восточной Европы в годы войны, существенное обновление его рядов и относительно невысокий уровень классового сознания значительной его части, довольно низкую политизацию и организованность. Ввиду недостаточности политического опыта коммунистов, трудностей с совершенствованием умения работать в массах в условиях подполья, а также нового значительного сужения возможностей легальной деятельности, что серьезно препятствовало развертыванию их политической активности, В. И. Ленин неуклонно подчеркивал важность тщательного конкретного анализа обстановки и формирования такой политики, которая исходила бы из стадийности, этапности развития революционного процесса в регионе, из его социально-экономической и политической специфики. Учтя ленинские советы, коммунисты стран Центральной и Юго-Восточной Европы сумели добиться многого в освоении принципов выработки политической линии, в значительно большей мере исходившей из реального состояния социально-экономических и политических отношений в своих странах. В партиях складывалось представление о сохранении комплекса нерешенных и возникновении ряда новых (антифашистской направленности) демократических задач, о необходимости

объединить различные потоки революционной борьбы, об этапности предстоящего развития революционного процесса (подробнее см. [15]). Хотя в условиях отлива революционной волны компартиям региона пришлось перестраивать стратегию на отступление, их политическая мысль в первой половине 20-х годов обогатилась идеей объединения широких слоев трудящихся вокруг пролетариата, которая нашла свое развитие на новом витке спирали роста антиимпериалистической борьбы в 30-е годы в концепции народного фронта.

В течение всего межвоенного периода абсолютному большинству стран региона по-прежнему были свойственны относительно отсталые и запутанные (по сравнению с развитыми капиталистическими странами) экономические, социальные и политические отношения, вследствие чего сохранялся значительный объем объективных задач буржуазно-демократического характера. Повсеместно усилившаяся реакционность политических режимов, а в некоторых из стран региона ранняя фашизация политики господствующих классов обусловливались рядом общих и специфических факторов, в том числе, с одной стороны, углублением общего кризиса капитализма, с другой — своеобразием социально-экономической модели капитализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и его развития в межвоенный период. На первом этапе общего кризиса капитализма на территории региона империалистические группировки пытались разрешать свои противоречия в борьбе за передел мира. Последствия первой мировой войны оказались на этом регионе особенно пагубно. Экономическое истощение военных лет долго было невосполнимым. Трудности с нормализацией положения усугублялись характерным для региона определенным недоразвитием капиталистических форм, сохранением различных пережитков феодализма. Становление и развитие капиталистических отношений в нем, как правило, происходило путем их приспособления к прежней системе, встраивания в нее, а не ее ломки. Система, становясь все более капиталистической, оставалась многоукладной, застойной, консервированной многими тормозившие ее развитие противоречиями.

Образование на заключительном этапе первой мировой войны независимых государств в известной мере расчищало почву для дальнейшего развития капитализма, помогало избавиться от тягостного наследия феодализма в различных сферах общественной жизни. Преобразования 1918—1919 гг. носили в целом прогрессивный характер — ряд общественных противоречий был снят или смягчен. Однако новый этап знаменовался непоследовательностью и противоречивостью проводимых в экономике мероприятий. Выявились скованность, ограниченность возможностей капиталистического развития без основательной структурной переделки общественных отношений. Социально-экономический облик региона по-прежнему определяли аграрные и аграрно-промышленные страны, в большинстве своем не сумевшие использовать начатую демократическую перестройку общества для существенного рывка вперед. Дальнейшее развитие социально-экономических отношений в рамках национальных государств по-прежнему тормозилось, с одной стороны, устойчивым сохранением помещичьей собственности и традиционных форм принуждения, выступающих как «формально-капиталистические» (в Польше, Венгрии и Словакии размеры крупной помещичьей собственности практически почти не изменились), а с другой — зависимостью от иностранного монополистического капитала. Последний не только грабил экономику региона, выкачивая часть прибавочной стоимости, но и способствовал консервации используемых им докапиталистических форм производства. Кабальная зависимость от вшевавшего в мировой экономический кризис западного капитала возрастала.

Из-за непоследовательности, незавершенности проведенных преобразований или восстановления прежнего порядка сохранились значительная запутанность, накладывание друг на друга отношений разного формационного порядка, что тормозило общественный прогресс. Преобразование социальной структуры оставалось чрезвычайно замедленным. Те или

иные слои и классы по-прежнему опирались на разные укладные формы, находившиеся на различных ступенях зрелости и часто слабо связанные друг с другом, а это означало экономическую и социально-политическую структурную неоднородность классов и социальных групп, в том числе пролетариата.

На рубеже 30-х годов доля рабочего класса в общей массе населения во всех странах региона оставалась сравнительно небольшой. Исключение составляла Чехословакия, где в Чехии она достигала 25% (среди работающих — 46%), в Словакии 15,2% населения. В Венгрии рабочие составляли 14,1% (30,7%), в Польше 13,1% (27,5%). В аграрных странах этот процент был еще ниже: в Югославии — 8,7 (23,8), в Болгарии — 7,8 (13,8) и Румынии — 7,7% (13,2%) [5, с. 100]. В большинстве стран значительную часть пролетариата составляли сельскохозяйственные рабочие. Социальная неоднородность пролетариата выражалась в том, что отдельные его группы принадлежали к разным укладам и разным по зрелости стадиальным формам — от низших форм капиталистического производства до государственно-монополистического капитализма. При этом рабочий, занятый у мелкого ремесленника, или сельскохозяйственный рабочий — у помещика на деле оказывались не рабочими, эксплуатируемыми по-капиталистически, а лицами наемного труда докапиталистического типа. Таким образом, пролетариат выступал в разных социальных ролях. Кроме того, дезинтеграция национальной экономики, ее производственно-отраслевая неоднородность вели к распыленности и изолированности отдельных отрядов пролетариата; сам пролетариат постоянно пополнялся за счет выходцев из других слоев и классов. Вместе с тем застойность экономики препятствовала свободному использованию трудовых ресурсов, влекла за собой свойственные всем странам региона замедленное увеличение занятости рабочей силы, выталкиваемой из деревни, где избыток рабочих рук носил хронический характер, пауперизацию, миграции населения и типичную для региона эмиграцию в поисках работы. Положение на рынке труда постоянно было напряженным. Всем странам в межвоенный период не удалось преодолеть бедствий резкого роста безработицы, хотя в Чехословакии и Польше и проявлялась тенденция к понижению ее уровня. Государственно-монополистический капитализм разрешал задачи социально-экономического урегулирования в значительной мере за счет трудаящихся.

Период так называемой временной, частичной стабилизации капитализма знаменовался в странах Центральной и Юго-Восточной Европы не только сохранением, но и определенным возрастанием остроты капиталистических противоречий, увеличением объема задач демократизации социально-экономических отношений. Предвоенное десятилетие принесло новое резкое обострение тесно переплетавшихся объективных противоречий общественного развития — как порожденных капитализмом, так и унаследованных от феодализма. Регион оказался слабым звеном в системе мирового капитализма. Вследствие узости внутреннего рынка, зависимости от иностранного капитала и колебаний внешнеэкономической конъюнктуры он был особенно быстро и глубоко поражен кризисом. Первые симптомы спада промышленного производства проявились уже в 1928 г., а его завершающая стадия из-за аграрного кризиса оказалась наиболее длительной. Экономика региона, не способная проявлять быструю реакцию и гибкость из-за отсталости традиционных структур, слабости внутренних капиталистических связей, консервирования иностранным капиталом в целях повышения прибавочной стоимости самых архаичных форм производства, которые гарантировали дешевизну рабочей силы, с особенно большим трудом приспособливала к реальностям кризиса. Страны с более развитой промышленностью — Чехословакия и Польша — до самого конца межвоенного периода с трудом восстанавливали нарушенное, неустойчивое и до кризиса экономическое равновесие, так и не сумев выйти из состояния стагнации. Особенно пострадавшие от аграрного кризиса Болгария, Югославия, Румыния переживали некоторый рост промышленного производства за счет расширения экономических связей

с гитлеровской Германией, которая эксплуатировала эти страны как свой сырьевой призрак, паразитируя на слабости их экономики и дешевизне рабочей силы. Тем самым они выходили из кризиса ценой подчинения экономики наиболее реакционным системам капитализма — фашистским [6, с. 38, 42; 16, с. 509—511; 17]. Правящие круги пытались смягчить разрушительные последствия кризиса, усиливая контроль над экономикой, расширяя и укрепляя позиции государственно-монополистического капитализма [6, с. 27—29, 170—174, 185], но главной в экономической политике оставалась тенденция переложить тяготы кризиса на плечи трудающихся, на национальные меньшинства, подавив, загнав внутрь социальные конфликты, более острые, чем когда-либо. Эта политика была чревата усилением сопротивления трудающихся фронтальному наступлению реакции, однако, собирая их сил было довольно длительным, требующим времени процессом, поскольку основная масса весьма пестрого по социальному составу рабочего класса значительно отставала от авангарда по уровню классового сознания, а накал массовой борьбы после решения общеноциональных задач временно снизился. Имущие классы, сумевшие сыграть роль гегемона в процессе национального освобождения и создания независимых государств, теперь направляли свои усилия на подчинение трудающихся якобы надклассовым интересам государства, противопоставляя социальным требованиям [6, с. 32—34, 58—59]. При несовершенстве политических механизмов они далеко не сразу с достаточной ясностью проявили (кроме Венгрии) сущность своей классовой политики. Большинство рабочего класса принимало, особенно в рамках многонациональных государств, в условиях нерешенности национальных задач традиционную для региона концепцию примата национального начала. На этой основе популяризировалась концепция классового солидаризма, якобы гармонического разрешения всех и всяческих антагонизмов и противоречий на национальной основе. Национальные проблемы занимали в общественном сознании чрезвычайно важное место, что облегчало переключение различных сфер этого сознания на националистические в своей основе идеи профашистских политических сил и фанатизирующихся режимов. Национальное государство, его границы, их защита трактовались как особая самоценность, что обыгрывалось националистами всех мастей, и в том числе фашистами. Последние адаптировали традиционные идеологические концепции национального единства и классового солидаризма, создавая своеобразные локальные эрзацы миниатюрного национализма [6, с. 35; 16, с. 517—532]. Профашистские группировки неравноправных наций вербовали сторонников под сепаратистскими лозунгами. Все эти концепции, как правило, включали в себя яркий антикоммунизм и были призваны помешать росту классового сознания пролетариата, его политической активизации в направлении защиты своих классовых интересов. Специфическая подчиненность социальных вопросов национальным препятствовала обнажению классовых антагонизмов и избавлению от иллюзий «социального равенства», способствовала распространению национализма. Слабая политизация трудающихся масс, крайне зауженное представление их интересов на политической арене затрудняли прохождение ими школы политического воспитания и обучения навыкам пользования политическими институтами, что было необходимо для более успешного развития рабочего движения. При большой завуалированности социально-экономических противоречий их острота была, однако, столь велика, что в отличие от ряда развитых капиталистических стран даже период стабилизации 1924—1928 гг. не принес прекращения массовых выступлений рабочих, крестьян, всех демократических слоев стран Центральной и Юго-Восточной Европы. После некоторого временного спада стачечной борьбы ее накал опять возрос — для отпора наступлению капиталистов на жизненный уровень, на прогрессивное социальное законодательство и т. д. [18, с. 394; 19, с. 93 и др.]. Не везде это удавалось в равной мере (используя политические свободы, наибольших успехов достиг рабочий класс Чехословакии [20]). Однако везде стачечное движение играло чрезвычайно важную роль: расширяло состав участников классовой борьбы, спла-
9

чивало находившиеся на разных ступенях классовой зрелости слои пролетариата, сближая их нередко разнородковые требования, стимулировало рост классового сознания, ускоряло политизирование пролетарских масс.

Если в первые годы кризиса уровень стачечного движения несколько снизился, то выступления безработных повсюду приобрели массовый характер. Коммунисты всемерно способствовали организации их движения, которое оформилось структурно — вплоть до органов, представлявших их интересы в национальных масштабах.

Оборонительные бои сменились во всех странах региона наступательными. В Болгарии, где пик пришелся на 1931—1932 гг., в 1931 г. наступательный характер носили две трети забастовок; в 70% забастовок рабочие добились полного или частичного удовлетворения требований [21]. 1 сентября 1930 г. по ряду промышленных районов Венгрии прокатились массовые демонстрации, охватившие около четверти миллиона человек и сопровождавшиеся строительством баррикад и кровавыми столкновениями между полицией и рабочими. Это было самое крупное выступление рабочего класса в годы хортистского режима. С таким же размахом в апреле 1932 г. была проведена получасовая всевенгерская забастовка, также сопровождавшаяся стычками с полицией и жандармами [19, с. 132, 152].

С середины 1931 г. бурно росло стачечное движение в Польше. Общенациональная политическая стачка в марте 1932 г., охватившая 300 тыс. рабочих и сопровождавшаяся многолюдными демонстрациями и стычками с полицией, заставила правительство отложить принятие антирабочих законов, предусматривавших урезывание социального законодательства и системы социального обеспечения. В 1933 г. прошла 631 стачка, причем 21 стачка продолжалась более месяца, а в ходе 87 стачек против бастующих выступала полиция, нередко с применением оружия [22, с. 158; 18, с. 430]. Тысячи безработных проводили демонстрации и митинги, присоединяясь к забастовщикам, участвовали в антифашистских выступлениях. 70—80% стачек закончились частичной или полной победой рабочих [18, с. 431].

К концу 1932 г. пролетарские выступления охватили всю Румынию. Кульминация стачечных боев пришлась на январь — февраль 1933 г., когда поднялись на борьбу и добились удовлетворения своих требований текстильщики, нефтяники, горняки и железнодорожники. Введение осадного положения в крупных промышленных центрах, распуск правительством рабочих организаций, массовые аресты коммунистов и членов стачечных комитетов вызвали резкое противодействие трудящихся. Железнодорожники Гливицы, Клужа и Яссы оказали двухдневное сопротивление военным частям. Сотни рабочих были убиты и ранены [4, с. 55—56].

В Чехословакии согласно официальным данным количество стачек возросло в 1932 г. по сравнению с 1930 г. в два раза, а число их участников — почти в 3 раза [4, с. 60]. Борьба трудящихся принимала все более выраженный политический характер. Это был период максимальной активности рабочего класса Чехословакии, когда коммунистам удалось организовать совместные выступления рабочих и безработных пролетариев. На тот же 1932 г. пришелся высокий подъем стачечной борьбы и в Югославии, где несмотря на вмешательство полиции бастовало около 10 тыс. человек [4, с. 65].

После окончания кризиса стачечная активность пролетариата продолжала расти, ширились крестьянские волнения, разгоралось освободительное движение неравноправных, угнетенных наций. Значительно увеличились масштабы и все более разнообразными становились формы антифашистского движения. Рабочий класс срывал попытки властей свести стачечное движение на нет при помощи принудительного арбитража, объединить профсоюзы по образцу фашистских корпораций под патроном властей. Все шире применяя метод занятия предприятий бастующими, рабочие продолжали упорную борьбу против антирабочих законопроектов, в частности, против резкого ограничения избирательных прав трудя-

шихся, против политического бесправия. В большинстве стран заметно возросла тяга масс к вступлению в профсоюзы и к их объединению¹.

Успешному развитию классовой борьбы препятствовали рост реакционности правящих классов и группировок, кризис либеральной парламентской демократии. Над политическими отношениями тяготела незавершенность капиталистического преобразования общества как в социально-экономической, так и в политической области. При сохранении острых противоречий эффективно регулировать общественные отношения было крайне трудно, тем более, что сама политическая структура была реорганизована непоследовательно и достичь слаженности в ее функционировании при сохранении специфически нестабильной организации политической жизни не удавалось. Это стимулировало восстановление и укрепление более традиционных авторитарных форм правления, чему способствовала деятельность среди трудящихся солидаристских, клерикальных организаций, длительно сохранявшееся стремление руководства социалистических и социал-демократических партий к активному сотрудничеству с партиями имущих классов и государственным аппаратом под лозунгами национального единства, решения общенациональных задач (при подчинении им задач классовой борьбы трудящихся). Социалисты долгое время не видели опасности наступления реакции и надеялись на либерально-демократические реформы. Только экономический кризис, отказ от консервативно-либеральных концепций и поправление военно-авторитарных режимов заставили большинство из них прекратить пропаганду «эры процветания» и перейти в оппозицию. Но они оказались субъективно неподготовленными, чтобы осуществить этот переход сколько-нибудь последовательно. От линии на углубление раскола рабочего движения руководители этих партий не отказались, по-прежнему отвергали внепарламентские, массовые формы и методы борьбы, не перестали проявлять колебания во взаимоотношениях с правящими группировками, что тормозило консолидацию сил и политическое развитие рабочего класса, снижало результативность его выступлений за свои права, против натиска реакции, фашизма.

Свойственный межвоенному периоду кризис буржуазного парламентаризма проявился в этой части Европы с особой силой, ибо политизация общества была здесь значительно ниже, парламентаризм, как правило, не имел прочных традиций и не сумел достаточно закрепиться даже в консервативно-либеральном варианте [6, с. 9—10, 223—227; 7, с. 240]. Принятые на волне революционного подъема почти во всех странах региона либерально-демократические конституции на деле как правило остались нереализованными проектами реорганизации общества [7, с. 102—106; 6, с. 13—15]. Недостаточная развитость гражданского общества, институтов представительной демократии, политических организаций, характерная для большинства стран Центральной и Юго-Восточной Европы, обусловила живучесть авторитарных традиций. Подавляющее большинство граждан было отстранено от реального участия в политической жизни. Преобладала авторитарная разновидность политической культуры с немирными, насильтвенными формами политической борьбы, что проявлялось в нелегальном положении компартий, в методах подавления всякой оппозиции. В обстановке неурегулированности многих проблем государствующие классы из-за слабости государственных и политических структур все энергичнее дополняли традиционные бюрократические методы правления расширением и укреплением аппарата насилия, большим использованием в этих целях армии. Сыгравшая решающую роль в подавлении революционной борьбы масс военщина проявляла тенденцию к активному участию в политической жизни и была фактором насильтвенной стабилизации положения. В монархической Болгарии, Румынии и Югославии армия была тесно связана с двором. С 1919 г. она контролировала положение в Венгрии, с 1926 г. — в Польше. Милитаристские круги играли определяю-

¹ О росте в странах региона пролетарской массовой борьбы см. [11, с. 338—372; 23].

шую роль в реорганизации системы власти и в установлении глубоко реакционных по своему существу военно-авторитарных диктатур².

Ввиду большой остроты противоречий и высокой активности масс тенденция фашизации политики правящих классов выявила в Центральной и Юго-Восточной Европе много раньше, чем в большинстве развитых стран Западной Европы [6, с. 31—32]. С момента возникновения фашизма в Италии военно-авторитарные режимы стали черпать методы из его арсенала, органически сочетая их с традиционными формами и методами прямого насилия. В ряде стран региона возникли фашистские группировки и организации, политические течения фашистского типа, различные переходные политические формы, для которых было характерно «сочетание традиционно авторитарских и парламентских методов осуществления власти с определенными элементами фашистской политики» [24]³. Тенденция фашизации политической жизни возрастила, однако, это был сложный и противоречивый процесс, что являлось следствием особенностей социально-экономического и политического облика большинства стран региона со средним или ниже среднего уровнем социально-экономического развития, специфики становления государственно-монополистического капитала, а также сравнительно низкой политизации населения. При наличии уже в период временной стабилизации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы фашистских группировок и организаций и несмотря на заимствование лозунгов и организационных форм итальянского фашизма превращения фашистских течений в массовые движения до мирового экономического кризиса, как правило, не произошло, хотя рост фашистских тенденций наблюдался повсеместно. Наиболее ранняя и интенсивная фашизация происходила в Венгрии. Все шире пользовались фашистскими методами ущемляющая парламентаризм «санация» в Польше, военно-монархический режим в Югославии, королевская власть и «железногвардейцы» в Румынии. Степень фашистской окрашенности политических режимов в большей мере зависела, как справедливо пишет Р. П. Гришина, от того, «насколько в той или иной стране были развиты политические силы фашизма и какое место они смогли занять в системе новых режимов. Ибо сама военщина, прия к власти, продолжала уповать в основном на силу, на создание террористической диктатуры, крепкой своим репрессивным аппаратом» [27]. См. также [4, с. 11; 28]. Военно-авторитарные режимы Центральной и Юго-Восточной Европы предпочитали опираться на штыки, обогащать за счет фашистских «клише» националистическую демагогию, относительно меньше прибегая к политике социального лавирования.

Государственно-бюрократический аппарат все энергичнее вмешивался в политическую жизнь, пытаясь путем дальнейшей концентрации власти в руках одного лица, усиления авторитарности режима обеспечить реализацию своего реакционного курса. В Болгарии, Румынии и Югославии прерогативы институтов власти ущемлялись в пользу монархов, в других странах региона — все более бесконтрольных правителей, также тесно связанных с армией. На завершающем этапе экономического кризиса диктаторские военно-авторитарные режимы были установлены в Болгарии и Греции. Все эти режимы склонялись к сотрудничеству с самыми реакционными силами на международной арене, к сближению с фашистскими государствами — Италией, Германией, что еще более усиливало фашистскую опасность.

С середины 30-х годов страны Центральной и Юго-Восточной Европы играли все большую роль в реализации экспансионистских планов держав оси. Гитлеровская Германия в немалой степени базировала свою подготовку к мировой агрессии на использовании ресурсов этого региона (прежде всего за счет эксплуатации балканских государств). Экономическое закабаление этих территорий, осуществлявшееся на основе кон-

² Об эволюции политической системы в странах региона подробнее см. [5, с. 85—95; 6; 7; 11, с. 174—175, 330—333].

³ Об имеющихся методологическое значение аспектах типологии политических режимов см. [25; 26; 5, с. 89—90, 102—104].

сервации отсталой социальной структуры, навязывания определенной отраслевой специализации и условий обмена, со все большим применением внеэкономических методов давления, обеспечивал германским монополиям и концернам высокие прибыли и рост военного потенциала.

«Классический» фашизм германского и итальянского образцов втягивал в орбиту своей реакционной политики правящую элиту стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Фашизация стран региона шла в нескольких направлениях. Фашизовались диктаторские режимы, перестраивая политическую систему, ущемляя парламентаризм и политические свободы. Они заимствовали у фашистских стран формы и методы осуществления функции насилия, используя их идеологический и политический опыт для создания вместо многопартийной системы монопартии («беспартийный блок сотрудничества с правительством», а затем «лагерь национального объединения» в Польше, «фронт национального возрождения», потом «шартия нации» в Румынии, «югославская радикально-крестьянская демократия», переименованная затем в «югославскую национальную партию», «глиняковская народная партия» в Словакии и т. д.; в Венгрии на роль такой партии претендовала правительственные партия национального единства). Правда, даже ставя оппозицию вне закона, ликвидировав ее политическое представительство, власти не смогли расширить их избирателей [6, с. 212–214].

Немалые усилия прилагались к тому, чтобы лишить рабочий класс боеспособных профессиональных организаций. Власти стремились создать систему корпораций, унифицировать профсоюзное движение, ввести принудительный арбитраж [6, с. 215–218]. И то и другое удалось провести лишь частично (в Болгарии и Румынии вместо запрещенных профсоюзов были созданы корпорации, аналогичные соответствующим институтам фашистской Италии).

В поисках наиболее эффективных методов подавления масс, усиливавших сопротивление реакции, традиционные течения в среде имущих классов также в той или иной мере адаптировали опыт «классического» фашизма [16, с. 314–327; 7]. В странах Центральной и Юго-Восточной Европы существовали фашистские группировки и организации, большинство которых превратилось в 30-е годы в оформленшиеся движения и довольно значительные объединения, что было непосредственно связано с катаклизмами кризиса, с определенной ломкой социальной структуры. Но в этом регионе фашизация осуществлялась, как правило, постепенно, а не путем скачкообразной смены политического представительства интересов «верхов». Вначале маргинальные, а во второй половине 30-х годов расширившиеся в условиях роста общественного недовольства за счет деклассированных элементов фашистские движения и организации все более активизировались, оказывая давление на правящие круги и стремясь прорваться к власти: «Железная гвардия» в Румынии, в Венгрии — «Воля нации» (1934), в Польше — «Национально-радикальный лагерь», запрещенный в июле 1934 г., но продолжавший действовать в подполье, и т. д. Социальная база подобных организаций обычно почти не включала крестьянство — основную часть населения региона.

В 30-е годы для региона была типичной такая расстановка сил, при которой фашисты не могли опереться на массовые акции — этому не способствовала, в частности, малая политическая активность масс. Не имея сколько-нибудь широкой базы, чисто фашистские организации, как правило, не могли прорваться к власти. Но, находясь в оппозиции справа, они довольно органично вписывались (кроме Югославии) в политическую реальность в спектре правых, террористических сил. Они впитывали в себя остававшиеся относительно слабыми фашизовавшиеся маргинальные слои. Активность и зрелость их оставались невысокими, хотя бесспорно росли. Недавние политические преобразования, не успевшая развеяться вера в демократические институты (часто в форме причудливого сплава с традиционными монархическими идеями), в реформаторскую деятельность вновь образованных национальных государств не способствовали популярности право-радикальных лозунгов.

В условиях усиления реакции фашистские организации выполняли вспомогательные репрессивные функции [29, с. 106—107]. По мере роста реакционности и дальнейшей фашизации режимов усиливалось их соперничество с фашистскими организациями, соревнование в применении фашистских методов: эти организации часто «играли роль своеобразного катализатора, ускоряющего фашизацию государственного строя» [29, с. 108].

Поправление политических режимов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы шло в 30-е годы быстрыми темпами. По-прежнему преобладающим оставался традиционный путь не исчерпавшего своих возможностей прямого подавления масс, хотя неоднократно предпринимались попытки впредрания элементов тоталитарной разновидности авторитатического режима. В силу стойкого сохранения многоукладности и чрезвычайно сложной социальной структуры, ввиду дробности и распыленности политических сил (представительство интересов различных слоев и классов все еще оставалось нечетким, недостаточно оформленным политически), в странах региона функционировала самая неустойчивая из возможных политических систем: ни одна партия или группа не имела стабильного превосходства, постоянно возникали различные коалиции. Не имевшие прочной опоры и все чаще прибегавшие к экстраординарным мерам кабинеты сменяли друг друга. Парламенты становились беспомощными привесками к милитаристским кругам. Использование воинских частей для кровавых расправ с безработными и бастующими, для усмирения массовых выступлений крестьян, подавления освободительного движения национальных меньшинств были повседневным явлением. Нередко вводилось чрезвычайное положение, действовали военно-полевые суды. Аппарат насилия все активнее вмешивался в классовые конфликты, поскольку система их «мирного» принудительного разрешения, с попытками применять социальную демагогию, давала мало результатов. Прямым подавлением масс, предвыборным террором армия обеспечивала преимущество правым силам. Политические позиции армии подкреплялись пропагандой идеи мощного национального государства и высокого авторитета вооруженных сил — гаранта его прочности внутри и вовне.

Однако реакционные политические режимы в большинстве стран Центральной и Юго-Восточной Европы обеспечивали относительно устойчивое функционирование экономических отношений (стагнацию или весьма ограниченное развитие) в известной мере за счет подключения в качестве сырьевых придатков к Германии. Недальновидные правители этих стран все больше втягивались в реализацию агрессивных планов Гитлера, которые с началом второй мировой войны обернулись прямым грабежом их ресурсов, дезиндустриализацией или торможением промышленного развития, курсом на непосредственное уничтожение Польши, Чехословакии, Югославии. Загоняя внутрь назревшие противоречия общественного развития, правящие классы встали на путь подавления демократической, антиимпериалистической борьбы самыми реакционными методами; их значительная часть пренебрегала угрозой роста фашистской опасности извне, не останавливаясь перед пособничеством наиболее агрессивному, человеконенавистническому режиму, быстрыми темпами наращивавшему свой военный потенциал. В результате превращения быстро фашизировавшихся военно-авторитарных режимов в орудие и приспешников наиболее реакционных сил международного империализма наступление фашизма велось в этом регионе одновременно и изнутри и извне, нередко при особо тесном взаимодействии внутренних и внешних факторов. Это требовало координации и объединения внутриполитического и внешнеполитического направлений антифашистской борьбы. Ее важной задачей становилось противодействие внешнеполитическому курсу правителей, недопущение реализации экспансионистских планов гитлеровской Германии, укрепления ее военного потенциала за счет ресурсов стран Центральной и Юго-Восточной Европы и углубления фашизации стран региона. Перед прогрессивными силами здесь антифашистские задачи вставали в специфической форме — значительным

и все возраставшим был удельный вес задач по пресечению потворства гитлеризму в деле подготовки и развязывания новой мировой войны, ставящей под угрозу само существование стран и народов. В проведении этого пагубного внешнеполитического курса внутренний фронт реакции смыкался с носителями глубоко антинациональной ориентировки на гитлеровскую Германию, проводниками прямо прогерманской политики оказывались все фашистские и фашизирующиеся силы, как правящие, так и оппозиционные правозащитные. Были, правда, и некоторые исключения. К ним относился чешский фашизм, для которого была типична крайне выраженная шовинистическая антинемецкая направленность [16, с. 326].

Таким образом, в условиях все более интенсивного подключения имущих классов региона к самым мрачным силам империалистической реакции образовался новый узел объективных противоречий общественного развития. Тем самым объем демократических задач, стоявших перед странами Центральной и Юго-Восточной Европы, значительно увеличился — к сохранению потребности продолжить, довершить демократические преобразования прибавилась необходимость борьбы в защиту достигнутого уровня, против нового наступления империалистической реакции, внутреннего и внешнего фашизма. Это неизбежно расширяло круг и характер демократических требований. Для региона было типично сочетание возрастающего пролетарско-революционного потенциала с сохранившимся из-за нерешенности или недорешенности узловых проблем демократизации, в частности аграрного и национального вопросов, и значительно увеличивавшимся, особенно со временем мирового экономического кризиса и массированного наступления фашизма, демократическим потенциалом масс — не только пролетариата, но и непролетарских слоев трудящихся города, крестьянства, интеллигенции, студенчества, национальных меньшинств, т. е. большая интенсивность и разнородность социальных процессов.

Наметилась тенденция объединения переходивших в оппозицию парламентских левых сил, а также центра в парламентах и вне их (там, где левых в парламентах уже не осталось), ибо ограничение их политических возможностей способствовало освобождению от иллюзий в отношении демократизма правящих кругов и представительных органов. В Польше осенью 1929 г. возник оппозиционный блок «Центрлев», в Болгарии в связи с выборами 1931 г. был создан Народный блок, в Югославии в 1935 г. — предвыборный блок Объединенная оппозиция и т. д. Однако вскоре выяснилось, что эти образования не прочны, не могут эффективно противостоять наступлению реакции, ибо не проявляют последовательности в борьбе с нею, не способны ни опереться на массы, ни стойко защищать их интересы. Партии легальной оппозиции не могли избавиться от страха перед внешнепарламентскими выступлениями трудящихся и не апеллировали непосредственно к народу. Сплочению оппозиции и результативности начатой ею на рубеже 30-х годов более активной борьбы за демократизацию политического строя мешали дробность сил на политической арене и слабая связь с лишенными значительной части политических прав и почти не участвовавшими в общественно-политической жизни массами. Поэтому реакционным режимам удавалось быстро справиться с оппозицией. В 30-е годы многопартийная политическая система понесла значительный урон. В Румынии многопартийность существовала формально до 1938 г. В Венгрии она была очень ущемлена и ослаблена, парламентское представительство социал-демократов систематически сокращалось путем подтасовки результатов выборов. Оппозиционные партии в Польше в 1935 г. были вытеснены из парламента и практически потеряли возможность воздействовать на правительство. В других странах оппозиционные левые партии властили еще более жалкое полулегальное существование. В Югославии, формально распущенные после реакционного переворота 1929 г., они продолжали проявлять себя в политической жизни, используя юридические лазейки, оставленные конституцией 1931 г. В Болгарии политические партии были распущены в июле 1934 г.,

однако, ухитрялись получать на парламентских выборах немало голосов.

На поприще легальной и полулегальной деятельности оборонительную борьбу за сохранение демократических институтов, социальных и политических завоеваний предшествующего периода пытались усилить социал-демократия, крестьянские и другие мелкобуржуазные партии. Они предпринимали попытки собрать для отпора реакции силы оппозиции, создать для защиты парламентской системы общий блок с участием, например, либеральной буржуазии, но без коммунистов. Однако эффективно остановить наступление реакции такими методами не удавалось. Решение коренных проблем нового исторического периода было невозможно без активного участия рабочего класса, широких слоев трудящихся, без исходящего из понимания этого фактора общественного развития политического курса. Осмыслить объективные задачи и выработать такой курс было по плечу только коммунистам.

Коммунисты региона (за исключением Чехословакии — до осени 1933 г.) не имели сколько-нибудь постоянных, ирочных легальных возможностей выражать политические интересы рабочего класса в рамках парламентской системы, хотя неоднократно добивались немалых успехов на выборах. Узость сферы политических отношений, в которую они имели доступ, используя связанные с ними легальные партии, ограничивала их политическую мобильность, направления, в которых они могли действовать, накапливая политический опыт. Коммунистическое движение опиралось на профессиональных революционеров-подпольщиков. Доступные в очень небольшой степени (кроме Чехословакии) легальные политические институты в значительной мере использовались коммунистами для декларирования своих идейно-политических установок — по-прежнему преимущественно решалась задача идейного самоопределения рабочего класса. До начала 30-х годов идеологические установки нередко облекались в форму прямых политических директив. Происходила определенная подмена ими конкретных политических решений. С изменением объективной обстановки после мирового экономического кризиса, в ходе своего дальнейшего политического развития в период разработки концепции народного фронта коммунистическое движение региона широко осознало проблему дифференциации идеологических и конкретно-политических установок и приступило к ее решению более продуманно.

Рост антифашистского движения в условиях усиления фашистской опасности с приходом Гитлера к власти вновь привлек внимание коммунистов Центральной и Юго-Восточной Европы к расстановке социальных и политических сил в регионе, к модификациям курса различных политических партий. Поиски новых стратегических и тактических решений были в значительной мере обусловлены ростом антифашистских настроений масс, отражением в их требованиях существенного объема демократических задач, как объективно сохранявшихся во всех странах Центральной и Юго-Восточной Европы, так и вновь возникших в связи с наступлением империалистической реакции, когда стало необходимо отстаивать оказавшийся под угрозой реальный уровень демократии, независимость своей страны. Компартии увидели новые возможности массовой борьбы и начали поиск путей подведения трудящихся к революционному преобразованию общества, тщательно разрабатывая адекватный ситуации политический план действий [30; 19, с. 125; 31; 4, с. 120; 8, с. 55—56, 60—62].

В программных установках компартий Центральной и Юго-Восточной Европы все более полно отражалась специфическая расстановка классовых сил в странах региона, наличие в них широких непролетарских слоев трудящихся. Расширялась борьба за использование арсенала политических средств с отказом от зачисления различных социалистических, социал-демократических, крестьянских партий, а также партий городской мелкой буржуазии в искусственную категорию «социал-фашистских» и «аграрно-фашистских» [32]. Открывались определенные возможности взаимодействия с ними, что внесло коррективы в оценку характера соответствующих режимов. Применение реакцией заимствованных у итальянского,

а затем и у германского фашизма форм и методов подавления прогрессивных сил способствовало складыванию представлений о фашистском характере этих режимов [33]. Коммунисты испытывали на себе результаты адаптации фашистских средств подавления оппозиции. Поскольку содержание фашизма, суть его методов социального маневрирования и манипулирования массами еще не были достаточно ясны, террористические акции военно-полицейского аппарата воспринимались как доказательство однозначно фашистского характера режимов, хотя чаще всего применялись крайние формы традиционного прямого насилия, которые не исключали использования тех политических возможностей, которые сохранялись в условиях военно-авторитарных диктатур.

Мартовское воззвание Исполкома Коминтерна к рабочим всех стран (1933) положило начало поиску коммунистами Центральной и Юго-Восточной Европы новых стратегических и тактических решений. Выработка политики антифашистского фронта была построена на творческом анализе общего положения, ситуации и расстановки классовых и политических сил в каждой из стран региона, базировалась на определении политических возможностей различных партий и организаций, путей установления контактов и налаживания взаимодействия с возможными союзниками. Больших успехов достигла Компартия Чехословакии. В мае 1934 г. под ее руководством был избран общегосударственный комитет фронта борьбы против фашизма и принят его программный манифест, а в ноябре на X пленуме ЦК определен диапазон социально-политических сил, с которыми партия была готова образовать этот фронт. Был поставлен вопрос о создании переходного рабоче-крестьянского правительства. На подобный путь постепенно вставали и другие компартии региона.

Важнейшей была задача обеспечения единства действий с социалистами. Сохраняя в неприкосновенности идейную платформу, стараясь избегать конфронтаций, коммунисты при обращении к несшим под натиском реакции политический урон социалистическим партиям исходили из текущих актуальных потребностей, среди которых выдвинулась вперед борьба против фашизма, за демократию. Хотя налаживание контактов с правым руководством оставалось чрезвычайно сложным делом, инициатива коммунистов всюду имела политические последствия, способствуя усилению тяги рядовых социалистов к сотрудничеству с ними. Это проявилось и в странах с особо глубоким расколом рабочего движения. Например, позиции левого крыла заметно окрепли к середине 30-х годов в Польской социалистической партии. На уровне низовых организаций взаимодействие коммунистов и социалистов было достигнуто весной — летом 1934 г., а в августе 1935 г. был заключен, пусть оказавшийся временным, «пакт о ненападении» — устное соглашение о прекращении взаимных нападок, о совместных кампаниях в защиту политических свобод.

В Болгарии обращение БКП через Рабочую партию к Болгарской рабочей социал-демократической партии и фракциям БЗНС привело в период подготовки выборов к соглашению о единстве действий (лето 1935 г.), однако, и оно оказалось кратковременным, так как социал-демократы и руководство БЗНС «Пладне» переориентировались на буржуазно-демократическую оппозицию.

Чтобы обеспечить систематическое руководство борьбой различных слоев рабочего класса, компартии предпринимали попытки опереться на массовые легальные рабочие организации. В Болгарии, например, легально действовала до 1934 г. (и была вновь восстановлена в 1936 г.) Рабочая партия, через которую БКП была связана с массами, смогла наладить сотрудничество с социал-демократами, установить контакт с оппозиционным блоком буржуазных и мелкобуржуазных партий. В Югославии коммунисты предпринимали шаги по созданию легальной Единой рабочей партии (1935), а затем Партии трудового народа. Уже сама эта кампания помогла усилить позиции коммунистов в рабочей среде. Прочным завоеванием оказалось объединение в Болгарии летом 1935 г. молодежных организаций в молодежные комитеты антифашистской борьбы, заложившее основы единого антифашистского фронта молодежи [34];

35; 36]. Более широкий охват рабочих, непролетарских слоев трудящихся города и деревни, в том числе прогрессивной интеллигиицией был важнейшей задачей, ибо степень организованности и политической активности трудящихся была весьма низкой, среди политически активной части преобладало влияние буржуазных и мелкобуржуазных партий, сильны были позиции религиозных объединений, увеличивали воздействие на массы фашистские движения и организации. Мобилизации демократических сил весьма способствовало создание различных внепартийных массовых организаций — антифашистских комитетов, комитетов действия, отрядов самообороны и т. п. Ценный опыт приобрела принявшая стратегическую установку борьбы за революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства Коммунистическая партия Румынии, которая для работы среди крестьян образовала в январе 1933 г. массовую организацию «Фронт земледельцев» во главе с П. Грозой. К лету 1935 г. в стране действовал Демократический блок и культурные, молодежные, женские и спортивные массовые демократические общества.

Выдвинув в декабре 1934 г. лозунг-перспективу рабоче-крестьянской, народной революции и взяв курс на союз рабочего класса с трудовым крестьянством и угнетенными нациями (март 1935 г.), на сближение с различными демократическими партиями, все четче ориентируясь на участие в массовых организациях, КПЮ исходила из того, что и фронт народной свободы и революция должны опираться на самые широкие слои народа (plenум ЦК КПЮ в июне 1935 г.). Творческие усилия коммунистов стран Центральной и Юго-Восточной Европы были нацелены на поиск таких политических решений, которые обеспечивали бы при опоре на массы результивность борьбы против нараставшей угрозы фашизма и войны. Руководящие деятели этих партий и особенно Г. Димитров внесли немалый вклад в выработку новой политической ориентации международного рабочего движения, а проделанный в Коминтерне коллективный анализ положения в странах региона, политики компартий помог им обогатить политическую линию не только опытом этого движения в целом, но и обобщением уроков политической работы в условиях региона.

Деятели коммунистических партий стран Центральной и Юго-Восточной Европы приняли активное участие в подготовке VII конгресса Коминтерна, в детальной разработке политики народного фронта, антифашистской, антивоенной борьбы. Во время обсуждения существа новой линии в ИККИ, в подготовительных комиссиях, при подготовке обобщающих материалов была проделана большая аналитическая работа, позволившая уточнить некоторые общие моменты, свойственные рабочему движению стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Большое внимание уделялось проблеме крестьянства и крестьянских партий [2, с. 101]. Была обоснована необходимость нового подхода к ним, поднят вопрос о «серезном повороте в политике партии в деревне» [3, с. 46], о вовлечении крестьянских масс в борьбу против фашизма и, в частности, о создании внепартийных антифашистских крестьянских организаций. Рассматривался вопрос об общедемократическом содержании антифашистской борьбы. Было уточнено, что эта борьба составит целую фазу в развитии революционного процесса, что ряд стран обязательно пройдет через общедемократический этап как переходный, открывающий путь к социалистической революции [37; 3, с. 41—43; 4, с. 83—84]. Обсуждался вопрос о характере рабоче-крестьянского правительства, правительства народного фронта.

Во время работы VII конгресса Коминтерна, ознаменовавшего поворот в его политике и утверждение нового курса антифашистской борьбы, коммунисты региона творчески осмысливали этот курс, отражавший остроту проблемы наступления фашизма, стараясь полнее учесть обстановку в своих странах, национальные особенности и конкретные условия, обстоятельнее продумать свои задачи в связи с наступлением новой исторической полосы в развитии общего кризиса капитализма. Используя материал ряда стран региона, Г. Димитров в докладе «Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма» указывал, что как недооценка фашизма, так и его

переоценка политически весьма опасны (не имеющий широкой базы фашизм может прийти к власти, опираясь на вооруженные силы, а потом стараться расширить свою базу при помощи государственного аппарата; в то же время отождествление фашизма с другими формами буржуазной реакции и игнорирование противоречий между ними неправомерно). Важное методологическое значение имело и определение возможностей традиционно слабой в регионе буржуазной демократии, выявление сил, заинтересованных в ее укреплении (составлявшие абсолютное большинство трудящееся крестьянство, ремесленники, трудовая интеллигенция, мелкая буржуазия города). Принципиально был важен вывод о возрождении демократических требований и движений, об их революционных возможностях. Наиболее четкое понимание задачи отстаивания демократии продемонстрировали коммунисты Чехословакии, где трудящиеся в наибольшей степени приобщились к пользованию политическими правами. Избавляясь от свойственного рабочему движению региона забегания вперед — от отказа и в новых условиях от демократических требований как якобы создающих «вредные демократические иллюзии среди масс», которые неоправданно идентифицировались с реформистскими иллюзиями, коммунисты учились видеть революционный процесс во всем богатстве его проявлений, апплицировать к революционно-демократическим традициям. Коммунистами Чехословакии был поднят вопрос и об использовании антифашистских возможностей буржуазных партий для расширения народного фронта, БКП — о желательности организации противодействия возникновению промежуточных политических блоков и изоляции Компартии от ее потенциальных союзников по народному фронту [4, с. 164; 38]. Представители КПП говорили о возможности поддержки мероприятий любого антифашистского правительства, которое взяло бы на себя воплощение в жизнь платформы народного фронта [39].

Зрелость новой концепции проявилась в многоаспектности подхода к народному фронту — как к стратегической линии, исходящей из объединения различных социальных сил в антифашистское движение, как к имеющей организационные формы коалиции общественно-политических организаций, являющейся орудием установления народно-демократической власти [3, с. 89]. Согласно прогнозу Г. Димитрова, правительство народного фронта в силу назревших объективных задач региона (переплетения недорешенных задач буржуазно-демократических преобразований и новых задач антифашистской борьбы), соотношения сил и размаха массового движения могло стать правительством демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства. Предостерегая от упрощенчества и схематизма, он настоятельно советовал руководствоваться рекомендацией В. И. Ленина — сосредоточить все внимание на «отыскании формы *перехода или подхода к пролетарской революции*» [12, т. 41, с. 77]. Г. Димитров полагал, что такое правительство будет «одной из важнейших переходных форм», подчеркивая принципиальное отличие такой постановки вопроса от оппортунистических поисков какой-то межеумочной стадии, формы, не ведущей к диктатуре пролетариата [40, с. 176]. Установление последней он связывал с тем, «окажется ли в решающий момент сам пролетариат готовым к непосредственному низвержению буржуазии и к установлению своей власти и сможет ли он в этом случае обеспечить себе поддержку своих союзников...» [40, с. 205].

Поскольку узловой по-прежнему оставалась проблема пробуждения классового сознания широких слоев пролетариата, его сплочения и политического роста, а достигнуть прямого единства действий коммунистов и социалистов из-за глубины раскола рабочего движения в регионе было особенно трудно, возрастало значение борьбы за профсоюзное единство, прежде всего, за создание единых классовых профсоюзов. Привлечение к общим мероприятиям представителей других рабочих партий должно было осуществляться, без предъявления жестких, ультимативных требований в отношении условий взаимодействия, с большей гибкостью, с использованием таких форм и методов сотрудничества, которые не ставили бы социалистов под удар, и прежде всего, через профсоюзные организа-

ции. Это было очень актуально для венгерских и польских коммунистов [41].

Были отмечены особенности состава народного фронта [40, с. 30]. Сильное крестьянское движение, освободительное движение национальных меньшинств, их борьба за национальное равноправие стимулировали процессы расширения народного фронта, которые шли параллельно с развитием единого рабочего фронта и даже могли обгонять его. Г. Димитров отмечал, что дальнейшее развитие единого фронта в значительной степени зависит от превращения его в антифашистский народный фронт. Первостепенное значение приобретала проблема гегемонии пролетариата и складывания рабоче-крестьянского союза. Представители компартий Центральной и Юго-Восточной Европы подчеркивали на конгрессе, что в странах этого типа судьба народного фронта будет определяться вовлечением в него сохранивших революционно-демократический потенциал широких масс трудового крестьянства, которым фашизм несет небывалое закабаление, зависеть от правильного подхода как к этим массам (к их повседневным требованиям и настроениям), так и к крестьянским партиям.

Одновременно с решением проблемы объединения антифашистских политических сил и «снизу» и «сверху» (что в регионе было особенно сложно) коммунисты встали на путь организации массового антифашистского движения при помощи прямого обращения к различным слоям стоявших вне политики или слабо политизированных трудящихся. Рост фашистской опасности вел к социально-психологическому сдвигу, и они активнее приобщались к защите антифашистских требований. Эта задача быстро и оптимально решалась при помощи внепартийных массовых организаций, популярных благодаря выдвижению насущных и первоочередных, доступных пониманию широких слоев населения программ. Опыт коммунистов Югославии, Румынии и других стран региона по созданию молодежных, профессиональных, женских, спортивных организаций, творческих союзов интеллигенции как компонентов или поисковых форм антифашистского фронта вызвал большой интерес. При их помощи значительно ускорялось формирование обуденного политического сознания антифашистской направленности.

В идейно-политической работе с массами огромное значение приобретал более полный и всесторонний учет их национального сознания и самосознания, непосредственно связанный с определением национальных задач, с борьбой за суверенитет и независимость. Для коммунистов региона принципиальное значение имела постановка Г. Димитровым вопроса о том, что в условиях роста фашистской опасности они должны стать авангардной силой этой борьбы, разоблачать шовинистическую демагогию фашистов, их спекуляции на ущемлении национальных чувств неравноправных наций, не отдавать им на откуп традиции революционного и национально-освободительного движения. Крепя пролетарский интернационализм, последовательно соблюдая принципы ленинской национальной политики, коммунисты ставили перед собой задачу не останавливаться на разоблачении классовой ограниченности политики буржуазии, которая под предлогом защиты общенациональных интересов угнетает и эксплуатирует собственный народ, грабит и порабощает другие народы, но делом доказывать, что пролетариат является «единственным подлинным борцом за национальную свободу и независимость народа», а они сами одинаково свободны как от буржуазного национализма, так и от национального нигилизма [40, с. 179, 181, 182]. Представители компартий стран Центральной и Юго-Восточной Европы, где ширилась борьба за национальное равноправие, за полное самоопределение закабаленных наций, с удовлетворением восприняли этот курс. КПП, КПЮ и другие партии дополняли лозунг самоопределения наций конкретными требованиями, искали новые пути борьбы с национальным гнетом.

Исходя из реального роста угрозы фашистской агрессии и порабощения стран Европы, в том числе Центральной и Юго-Восточной, VII конгресс прогнозировал развертывание антифашистских национально-ос-

вводительных войн и указывал на обязанность коммунистов быть в первом ряду их бойцов, не давать бурикуазии совершать сделки с агрессором за счет интересов своей страны [40, с. 388].

Продумывая вытекающую из этой перспективы политику и стараясь сплотить на антивоенной платформе все миролюбивые силы, коммунисты региона раньше, решительнее и последовательнее любых других партий и организаций поставили вопрос о путях и средствах защиты суверенитета своих стран, апеллируя к национальным чувствам народов и традициям национально-освободительной борьбы. Коммунисты Чехословакии выступали за укрепление политики коллективной безопасности и соблюдение договора о взаимопомощи с СССР. Польские коммунисты боролись за отмену польско-германского договора, за переход страны к политике коллективной безопасности. Коммунисты балканских стран видели свою задачу в противодействии закабалению этих стран гитлеровской Германией, их вовлечению в войну [4, с. 159] (подробно см. [42]).

«Решения VII конгресса явились закономерным ответом коммунистического движения на объективно назревшие потребности классовой борьбы. ... Решения конгресса дали четкий ответ на жгучие вопросы современности». Они «явились воплощением творческой силы марксизма-ленинизма, способного на основе анализа коренных проблем классовой борьбы вырабатывать политику, открывающую двери в будущее» [43, с. 422]. Повысив при помощи Коминтерна научный уровень анализа, базируясь на общих законах общественного развития и исторических закономерностях региона Центральной и Юго-Восточной Европы, его компартии глубже осмысливали объективную ситуацию и точнее определяли свои задачи. Они строили свою стратегию на выдвижении на первое место борьбы за демократию, против фашистской опасности и угрозы войны, за ликвидацию реакционных диктатур и последовательную демократизацию политической системы, за создание демократических республик. Новый политический курс позволил ускорить сплочение пролетариата в едином рабочем фронте, реалистично оценить возможности прогрессивных, антифашистских сил региона, развернуть кропотливую работу по их объединению в народный фронт. Руководствуясь решениями конгресса, компартии занялись совершенствованием политической линии — уточнением программных установок, разработкой в соответствии с новыми принципами и с учетом конкретно-исторических условий своей стратегии и тактики. Предлагаемая ими программа антифашистской борьбы создавала политические основы народного, национального фронта. В годы войны против гитлеровского фашизма, в борьбе за национальное и социальное освобождение эта линия обеспечила сплочение вокруг рабочего класса прогрессивных, демократических сил и победу народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969.
2. Лейбзон Б. М., Шириня К. К. Поворот в политике Коминтерна. Историческое значение VII Конгресса Коминтерна. 2-е изд., перераб. и дополн. М., 1975.
3. Шириня К. К. Стратегия и тактика Коминтерна в борьбе против фашизма и войны (1934—1939 гг.). М., 1979.
4. VII конгресс Коминтерна и борьба за создание народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.
5. Фашизм и антидемократические режимы в Европе. Начало 20-х годов — 1945 г. М., 1981.
6. Кризис политической системы капитализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (межвоенный период). М., 1982.
7. Проблемы истории кризиса буржуазного политического строя. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период. М., 1984.
8. Сумарокова М. М. Демократические силы Югославии в борьбе против реакции и угрозы войны. 1929—1939. М., 1980.
9. Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. Т. 3. Начало революционных битв XX века. М., 1978.
10. Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. Т. 4. Великий Октябрь и международный рабочий класс (1917—1923). М., 1980.

11. Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. Т. 5. Созиатель социализма, борец против фашизма. М., 1981.
12. Ленин В. И. Поли. собр. соч.
13. Клевченя А. С. Очерки по истории марксистско-ленинской философской мысли в Польше. Минск, 1978, с. 4.
14. Темкин Я. Г., Туполев Б. М. От Второго к Третьему Интернационалу. М., 1978, с. 243.
15. В. И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1973.
16. Sborník k problematice dějin imperialismu. Svazek 5. Současné problémy studia fašismu a antifašistického boje v Evropě mezi světovými válkami. Díl 2. Praha, 1978.
17. Георгиев В. Буржоазните и дребнобуржоазните партии в България. 1934—1939. София, 1971, с. 257.
18. Historia polskiego ruchu robotniczego. 1864—1964. Т. 1. Warszawa, 1967.
19. История венгерского революционного рабочего движения. Т. 2. М., 1973.
20. Мельникова И. Н. Классовая борьба в Чехословакии в 1924—1929 гг. М., 1962, с. 166—170.
21. Хаджиниколов В., Младенов Д., Исусов М., Георгиев А., Василев В. Стачните борби на работническата класа в България. София, 1960, с. 386—387.
22. 100 lat polskiego ruchu robotniczego. Kronika wydarzeń. Warszawa, 1978.
23. Михутина И. В. Рабочее движение стран Центральной и Юго-Восточной Европы между первой и второй мировыми войнами. — Советское славяноведение, 1983, № 2.
24. Галкин А. А. Социально-политическая структура капиталистического общества и фашизм. — Вопросы философии, 1970, № 2, с. 94.
25. Бурлацкий Ф., Галкин А. Социология. Политика. Международные отношения. М., 1974, с. 184.
26. Гришина Р. П. Некоторые методологические проблемы исследования истории фашизма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. — In: Sborník k problematice dějin imperialismu, díl 1. Praha, 1978, s. 101—102.
27. Гришина Р. П. Опыт исторического сопоставления режимов фашистского типа ранней стадии развития фашизма (на примере Болгарии, Венгрии, Испании и Италии начала — середины 20-х годов). — Etudes balkaniques, 1975, № 1, р. 5, 10.
28. История фашизма в Западной Европе. М., 1978, с. 5, 6, 12, 13.
29. Michutina I. W. Rola ugrupowań faszystowskich w systemie politycznym krajów Europy Środkowej i Południowo-Wschodniej. — Dzieje najnowsze, 1978, № 1.
30. Баров Н. БКП в новия подем на антифашистското движение (1929—1935 гг.). София, 1968, с. 73—74.
31. КРР. Uchwały i rezolucje. Т. III. Warszawa, 1956, s. 367—368.
32. Марышина В. В. Аграрно-крестьянский вопрос в политике коммунистических партий стран Центральной и Юго-Восточной Европы между двумя мировыми войнами. — Советское славяноведение, 1974, № 4, с. 38—40.
33. Клеванский А. Х. Опыт сравнительного исследования антифашистской борьбы 30-х годов в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. — In: Sborník k problematice dějin imperialismu, díl 1, s. 79—80.
34. Кацацкий В. Ф. Политическая борьба в Болгарии: 30-е годы XX в. М., 1984.
35. Радев Г. Единният пролетарски фронт. 1934—1939. София, 1967.
36. Бонев В. О едином, народном и отечественном фронте в Болгарии. М., 1973.
37. Шириня К. К. Из истории подготовки VII конгресса Коминтерна. — Вопросы истории КПСС, 1975, № 8, с. 83—84.
38. Ангелова Тр. Коммунистият Интернационал за обединяване демократически сили в България против фашизма и войната (1934—1939). — В кн.: Първи конгрес на Българското историческо дружество. Т. 2. София, 1972, с. 82.
39. Коммунистическая партия Польши — за антифашистский народный фронт. М., 1935, с. 22, 24.
40. VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны (сборник документов). М., 1975.
41. Leński J. O front ludowy w Polsce. 1934—1937. Publicystyka. Warszawa, 1956, s. 256.
42. Михутина И. В. Вопросы борьбы против фашизма и угрозы войны в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в 1935—1939 гг. — Советское славяноведение, 1979, № 1.
43. Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969.

ВОПРОСЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И РЕВОЛЮЦИЙ 40-Х ГОДОВ

В последние годы интерес марксистско-ленинской общественной науки все более обращается к тем проблемам, которые связаны с процессом революционного перехода к социализму в международном масштабе, а также с развитием мировой социалистической системы как целого. Начиная с шестидесятых и особенно в семидесятые годы советские ученые-обществоведы, в том числе и историки, создали значительные исследования, методологические результаты которых стали основой для дальнейших изысканий.

Речь идет, во-первых, о системно-теоретических работах, посвященных изучению закономерностей перехода общества к социализму и действия этих закономерностей в национальном и международном масштабе, и исследованию закономерностей развития мировой социалистической системы в целом. Это направление исследований представлено работами таких известных ученых, как А. П. Бутенко, И. В. Дудинский, В. Н. Егоров, К. Ф. Катушев, Г. М. Коварский, Ю. А. Красин, Н. В. Пилипенко, Б. Н. Пономарев, А. И. Соболев и др. [1 — 15]. Во-вторых, мы имеем в виду сравнительно-типологические исследования, авторы которых изучали формирование мировой социалистической системы в системном аспекте, прослеживая с точки зрения различных общественных дисциплин процесс развития мировой социалистической системы как целостного социального организма. В этой связи следует назвать публикации Института экономики мировой социалистической системы и Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР, а также монографические работы таких авторов, как О. Т. Богомолов и Г. Островумов, А. И. Доронченков, С. П. Санакоев и В. И. Зуев и, паконец, коллективный труд Н. Я. Бромлей, Е. М. Жукова и Л. Н. Лисицыной [16 — 24], где во все большей мере внимание уделялось постановке проблем и в историческом плане. Наконец, в-третьих, следует отметить рост числа исторических сравнительно-типологических исследований, рассматривающих развитие процесса революционного перехода от капитализма к социализму в международном или региональном масштабе, а также возникновение мировой социалистической системы. Здесь особое значение имеют исследования Института славяноведения и балканистики Академии наук СССР, работы А. Я. Манусевича, А. И. Недорезова, Л. Б. Валева, Г. П. Мурашко, В. В. Марыниной, В. С. Парсадановой, Р. П. Гришиной, Л. Я. Гибианского, Л. С. Ягодовского и др. [25 — 33].

При этом общей чертой многих из этих исследований является постановка проблем, имеющих принципиальное значение для будущего развития науки в области системно-теоретического и исторического изучения социализма. Все большее число советских ученых-обществоведов, рас-

сматривая процесс возникновения и развития мировой социалистической системы, исходит прежде всего из того, что, по сути дела, речь идет о становлении и воплощении в жизнь коммунистической общественной формации в национальных и международных границах. Отсюда следует, что мировая социалистическая система ни в коем случае не может пониматься исключительно как сумма отдельных социалистических стран и их межгосударственных отношений нового типа. Эта система одновременно представляет собой целостный социальный организм, который характеризуется единством своих внутренних — социально-политических и социально-экономических, — а также внешних, выраженных интернациональными связями, развивающихся компонентов. В. И. Зуев, например, отмечает, что все еще не создано обобщающих исследований, посвященных развитию мировой социалистической системы как целостного социального организма с учетом взаимодействия имеющихся в ней объективных и субъективных факторов и взаимной обусловленности сложившихся в ней экономических, политических, культурных и международно-правовых отношений. «Коммунистическая формация развивается как целостная мировая система, что требует системного подхода в ее изучении на основе анализа взаимодействия основных видов ее внутригосударственных и международных отношений, и в первую очередь анализа соотношения объективных и субъективных факторов в ее развитии» [22, с. 3]. Такой подход к изучению развития мировой социалистической системы основан на понимании, что общие закономерности становления социализма касаются формирования обеих важных общественных сфер коммунистической формации: внутренних процессов построения социалистического общества и внешних отношений между социалистическими странами. «Эти закономерности охватывают, — как пишет К. Катушев, — общественно-политическую сущность нового строя, его экономические основы, существенные характерные черты и отличительные признаки социализма, пути и формы его развития, как в национальных и государственных рамках, так и в пределах мировой социалистической системы как целого. Иными словами, они определяют также характер отношений между различными государствами, которые, несмотря на существенные отличительные черты, лежащие в их основе, принадлежат к одному и тому же общественному строю — к социализму» [7, S. 514].

При определении предмета исторического анализа процесса развития мировой социалистической системы важны теоретические и методологические принципы изучения. На наш взгляд, научные исследования истории возникновения и развития мировой социалистической системы должны исходить из того, что речь идет о процессе формирования коммунистической общественной формации как целостного социального организма в национальном и международном масштабе, находящем свое выражение в многочисленных диалектически взаимосвязанных и взаимообусловленных частных исторических процессах, которыми следует через посредство субъективного фактора — правящий рабочий класс и его марксистско-ленинская партия — сознательно овладеть. К этим процессам относятся: развитие социалистического общественного строя и возрастание степени его внутренней зрелости как в каждой, отдельно взятой социалистической стране, так и в международном масштабе; основанное на этом развитие социализма как международной системы и утверждение нового типа международных отношений всестороннего сотрудничества между суверенными социалистическими государствами, а также повышение уровня этих отношений; дальнейшее углубление противоречий между двумя системами — социализмом и империализмом и уровень этих противоречий на данном этапе, что находит свое отражение в количественных и качественных изменениях международного соотношения сил в пользу социализма¹.

Многие советские ученые-обществоведы отмечают, что комплексный подход к изучению развития мировой социалистической системы состав-

¹ Ср. об определении предмета истории мировой социалистической системы [34—36].

ляет основу для выявления определяющих закономерностей перехода к социализму, а также для правильной классификации национальных особенностей как конкретно-исторических форм проявления этих закономерностей. К. Ф. Катушев указывает: «Своеобразие в формах социалистического строительства ни в коей мере не отменяет общезначимости закономерностей социалистического строительства для любой страны, поэтому было бы грубейшей ошибкой говорить о некоем приорите национально-особенного над общими закономерностями» [7, С. 508].

Но эта принципиальная исходная позиция влечет за собой методологические следствия, касающиеся именно исторических исследований мировой социалистической системы как целого. С этой точки зрения исследовательский метод именно историко-типологического сопоставления при изучении развития мировой социалистической системы дает возможность сравнительного изучения определенных региональных групп стран, которые связаны друг с другом или отличаются друг от друга историческими условиями и моментом своего перехода к социализму, конкретным уровнем социально-экономического развития и классовой структурой, расстановкой классовых сил и зрелостью субъективного фактора в революционном процессе. Например, Н. Я. Бромлей, Е. М. Жуков, Л. Н. Лисицына пишут, что «определенные исторические этапы социалистического строительства в отдельных странах социалистического содружества не всегда совпадают по времени, хотя сами эти этапы, как правило, носят обязательный характер, будучи проявлением общих закономерностей построения нового социального строя» [23, с. 306]. При этом различия в развитии экономического уровня и социальной структуры социалистических стран в переходный от капитализма к социализму период могут быть особенно значительными. Со временем они постепенно уменьшаются и носят, таким образом, преходящий исторический характер и «никак не означают формирования „разных“ социалистических отношений» [23, с. 308]. В этой связи следует согласиться с точкой зрения Н. Я. Бромлей, Е. М. Жукова и Л. Н. Лисицыной, что при всем положительном значении многочисленных работ по истории социалистического строительства в отдельных странах «правильное решение вопроса о единстве и многообразии становления социализма... выдвигает со всей остротой задачу создания комплексных трудов по истории мировой социалистической системы, взятой в целом» [23, с. 3].

Вне всякого сомнения, такой подход к исследованиям мировой социалистической системы имеет, на наш взгляд, большое значение для идеологической и теоретической борьбы с буржуазными и ревизионистскими концепциями и фальсификациями истории развития реального социализма.

Раскрытие учеными-марксистами социально-политически и общественно-экономически обусловленного единства социалистического общества, что находит свое выражение в интернационалистской внутренней и внешней политике социалистических стран, объективно создает благоприятные возможности для разоблачения всех попыток разрушить интернациональное единство социалистического содружества при помощи подрывного воздействия мелкобуржуазного национализма. Сравнительно-историческое рассмотрение основных закономерностей пути к социализму и развития социализма на собственной основе, а также конкретно-исторических проявлений этих закономерностей в различных странах открывает широкие возможности для доказательства всеобщей значимости основных черт опыта построения нового общественного строя в Советском Союзе и для убедительного опровержения так называемых «демократических», «национальных», «континентальных» или «плуралистических» моделей социализма, которые так или иначе направлены против единства социалистического содружества. Сравнительно-типологический анализ развивающегося процесса сближения стран социалистического содружества и его объективных и субъективных условий, которые заключаются в возрастающей социально-экономической зрелости социалистического строя, а также в интернационалистской политике правящих марксист-

ско-ленинских партий, может быть применен для эффективного разоблачения направленных на политическое разъединение социалистических стран и подрыв их тесного союза с Советским Союзом клеветнических утверждений о якобы растущем социально-экономическом неравенстве стран — членов социалистического содружества, их «ограниченном суверенитете» и о будто бы неравноправных отношениях этих государств с Советским Союзом [37 — 38; 12, S. 370 и сл.].

Напротив, XXV съезд КПСС доказал, что тенденция к сближению народов и государств социалистического содружества, другой стороной которой является расцвет социалистических наций, представляет собой закономерное явление, которое проявилось также в возросшем единстве задач, выдвинутых братскими коммунистическими партиями на их партийных съездах семидесятых годов [39 — 41].

Сказанное выше имеет целью подчеркнуть основополагающее значение сравнительно-типологических исследований развития мировой социалистической системы как в системном, так и в историческом аспекте. При этом, на наш взгляд, открываются плодотворные возможности для междисциплинарного сотрудничества представителей различных общественно-научных дисциплин.

Принимая во внимание достижения исторической науки, представляется особенно желательным и необходимым обращение к сравнительно-историческим исследованиям развития мировой социалистической системы в целом, а также создание специальных работ, посвященных истории цикла социалистических революций, начатого в 1917 г. Октябрьской революцией. Следует при этом особо подчеркнуть, что сравнительный метод в исследовании истории социалистических революций является одним из многих исследовательских методов, что он не может заменить, например, страноведческих исследований процесса перехода от капитализма к социализму, а наоборот, рассматривает их в качестве своей предпосылки, опирается на их результаты и на этой основе выдвигает новые проблемы.

По сравнению с достигнутым советской исторической наукой уровнем в области сопоставительного изучения социалистических революций, а также исходя из объективных задач, выдвинутых на конференции ученых-обществоведов ГДР, посвященной выполнению решений IX съезда СЕПГ по вопросам идеологической и теоретической работы, современное состояние исторических исследований в этой области в ГДР пока не может быть признано удовлетворительным [42 — 44]. В изложении истории возникновения мировой социалистической системы зачастую доминирует параллельное описание процесса исторического перехода отдельных стран к социализму, не всегда учитывается развитие социалистического и коммунистического строительства в Советском Союзе, начиная с октября 1917 г. В анализе народно-демократических революций 40-х годов, в рамках которых решались задачи демократического и социалистического характера, господствует параллелизм в освещении их хода в различных странах, но обычно без сопоставления эти революций с Октябрьской революцией. При этом остается неиспользованной важная возможность выявить и конкретно-исторически засвидетельствовать связь всеобщего, особенного и единичного в революционном цикле, что уже имеет место в советской науке [45 — 51; 25]. С другой стороны, для сравнительного исследования истории социалистических революций в исторической науке ГДР накоплен разнообразный опыт и существуют благоприятные предпосылки, которые открывают возможности для быстрого развития таких исследований. Наряду с уже упомянутыми достижениями советской исторической науки в области сравнительного изучения социалистических революций [25 — 26], историки ГДР могут опереться также на следующие результаты: историческая наука братских социалистических стран уже давно добилась значительных результатов в исследовании процесса революционного перехода к социализму в своих странах, которые составляют обширную базу для сравнительно-исторического изучения революций. Состояние исследований и дискуссионные проблемы революций 40-х годов в международной марксистско-ленинской историографии с учетом

работ, созданных в ГДР (ср. также [52]), были отражены группой авторов в журнале «Цайтигрифт фюр Гепихтсвисеншафт» [53]. Сравнительные исследования революций, наряду с названными работами советских историков, проведены в ПНР и ЧССР. Можно здесь назвать имена Н. Коломейчика, Ю. Мулинского, В. Гуры, Я. Голембиовского, И. Гоушки, К. Кары [54 — 59].

Важными результатами отмечены в историографии ГДР исследования сравнительной истории буржуазных революций. При всем отлинии изучаемого предмета эти работы тем не менее способствуют выработке определенных методических принципов сравнительного изучения цикла социалистических революций [60 — 62].

Наконец, можно указать на то, что в последнее десятилетие и в ГДР появились исследования в области сравнительной истории революций 40-х годов, что создало предпосылки для дальнейшего изучения цикла социалистических революций методом исторического сопоставления [63 — 76]. В порядке критики следует отметить, что указанные работы при историческом сравнении по существу ограничивались анализом этих революций и лишь изредка обращались к анализу Октябрьской революции, открывшей эпоху социалистических революций, тем самым не принимая во внимание всемирноисторический исходный рубеж для сравнительных исследований процесса революционного перехода от капитализма к социализму в международном масштабе².

На основе вышеупомянутых замечаний о современном состоянии исследований можно высказать некоторые соображения по поводу методологических проблем и критерии сравнительно-исторического исследования социалистических революций. Необходимо в первую очередь дать ясный ответ на вопрос о содержании и хронологических рамках предмета исторического сопоставления Октябрьской революции и революций 40-х годов и последних между собой.

Во-первых, возникает возможность сравнительного рассмотрения революций в узком смысле слова как революций политических, означающих переход власти от буржуазии к пролетариату. С этой точки зрения историческое сопоставление должно было бы для Октябрьской революции охватывать период от февраля до октября 1917 г., а точнее вплоть до утверждения Советской власти на всей территории России, т. е. до января — марта 1918 г., в то время как для революций 40-х годов — период с установления народной власти в форме преимущественно революционно-демократической диктатуры трудящихся в 1944—1945 гг. до ее превращения в диктатуру пролетариата в 1947—1948 гг. При таком подходе, однако, возникает проблема: ввиду различий в проявлении гегемонии пролетариата при переходе от Февральской к Октябрьской революции 1917 г. социально-экономические преобразования преимущественно отсутствовали, в то время как в революциях 40-х годов от возникновения народной власти до утверждения диктатуры пролетариата их наличие резко выражено. Октябрьская революция и революции 40-х годов, как революции политические в узком смысле, сопоставимы лишь в ограниченном масштабе, может быть именно потому, что ленинская концепция мирного перерастания демократической революции в социалистическую, как она была изложена в его Апрельских тезисах [78], фактически могла быть более последовательно проведена в жизнь в ходе революций 40-х годов, чем при переходе от Февральской к Октябрьской революции (ср. [69, S. 233, 238]).

Во-вторых, существует возможность приступить к сопоставительному рассмотрению революций в более широком плане, как революций социальных, т. е. в плане перехода от капитализма к социализму и в конечном счете смены формаций, что включает в себя и переход политической власти от буржуазии к пролетариату. С этой точки зрения историческое сопоставление должно охватывать весь переходный период, т. е. в истории Октябрьской революции — период от установления диктатуры проле-

² Впервые такая постановка вопроса появилась в некоторых публикациях, посвященных 60-й годовщине Октябрьской революции [77; 36, S. 32; 72, S. 91].

тариата до победы социализма в середине тридцатых годов, а в истории революций 40-х годов — период от установления народной власти до победы социалистических производственных отношений в конце 50-х — начале 60-х годов. Здесь возникает сложная проблема, заключающаяся в том, что первый, революционно-демократический этап революции еще до установления диктатуры пролетариата уже относится к переходному периоду, ибо пролетариат может осуществлять свою гегемонию и в органах народной власти с самого начала революционного процесса, в то время как демократический этап революции в России остается за рамками переходного периода, поскольку гегемония пролетариата в революции не смогла привести к немедленной смене двоевластия диктатурой пролетариата, а была оттеснена установлением единовластия буржуазии в июле 1917 г., в связи с чем стала неизбежной новая — Октябрьская революция [25, с. 17 и сл.]. Сравнительное изучение Октябрьской революции и революций 40-х годов как социальных революций, которые включают в себя и политическую революцию, представляется нам не только более всеобъемлющим, но и более правильным в научно-теоретическом отношении. Это позволяет проследить общие закономерности социалистического переворота — в основном уже предвосхищенные в гениальном ленинском плане построения социализма, — в их историческом воплощении и в конкретных формах их проявления в различных условиях разных стран — и именно этим обосновать всеобщее значение основополагающего советского опыта социалистической революции и социалистического строительства [79]. С этой точки зрения открывается, в-третьих, возможность сравнительного изучения отдельных процессов социалистического переворота в области политических, социально-экономических и культурно-идеологических отношений как в Октябрьской революции, так и в революциях 40-х годов.

Как учит исторический опыт, в революциях 40-х годов повторяются основные закономерные черты социалистического переворота, которые проявились уже в Октябрьской революции, причем формы и методы перехода к социализму вследствие конкретно-исторических условий, а также изменения международного соотношения сил в результате второй мировой войны и различия в социально-экономических исходных ситуациях и связанного с этим внутреннего соотношения классовых сил в национальных и государственных границах отдельных стран были различными. По сравнению с Октябрьской революцией народно-демократические революции 40-х годов в целом характеризовались тем, что они выросли из антифашистской освободительной борьбы народов, что им были присущи более широкий социальный союз революционно-демократических сил, более постепенный темп установления диктатуры пролетариата и поэтапное лишение экономической власти политически повергнутых эксплуататорских классов по мере укрепления народной власти. Поэтому мы поддерживаем взгляд, что в ходе народно-демократической революции осуществлялся постепенный переход многих стран от капитализма к социализму. «Завершив на первом этапе необходимые преобразования общедемократического характера, народно-демократическая власть в этих странах постепенно трансформировалась в диктатуру пролетариата и переходила ко второму этапу — этапу осуществления социалистических мер, к построению основ социализма» [23, с. 58].

Наряду с повторением основных черт Октябрьской революции, народно-демократическая революция характеризуется рядом особенностей, присущих всей группе государств народной демократии и отличающих эту революцию — вследствие изменившихся исторических условий — от Октябрьской революции. В свою очередь страны народной демократии также отличаются друг от друга многочисленными особенностями (уровень экономического развития, классовая и социальная структура, соотношение политических сил классов, слоев и партий, национальный состав населения, культурные традиции и обычай); эти различные условия наложили отпечаток на формы и методы социалистического переворота — на политику рабочего класса, темпы и формы революционного преобразо-

вания отдельных сторон общественной жизни, методы и способы создания материально-технической базы социализма, степень использования прежних форм политической жизни при осуществлении диктатуры пролетариата, политическую организацию общества и развитие социалистической демократии, обращение к национальным и революционным традициям при проведении социалистической культурной революции в отдельных странах.

В этом нашла свое яркое отражение диалектика общего, особенного и единичного в Октябрьской и народно-демократических революциях.

В Великой Октябрьской социалистической революции, как известно, сначала был решен вопрос о власти в пользу рабочего класса путем установления диктатуры пролетариата, и затем началась социально-экономический переворот, поскольку Февральская революция в социально-экономическом отношении в принципе не вышла за рамки буржуазно-демократической революции и ограничилась завоеванием буржуазно-демократических прав и свобод. Поэтому за политической революцией в октябре 1917 г. должна была последовать социальная революция, причем В. И. Ленин неоднократно указывал на то, что до лета 1918 г. социальной революции приходилось попутно осуществлять даже задачи буржуазно-демократической революции — особенно в аграрном вопросе — прежде чем социалистические мероприятия могли составить единственное содержание социального переворота [80, с. 315—316].

Напротив, в народно-демократической революции — в отличие от Октябрьской революции — следует отметить своеобразное переплетение политической и социальной революций, которое состояло в постепенном решении как вопроса о власти, так и социально-экономических преобразований, причем успехи в одной области становились условием для дальнейших шагов в другой области. Уже это обстоятельство ясно показывает, что народно-демократическая революция с самого начала и существенным образом выходила за рамки революции буржуазно-демократической и что ее историческая функция не исчерпывалась только подведением к социалистической революции, а состояла в том, чтобы также осуществить и этот переворот (ср. [75, С. 27; 71, С. 23]).

В народно-демократической революции вопрос о власти — через установление революционно-демократической диктатуры трудящихся при гегемонии пролетариата и при участии в осуществлении власти определенных пефашистских буржуазных сил — был в пользу рабочего класса первоначально решен лишь частично. В соответствии с этим народная власть как революционно-демократическая диктатура олицетворяла в странах народной демократии более передовой тип власти, чем двоевластие в России, вышедшее из Февральской революции 1917 г., которая, как заметил В. И. Ленин, «...дошла вплотную до революционно-демократической диктатуры...» [81, с. 154], вынужденное, однако, затем уступить место единовластию буржуазии.

На основе такой народной власти оказалось возможным проведение в народно-демократической революции важных социально-экономических преобразований — земельной реформы, национализации ключевых отраслей промышленности, реформы образования и других мероприятий, которые в России целиком были осуществлены после Октябрьской революции, благодаря чему рабочий класс завоевал важные командные высоты в экономике и в обществе и сам смог вводить определенные элементы социализма. Это, поначалу частичное, осуществление социально-экономических преобразований стало исходным пунктом для¹ углубления и укрепления гегемонии рабочего класса в народно-демократической революции и для постепенного превращения революционно-демократической диктатуры в диктатуру пролетариата. Окончательное решение вопроса о власти в пользу рабочего класса в свою очередь стало условием для продолжения и завершения уже начатого социально-экономического перехода к социализму, для планомерного построения основ социализма.

На конец, в пользу принадлежности первого этапа народно-демократической революции к переходному периоду — в отличие от Февральской революции в России — решающим образом свидетельствует тот факт, что

первенствующее положение пролетариата в системе народной власти могло быть доведено до диктатуры пролетариата путем непрерывного процесса, причем острая классовая борьба в основном протекала в мирных формах, что было обусловлено конкретной международной и внутренней расстановкой сил. Своеобразное и поэтапное переплетение и взаимная обусловленность решения вопроса о власти и проведения социально-экономических преобразований по пути к социализму в едином революционном процессе является, на наш взгляд, также решающим аргументом в пользу того, что народно-демократическую революцию нельзя ограничить ее первым этапом, а что она охватывает весь переходный период от капитализма к социализму.

В обоих исторических вариантах перехода к социализму — в Октябрьской революции и в народно-демократической революции, — речь идет по сути об осуществлении проявляющегося в различных исторических формах единства политической и социальной революции в его ленинском понимании. В работе «Очередные задачи советской власти» В. И. Ленин особенно четко разработал вопросы взаимосвязи (в отличие от революции буржуазной) политического и социального переворота в социалистической революции. Он писал там, что следует полностью уяснить основное различие, существующее между прежними буржуазными революциями и теперешней социалистической революцией: «В буржуазных революциях главная задача трудящихся масс состояла в выполнении отрицательной или разрушительной работы уничтожения феодализма, монархии, средневековья. Положительную или созидающую работу организации нового общества выполняло имущее, буржуазное меньшинство населения...».

Напротив, главной задачей пролетариата и руководимого им беднейшего крестьянства во всякой социалистической революции, — а следовательно, и в начатой нами 25 октября 1917 г. социалистической революции в России, — является положительная или созидающая работа налаживания чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей» [82, с. 170—171]. Исходя из этого, В. И. Ленин сформулировал на будущее три задачи для всякой партии в социалистической революции, а именно, во-первых, «...убедить большинство народа в правильности ее программы и тактики», во-вторых, «...завоевание политической власти и подавление сопротивления эксплуататоров», и «как очередная и составляющая своеобразие переживаемого момента третья задача — организовать управление Россией» [82, с. 172]. Но такая постановка задач по существу справедлива, при всех частных различиях, как для Октябрьской, так и для народно-демократической революций.

С этой точки зрения представляется необходимым дальнейшее продумывание вопроса о тождественности Великой Октябрьской социалистической революции и народно-демократической революции. Совпадение сущности обеих революций состоит в осуществлении революционного перехода от капитализма к социализму, представлявшего собою процесс, который, однако, проходил в различных условиях внутренней расстановки классовых сил, отличаясь постановкой конкретных задач в разное время, зависел от классового содержания революции на ее различных этапах.

Отсюда вытекает также вопрос о критериях сравнительного изучения Октябрьской и народно-демократической революций — проблема, которой до сих пор не было посвящено почти никакого специального научного исследования [72, С. 97; 52, С. 517]. В исторической литературе ГДР пока существуют предварительные работы в этом направлении, принадлежащие перу таких историков, как Г. Хайцер, Ц. Бензер, Р. Бадштюбнер, которые занимаются изучением процесса революционного перехода от капитализма к социализму на территории ГДР, а также ставят вопрос о его сопоставимости с народно-демократическими революциями в других странах [83 — 87]. Другие, как например В. Кюттлер, занимаются в основном проблематикой смены формаций и ее критерии [88 — 91].

В методологической статье о новых проблемах исследования истории ГДР Г. Хайтцер обосновал четыре основных критерия для сравнительного изучения переходного периода в различных странах; он считает, что для этого требуется: анализ исторического хода событий, объективной постановки задач для соответствующего исторического периода, их отражения в выдвижении целей представителями сил общественного прогресса и фактических результатов исторического развития при соблюдении диалектического единства названных факторов [83, С. 954]. Думается, что эти оценочные критерии могут быть и еще более дифференцированы. Не имея возможности полностью исчерпать эту проблематику в рамках одной статьи, мы полагаем, что для сравнительно-исторического изучения революционного цикла, начатого Великой Октябрьской социалистической революцией, к которому народно-демократические революции бесспорно относятся,— что не означает признания их социалистического характера с самого их начала — можно предложить следующие критерии, которые могут быть проверены путем конкретно-исторических исследований. Тем самым одновременно были бы намечены важные направления исследований в сравнительном изучении Октябрьской и народно-демократической революций [72, С. 109].

1. Сравнение революций должно исходить из исторической функции и исторического места народно-демократической революции в исторической эпохе перехода от капитализма к социализму, открытой Октябрьской революцией 1917 г., поскольку объективная цель революции вытекает только из характера эпохи. В этом смысле народно-демократическая революция представляет собой составную часть мирового революционного процесса перехода к социализму и продолжает начатое Октябрьской революцией дело освобождения человечества. Этим подчеркивается принципиальное сходство Октябрьской и народно-демократической революций, трактуя, однако, народно-демократическую революцию не как простое или механическое повторение Октябрьской революции, а скорее как ее специфическое продолжение в существенно изменившихся в результате второй мировой войны условиях [66, С. 65].

2. В связи с этим при сравнении Октябрьской и народно-демократической революций должен применяться такой критерий, как взаимосвязь между борьбой за демократию и борьбой за социализм, и исследоваться тип и способ этой связи. При этом мы сталкиваемся с тем обстоятельством, что присутствующая в обеих революциях связь борьбы за демократию с борьбой за социализм в народно-демократической революции была более ярко выражена. Это, несомненно, связано с дальнейшим обострением имманентно присущих империалистической системе противоречий, с вытекающим отсюда вовлечением все более широких социальных слоев в антиимпериалистическую борьбу, с расширением социального состава руководимого рабочим классом фронта союзников и с возрастающей интернационализацией классовой борьбы в условиях существования реального социализма в СССР. Типичная для эпохи перехода от капитализма к социализму перемена функции демократической революции способствовала превращению революционно-демократического этапа народно-демократической революции в начало и составную часть социалистического переворота. Предшествовавшая Октябрьской революции Февральская революция, напротив, содержала, наряду с антиимпериалистическим направлением удара, ярко выраженный антифеодальный компонент, что выдвигало перед ней задачу подведения к социалистической революции. Однако в обоих случаях завоевание победы пролетариата над буржуазией было невозможно без решительной борьбы за демократию. Еще в 1915 г. Ленин пришел к заключению, что одни меры по демократическому преобразованию общества могут быть начаты «...до свержения буржуазии, другие в ходе этого свержения, третьи после него». «Вполне мыслимо, что рабочие какой-либо определенной страны свергнут буржуазию до осуществления хотя бы одного коренного демократического преобразования полностью. Но совершенно немыслимо, чтобы пролетариат, как исторический класс, мог победить буржуазию, если он не будет подготовлен к этому воспита-

нием в духе самого последовательного и революционно-решительного демократизма» [93].

3. Сравнительное изучение Октябрьской и народно-демократической революций требует исследования конкретно-исторических условий их созревания, чтобы было возможно определение для соответствующего этапа содержания общественных противоречий и факторов общенационального кризиса в ленинском смысле, которые привели к революции. И здесь особенно явно проступают существенные различия между Октябрьской и народно-демократической революциями, широко исследуемые в научной исторической литературе [25, с. 83 и сл.; 69, С. 137; 94].

Неравномерность развития капитализма в эпоху империализма, обостренная первой мировой империалистической войной, превратила Россию в узловую пункт всех империалистических противоречий и позволила Октябрьской революции разорвать империалистическую систему в ее наиболее слабом звене. Противоречие между трудом и капиталом проявлялось в мощном подъеме революционного движения рабочего класса; противоречие между феодальными пережитками и интересами широких масс народа выливалось в широкое крестьянское движение против крупных помещичьих землевладений; противоречие между великорусской царской империалистической политикой национального угнетения и стремлением народов России к национальному самоопределению приводило к росту национально-освободительного движения; противоречие между империалистической войной и мирными чаяниями народных масс способствовало разворачиванию общедемократического народного движения за справедливый мир, вылившегося в конечном счете в переход солдатских масс на сторону революции. С одной стороны, политический и экономический кризис буржуазии, выразившийся в кризисе власти временного правительства, а также в распаде буржуазных и мелкобуржуазных партий, с другой стороны — общий подъем революционной борьбы масс, о котором свидетельствовала большевизация Советов, подтверждала наличие революционной ситуации в России. Что касается народно-демократической революции, то она развивалась в совершенно иных, несравненно более благоприятных в международном отношении условиях. Ее историческое место неизменно связано с антифашистской освободительной войной народов против империалистических государств фашистской «оси». При этом роль СССР как освободителя народов в ходе войны против фашистских агрессоров, что привело к коренному изменению в международном соотношении сил в пользу демократии и социализма, была чрезвычайно важной. Широкий размах антифашистской борьбы угнетенных народов, объединившихся под руководством коммунистов в национальные фронты, обеспечил перерастание движения Сопротивления в революцию. И вновь империалистическая цепь была прорвана в своем самом слабом звене — в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, где проявления внутренних и внешних империалистических противоречий сплелись в один узел. Во всех оккупированных фашистами или зависимых от них странах противоречие между капиталом и трудом представляло собой основное противоречие общественного развития, необычайно обостренное фашистским порабощением и эксплуатацией. На этой основе в качестве главного противоречия общественной жизни выдвинулось противоречие, с одной стороны, между фашистским империализмом, поставившим под угрозу жизненные интересы самых различных социальных классов и слоев, и широчайшими народными массами, с другой. Поскольку фашизм для большинства угнетенных народов выступал как фашизм иностранный, часто опиравшийся на профашистские круги собственных правящих классов, это главное противоречие развивалось в виде противоречия между иностранным фашистским奴役ением и национальным антифашистским освободительным движением. Мирные чаяния народов, их борьба против империалистической войны, принимали в этих исторических условиях форму антифашистской освободительной войны.

Таковы были объективные условия, в которых, начиная с 1943 г., разывался неуклонно нараставший политический и экономический кризис

господствовавшей фашистской империалистической буржуазии или оккупационных режимов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, который все больше обострялся в результате решающих побед Красной Армии и ее продвижения к границам этих стран, ввиду ставшего очевидным наступающего поражения фашистского блока, из-за непрерывного роста числа жертв, военных разорений и ограбления народов, вследствие беспрерывного ужесточения фашистского террора, а также в результате подъема антифашистской борьбы народных масс и который вел к вызреванию революционной ситуации [27, с. 21 и сл.; 70, С. 31].

Однако субъективная предпосылка для перехода от антифашистского сопротивления к народно-демократической революции состояла в формировании антифашистских национальных фронтов вокруг руководимого коммунистическими партиями революционного рабочего класса. Эти фронты, возникшие между 1942 и 1944 гг. во всех странах Центральной и Юго-Восточной Европы, добились под воздействием военных успехов Красной Армии значительного влияния в массах и стали политической армией народной революции. Так разворачивался «общенациональный (охватывавший как эксплуатируемых, так и эксплуататоров) кризис» в ленинском смысле [76, С. 54; 64, С. 433].

4. Сравнительное изучение Октябрьской и народно-демократической революций требует анализа движущих социальных сил, ведущей политической силы и ее союзников для того, чтобы было возможно оценить соотношение классовых сил и изменений их конкретной расстановки в революционном процессе. В конечном счете при рассмотрении данной проблематики речь идет о формировании субъективного фактора, а также о масштабах перегруппировки классовых сил в обеих революциях. Ответ на этот вопрос дает важные выводы о классовом характере и об этапах Октябрьской и народно-демократической революций. По нашему мнению, обе революции с точки зрения формирования их политической армии, двигавшей вперед революционный процесс, обладают как существенным сходством, так и важными различиями. В обоих случаях рабочий класс представлял собой главную социальную силу, а его марксистско-ленинская партия — ведущую политическую силу в общем развитии революции. Это относится уже к демократической Февральской революции в России, и тем более к демократическому этапу народно-демократической революции. В равной степени в обеих революциях трудящееся крестьянство было основным союзником, несмотря на его довольно сильную внутреннюю дифференциацию. Так, в Октябрьской революции имела место временная нейтрализация середняка. В народно-демократической революции союз со всем трудящимся крестьянством удалось сохранить и даже укрепить. Это относилось не только к крестьянству, но и в широком смысле ко всему мелкобуржуазному лагерю.

Перегруппировка классовых сил, хотя в принципе она происходила и в народно-демократической революции, в Октябрьской революции была значительно более основательной. Между тем, широта социального союза в народно-демократической революции не означала, что политическая армия демократического этапа революции не отличалась от политической армии ее социалистического этапа. Определенные буржуазные классовые силы откалывались при переходе от первого ко второму этапу революции от народно-демократических фронтов, сужая в известной степени ее социальную базу, однако это существенно не ограничивало массовую базу революции.

В определенном смысле в народно-демократической революции изменилась сама сущность пролетарской гегемонии. Единство действий рабочего класса, достаточное в большинстве стран для решения задач, стоявших на первом этапе народно-демократической революции, с переходом ко второму этапу, с началом планомерного построения основ социализма, требовало установления организационно-политического и идеологического единства революционной рабочей партии.

5. Сравнительное рассмотрение Октябрьской и народно-демократической революций обуславливает также анализ стратегических целей руководо-

дящей марксистско-ленинской силы в революции, поскольку из этого вытекают как выводы для формирования субъективного фактора на разных этапах революции, так и их социальное содержание. Исходным пунктом всякой стратегии и тактики марксистско-ленинской партии в эпоху империализма и тем более в эпоху перехода от капитализма к социализму может быть поэтому лишь вопрос, как «...все силы, все внимание сосредоточить на следующем шаге...», «...на отыскании формы перехода или подхода к пролетарской революции» [95].

Демократическую революцию 1905 г. В. И. Ленин характеризовал как революцию, которая «...не выходит из рамок буржуазного, т. е. капиталистического общественно-экономического строя» [96, с. 36], хотя в смысле создания более благоприятных условий для развертывания классовой борьбы пролетариата за социализм она «...более выгодна пролетариату, чем буржуазии» [96, с. 38]. Исходя из этого, В. И. Ленин и большевики следовали — как в революции 1905 г., так и в Февральской революции 1917 г. — стратегической концепции гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции и ее перерастания в социалистическую революцию, по возможности мирными средствами, что особенно ясно было сформулировано В. И. Лениным в «Апрельских тезисах» [78, с. 113—116]. Вытекающая из этого задача классовой политики революционного пролетариата гласила: «Во главе всего народа и в особенности крестьянства за полную свободу, за последовательный демократический переворот, за республику! Во главе всех трудящихся и эксплуатируемых — за социализм» [96, с. 104].

Стратегия народно-демократической революции, которая была направлена на свержение господства фашистского империализма и на установление подлинно народной власти, основывалась на творческом применении ленинской теории революции и ее дальнейшем развитии VII конгрессом Коммунистического Интернационала. В силу четко выраженного антиимпериалистического направления ее удара народно-демократическая революция должна была, однако, с самого начала выйти за рамки буржуазно-демократической революции и на следующем этапе стать составной частью социалистического переворота. Поэтому в народно-демократической революции ленинская концепция перерастания демократического переворота в социалистический могла быть воплощена более ясно и последовательно, чем при переходе от Февральской к Октябрьской революции 1917 г.

Уже резолюция VII конгресса Коминтерна указывала на революционное содержание политики единого и народного фронта, которая способствовала подведению масс через антифашистскую борьбу к социалистическому перевороту. «В условиях политического кризиса, когда правящие классы уже не в состоянии справиться с мощным размахом массового движения, коммунисты должны выдвигать *коренные* революционные лозунги..., направленные к еще большему расширению экономической и политической власти буржуазии и увеличению сил рабочего класса, к изоляции соглашательских партий и приводящие рабочие массы вплотную к революционному захвату власти. Если при таком подъеме массового движения окажется возможным и в интересах пролетариата необходимым создание *правительства пролетарского единого фронта* или *антифашистского народного фронта*, не являющегося еще правительством пролетарской диктатуры, но берущее на себя проведение решительных мероприятий против фашизма и реакции, коммунистическая партия должна добиваться создания такого правительства» [97]. В ходе антифашистской освободительной борьбы народов в годы второй мировой войны эта концепция нашла свое выражение в требовании установления народной власти и создания народно-демократического правительства [98].

После разгрома фашизма и установления народной власти, в органах которой рабочий класс с самого начала занимал решающие позиции, марксистско-ленинские партии продолжили творческое развитие своей стратегической концепции революции. Теперь речь шла о постепенном укреплении гегемонии пролетариата во всех областях общественной жизни и вместе с тем о социальном углублении народно-демократической революции

на основе широкого союза всех революционно-демократических и антифашистских сил, о процессе, завершившемся превращением революционно-демократической диктатуры трудящихся в диктатуру пролетариата.

Эта стратегическая линия, которую Г. Димитров развел на V съезде БКП в 1948 г., вытекала из того обстоятельства, «что невозможно ликвидировать фашизм, обеспечить демократические права трудящихся, закрепить и развивать эти права, не посягая на господство капитализма. Ибо фашизм есть не что иное, как беззастенчивая террористическая диктатура крупного капитала. Невозможно радикально и полностью ликвидировать фашизм, не посягая на господство крупного капитала; невозможно обеспечить демократические права трудящихся, если крупный капитал сохраняет свое политическое и экономическое всесиление. Вот почему народное восстание..., выдвинув на первый план демократические по своему характеру задачи..., не могло не направить все свое острое в дальнейшем против господства крупного капитала, чтобы нанести ему новые тяжелые удары и создать условия для его ликвидации, для ликвидации капиталистической системы вообще и для перехода к социализму» [99, с. 613–614].

6. Сравнение Октябрьской и народно-демократической революций должно дополняться изучением классового характера соотношения сил и его изменений в процессе этих революций, поскольку «...самым главным вопросом всякой революции является вопрос о государственной власти. В руках какого класса власть, это решает все..., ибо это именно основной вопрос, определяющий все в развитии революции, в ее внешней и внутренней политике» [100]. Сравнивая характер власти, мы сталкиваемся с фактом, что пролетариат в Октябрьской революции — если вынести за скобки этап от февраля до октября 1917 г. — сразу же установил свое безраздельное господство в виде Советской власти, в то время как рабочий класс в народно-демократической революции постепенно развивал, укреплял и углублял свои решающие позиции, имевшиеся с самого начала в революционно-демократической диктатуре трудящихся вплоть до установления диктатуры пролетариата. С этой точки зрения становится ясно, что Советская власть и власть народной демократии в конечном счете олицетворяют две формы диктатуры пролетариата, причем во втором случае диктатура пролетариата проявляла свой характер и соответствующие функции постепенно. Итак, прежде всего в обеих революциях имелись на их отдельных этапах существенные различия по степени позиций рабочего класса как гегемона в органах власти. Однако, если в сравнительное рассмотрение вопроса о власти включается этап от февраля до октября 1917 г., то между обеими революциями, как нам представляется, обнаруживаются принципиальные различия. Установленное после Февральской революции двоевластие представляло собой, как сказал В. И. Ленин, «...переплетение вместе, воедино двух диктатур», причем «...долго продержаться такой „переплет“ не в состоянии». Двоевластие Советов и Временного правительства, выражавшее таковой «переходный момент в развитии революции, когда она... не дошла еще до „чистой“ диктатуры пролетариата и крестьянства» [81, с. 155], было вытеснено в результате июльского кризиса 1917 г. восстановленным единовластием буржуазии. В. И. Ленин и большевики вполне закономерно на время сняли действовавший во время двоевластия лозунг «Вся власть Советам» и ориентировали на большевизацию Советов и подготовку вооруженного восстания, которое после созревания общенационального кризиса привело к победе под вновь выдвинутым лозунгом «Вся власть Советам».

В народно-демократической революции народная власть, напротив, была сразу установлена как революционно-демократическая диктатура, олицетворяя, таким образом, по сравнению с Февральской революцией, с самого начала более высокий тип власти, и была превращена в ходе классовой борьбы, проводимой в основном мирными средствами, в диктатуру пролетариата. Г. Димитров объяснял классовую функцию народно-демократического государства: «Народно-демократическое государство представляет собой власть трудящихся, огромного большинства народа при руководящей роли рабочего класса. Это означает, во-первых, что сверг-

нута власть капиталистов и помещиков и установлена власть трудящихся города и деревни под руководством рабочего класса; ... во-вторых, это означает, что государство служит орудием борьбы трудящихся против эксплуататорских элементов, против всех попыток и тенденций, направленных к восстановлению капиталистического строя и господства буржуазии» [99, с. 628]. Из этого Г. Димитров сделал вывод: «Воплощая господство трудящихся при руководстве рабочего класса, режим народной демократии может и должен в данной исторической обстановке, как уже показал опыт, с успехом выполнять функции диктатуры пролетариата в деле ликвидации капиталистических элементов и организации социалистического хозяйства» [99, с. 630].

7. Историческое сопоставление Октябрьской и народно-демократической революций должно, наконец, ответить на вопрос о конкретном содержании социально-экономических преобразований на различных этапах обеих революций. При этом мы сталкиваемся с историческим феноменом, что все существенные социально-экономические преобразования в Октябрьской революции, включая буржуазно-демократические мероприятия, были осуществлены после установления диктатуры пролетариата, в то время как в народно-демократической революции важные социально-экономические реформы были проведены народной властью еще до установления диктатуры пролетариата в ходе антифашистско-демократического этапа. Причем, рабочий класс завоевал тогда решающие командные позиции и создавал уже элементы социализма в форме государственной собственности. Эти элементы социализма могли быть расширены, развиты и укреплены после превращения революционно-демократической диктатуры трудящихся в диктатуру пролетариата, благодаря чему национализированный сектор все больше и больше превращался в господствующий в народном хозяйстве. Именно это говорит о том, что период перехода от капитализма к социализму в народно-демократической революции начался уже в 1944—1945 гг. [75, С. 27; 69, С. 234].

В Октябрьской революции в результате установления Советской власти был решен аграрный вопрос (Декрет о земле от 8 ноября 1917 г.), а также были приняты и проведены в жизнь закон о рабочем контроле (27 ноября 1917 г.), Декрет об образовании Высшего совета народного хозяйства (15 декабря 1917 г.), Декрет о национализации банков (27 декабря 1917 г.), равно как и законы о начале национализации определенных промышленных предприятий (ноябрь 1917 — февраль/март 1918 г.) и, наконец, декреты о национализации торгового флота (5 февраля 1918 г.), передаче в руки государства внешней торговли (22 апреля 1918 г.) и национализации всей крупной индустрии и железнодорожного транспорта (28 июня 1918 г.). Основные программные принципы построения социалистической экономики В. И. Ленин развел весной 1918 г. в своей статье об очередных задачах Советской власти. VIII съезд РКП(б) принял в марте 1919 г. вторую программу партии, программу построения социализма. При этом большевики должны были закладывать фундамент развития социалистической экономики страны в условиях сопротивления внутренней и внешней контрреволюции быстрее, чем они это намеревались, методами «красногвардейской атаки на капитал» в три этапа (ноябрь 1917 — март 1918, апрель — июнь 1918, июнь — конец 1918 г.). X съезд РКП(б) в марте 1921 г. смог, наконец, после вынужденного этапа политики военного коммунизма, путем новой экономической политики заложить основы экономической политики переходного периода. Это произошло после того, как в декабре 1920 г. в результате решения VIII съезда Советов о плане ГОЭЛРО был принят первый единый государственный перспективный план развития народного хозяйства на основе электрификации страны.

Если сравнить это с процессом социалистических преобразований в странах народной демократии, то станет очевидным, что большинство этих мероприятий было проведено уже на этапе от 1944—1945 до 1947—1948 гг. Первые законы о земельной реформе были повсюду приняты между 1944 и 1946 гг.; национализация банков и введение государственной монополии на внешнюю торговлю ни в одной стране не были осуществлены поз-

же 1946—1947 гг.; рабочий контроль был введен в большинстве стран очень рано, что облегчило проведение поэтапной конфискации собственности предателей народа в 1944—1946 гг. и переход к национализации крупной индустрии между 1946 и 1948 гг. На этой основе страны народной демократии перешли в 1947 г., в исключительном случае — в 1948—1949 гг., к экономическому планированию. Выполнение одно-, двух- или трехлетних планов к 1948—1949 гг. завершило восстановление народного хозяйства. Принятие решения о планомерном построении основ социализма было, как правило, связано с утверждением первых пятилетних планов, что имело место в 1949—1950 гг. в условиях победившей диктатуры пролетариата.

Если в Октябрьской революции лишение буржуазии экономической власти проходило быстрее, чем в народно-демократической революции, то страны народной демократии смогли быстрее, чем Советский Союз, перейти к долгосрочному экономическому планированию (первый пятилетний план СССР охватывал 1928—1932 гг.).

8. Сравнительное рассмотрение Октябрьской и народно-демократической революций требует, наконец, также и анализа конкретно-исторического хода и результатов обеих революций, как, впрочем, и взаимного сопоставления хода и итогов народно-демократических революций. В рамках данной статьи это невозможно сделать даже в самой общей форме. Поэтому следует лишь констатировать, что как Октябрьская, так и народно-демократическая революция как социальные революции осуществили переход общества от капитализма к социализму и привели к победе социалистических производственных отношений.

Этот факт, однако, позволяет утверждать, что народно-демократическая революция в принципе также должна быть отнесена к социалистическому революционному циклу, и таким образом в конечном счете — к социалистическому типу революции. Это заключение не равнозначно отождествлению классового характера народно-демократической революции с самого начала с социалистической революцией. Более того, конкретное классовое содержание народно-демократической революции в отдельных странах и на ее отдельных этапах должно оцениваться дифференцированно, в соответствии с различными конкретно-историческими условиями. Эта задача решалась и будет решаться марксистско-ленинской исторической наукой братских социалистических стран.

В связи с историческим сопоставлением революций представляется значительным тот факт, что в общем ходе народно-демократической революции были реализованы все те закономерности социалистического переворота — некоторые из них еще до установления диктатуры пролетариата, — которые были обобщены на основе опыта Советского Союза и стран народной демократии Московским совещанием коммунистических и рабочих партий социалистических стран 1957 г. [101]. Тем самым и народно-демократические революции подтвердили закономерную повторяемость основных черт Октябрьской революции, или иными словами, общезначимость революционного опыта КПСС и Советского Союза для социалистического переворота. Ленинский план построения социализма, который предвосхитил важнейшие закономерности социалистической революции, в действительности стал научной программой установления нового, свободного от эксплуатации социалистического общественного строя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бутенко А. П. Социализм как общественный строй. М., 1974.
2. Butenko A. F. Zur Dialektik von Einheit und Interessen im sozialistischen Welt-System. Berlin, 1974.
3. Актуальные проблемы современного социализма/Под ред. А. П. Бутенко. Т. 1, 2. М., 1973.
4. Дудинский И. В. Закономерности развития мировой социалистической системы. М., 1968.
5. Dudinski I. Das sozialistische Welt-System — eine historisch neue internationale Gemeinschaft.— In: Sowjetwissenschaft. Gesellschaftswiss. Beiträge, 1976, N. 2.

6. Jegorow W. N. Friedliche Koexistenz und revolutionärer Prozeß. Berlin, 1972.
7. Katuschew K. F. Die Hauptentwicklungstendenzen des sozialistischen Weltsystems.— In: Der XXIV. Parteitag der KPdSU — Einheit und Theorie und Praxis. Berlin, 1974.
8. Ковалевский Г. М. Закономерности развития мировой системы социализма. М., 1974.
9. Krassin J. A. Probleme der sozialistischen Revolution in der heutigen Zeit.— In: Sowjetwissenschaft. Gesellschaftswissenschaft. Beiträge, 1966, N. 3.
10. Красин Ю. А. Диалектика общего и особенного в революционном процессе.— В кн.: Рабочий класс и современный мир. Т. 1. М., 1972.
11. Pilipenko N. W. Allgemeine Gesetzmäßigkeiten des Sozialismus und Besonderheiten ihrer Erscheinungsformen in den verschiedenen Ländern.— In: Einheit, 1973, N. 5.
12. Ponomarjow B. N. Aktuelle Probleme der Theorie des weltweiten revolutionären Prozesses.— In: Der XXIV. Parteitag der KPdSU — Einheit von Theorie und Praxis. Berlin, 1974.
13. Ponomarjow B. N. Die internationale Bedeutung der Bildung und Entwicklung der UdSSR. Berlin, 1972.
14. Соболев А. И. Ленинские традиции Коминтерна и современность.— В кн.: Коммунисты в борьбе за демократическое единство. Прага, 1975.
15. Соболев А. И. Диалектика общего и особенного в развитии мирового революционного процесса.— Вопросы истории КПСС, 1975, № 11.
16. Sozialistisches Weltwirtschaftssystem/Red. G. M. Sorokin. Bd. 1, 2, 3. Berlin, 1967, 1968.
17. Экономика мировой социалистической системы /Под ред. О. Т. Богомолова. М., 1974.
18. Богомолов О., Остроумов Г. Основные направления развития мировой системы социализма. М., 1972.
19. Интернациональное и национальное в мировой социалистической системе. Киев, 1975.
20. Санакоев Ш. П. Мировая система социализма. Основные проблемы и этапы развития. М., 1968.
21. Санакоев Ш. П. Великое содружество свободных и суверенных народов. М., 1964.
22. Зуев В. И. Мировая система социализма: экономические и политические аспекты единства. Методологические проблемы. М., 1975.
23. Бромлей Н. Я., Жуков Е. М., Лисицына Л. Н. Мировая социалистическая система. Некоторые проблемы теории и истории становления социализма. М., 1973.
24. Социализм и международные отношения /Под ред. А. П. Бутенко. М., 1975.
25. Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Опыт сравнительного изучения социально-экономических преобразований в революционном процессе /Под ред. А. Я. Манусевича. М., 1977.
26. Социально-политическое развитие социалистических стран Центральной и Юго-Восточной Европы /Под ред. А. И. Недорезова. М. (В печати).
27. Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы /Под. ред. Л. Б. Валева, Л. Я. Гибианского и др. М., 1977.
28. Ягодовский Л. С. Народный фронт в европейских странах социализма. М., 1968.
29. Гришина Р. П. К проблеме народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (1944—1945).— Советское славяноведение, 1969, № 2.
30. Гибианский Л. Я., Мурашко Г. П., Парсаданова В. С. Освободительная борьба славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы в годы второй мировой войны и концепции общественно-политического развития.— В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973.
31. Марьина В. В. Взаимоотношения рабочих и крестьянских партий в революциях 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.— Вопросы истории, 1975, № 2.
32. Марьина В. В. К вопросу о политике пролетарских партий по отношению к среднему крестьянству в Октябрьской революции и народно-демократических революциях 40-х годов.— Советское славяноведение, 1972, № 2.
33. Мурашко Г. П. Национализация основных средств производства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в 1944—1948 гг.— Вопросы истории, 1974, № 11.
34. Kalbe E./Maiwald W. Zur Verwirklichung des sozialistischen Internationalismus im Weltsystem des Sozialismus.— In: Partei, Tradition, Wissenschaft. Berlin, 1976, S. 182 ff.
35. Kalbe E. Die Große Sozialistische Oktoberrevolution.— Grundlage für die Herausbildung der sozialistischen Gemeinschaft.— In: Der Rote Oktober und der Übergang vom Kapitalismus zum Sozialismus. Leipzig, 1977, S. 21 ff.
36. Kalbe E. Die Bedeutung der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution für die Herausbildung der sozialistischen Gemeinschaft.— In: Deutsche Außenpolitik, 1977, H. 12, S. 28 f.
37. Мировая социалистическая система и антикоммунизм. М., 1968.
38. Социалистические международные отношения и их критики /Под. ред. О. Б. Лабецкого. М., 1975.
39. XXV. Parteitag der KPdSU. Rechenschaftsbericht des Zentralkomitees der KPdSU und die nächsten Aufgaben der Partei in der Inner- und Außenpolitik. Berichterstatter: L. I. Breshnew. Berlin, 1976, S. 9.

40. *König G.* Gleichartige Aufgaben. Zu den Parteitagen in den sozialistischen Bruderlandern.— In: *Einheit*. Berlin, 1971, H. 10, S. 1092ff.
41. *Mahlow B.* Wachsende Erfolge — wachsende Gemeinsamkeit der sozialistischen Staaten.— In: *Einheit*. Berlin, 1976, H. 5/6, S. 532 ff.
42. *Hager K.* Der IX. Parteitag und die Gesellschaftswissenschaften. — In: Der IX. Parteitag der SED und die Gesellschaftswissenschaften. Berlin, 1977, S. 7 ff., 15 ff.
43. *Klein F.* Aktuelle Probleme der Geschichte des sozialistischen Weltsystems.— In: Der IX. Parteitag der SED und die Gesellschaftswissenschaften. Berlin, 1977, S. 251 ff.
44. *Rathmann L.* Revolutionsforschung in der Auseinandersetzung zwischen sozialistischer und bürgerlicher Ideologie.— In: Der IX. Parteitag der SED und die Gesellschaftswissenschaften. Berlin, 1977, S. 300 ff.
45. Der Große Oktober und der weltweite revolutionäre Prozeß. Berlin, 1969.
46. *Зародов К. И.* Три революции в России и наше время. М., 1975.
47. *Солдков Т. Е.* Полувековой опыт СССР и современный мир. Минск, 1975.
48. *Сорокин Г. М.* Октябрь и мировая система социализма. М., 1967.
49. Международное значение образования СССР. М., 1972.
50. Великая Октябрьская социалистическая революция и мировая социалистическая система. М., 1969.
51. *Минц И. И.* Великая Октябрьская революция и прогресс человечества. М., 1967.
52. *Kuranow G. G./Rjabcev P. I.* Problemy rewolucji ludowodemokratycznej i socialistycznej krajów europejskich w historiografii radzieckiej.— In: *Rewolucja i władza ludowa w krajach europejskich 1944—1948*. Warszawa, 1972.
53. *Tischmidt A., Seeber E., Hegemann M., Lötzsch D., Schröder S.* Der revolutionäre Umwälzungsprozeß in Mittel — und Südosteuropa nach dem zweiten Weltkrieg. Zu neuen Diskussionen über Inhalt und Form des Übergangs vom Kapitalismus zum Sozialismus. *Zeitschrift für Geschichte*, 1977, № 5, S. 517 ff.
54. *Kotomejczyk N.* Rewolucje ludowe w Europie 1939—1948. Warszawa, 1973.
55. *Muszyński J.* Socjalizm w państwach środkowej i południowowschodniej Europy. Społeczno-polityczne problemy rewolucji socjalistycznej i budownictwa socjalizmu. Warszawa, 1975.
56. *Gołębiewski J. W.* Revolution und Volksmacht in den europäischen Ländern 1944—1948. Allgemeine Gesetzmäßigkeiten und spezifische Merkmale.— *Beiträge zur Geschichte*, 1975, H. 6.
57. *Góra W.* Reformy agrarne w europejskich państwach demokracji ludowej w latach 1944—1948. Warszawa, 1973.
58. *Houška J./Kara K.* Otázky lidové demokrácie. Praha, 1955.
59. Formované světové socialistické soustavy v letech 1944—1949. T. I—II. Praha, 1975.
60. Studien über die Revolution, hrsg. v. M. Kossok. Berlin, 1969.
61. Studien zur vergleichenden Revolutionsgeschichte 1500—1917, hrsg. v. M. Kossok. Berlin, 1974.
62. Rolle und Formen der Volksbewegungen im bürgerlichen Revolutionszyklus, hrsg. v. M. Kossok. Berlin, 1976.
63. *Fuchs G./Kalbe E./Seeber E.* Die volksdemokratische Revolution in den Ländern Ost- und Südosteuropas.— In: *Zeitschrift für Geschichte*. Sonderheft, 1965, S. 174 ff.
64. *Kalbe E.* Wesen und Struktur der Volksfrontbewegung während des zweiten Weltkrieges in Südosteuropa.— *Wissenschaftl. Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig. Gesellschafts- u. sprachwiss. Reihe*, H. 3, S. 433 ff.
65. *Kalbe E.* Antifaschistische Resistance und volksdemokratische Revolution in Südosteuropa.— In: *Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas*, Bd. 10. Berlin, 1967, S. 35 ff.
66. *Kalbe E.* Der Platz der volksdemokratischen Revolution beim Übergang vom Kapitalismus zum Sozialismus.— In: *Studien zur marxistisch-leninistischen Revolutionstheorie*, hrsg. v. G. Großer. Leipzig, 1967, S. 65 ff.
67. *Kalbe E.* Der Übergang zur volksdemokratischen Revolution in Südosteuropa.— In: *Studien über die Revolution*, hrsg. v. M. Kossok. Berlin, 1969, S. 419 ff.
68. *Kalbe E.* Zum internationalistischen Wesen des antifaschistischen Befreiungskrieges der Völker und zur Funktion der volksdemokratischen Revolution.— In: *Beiträge zum proletarischen und sozialistischen Internationalismus*. Leipzig, 1973, S. 113 ff.
69. *Kalbe E.* Antifaschistischer Widerstand und volksdemokratische Revolution in Südosteuropa. Das Hinüberwachsen des Widerstandskampfes gegen den Faschismus in die Volksrevolution (1941—1944/45) Ein revolutionsgeschichtlicher Vergleich. Berlin, 1974.
70. *Anders M./Kalbe E.* Die Bedeutung des antifaschistischen Befreiungskrieges der Sowjetvölker für das Heranreifen der volksdemokratischen Revolution in Europa (1941—1945).— In: *Einheit — im Kampfe geboren*, hrsg. v. E. Kalbe u. S. I. Tjulpanov. Leipzig, 1975, S. 31 ff.
71. *Kalbe E.* Die Bedeutung des Sieges der UdSSR über den Faschismus für die Durchführung der volksdemokratischen Revolution und die Herausbildung der sozialistischen Gemeinschaft.— In: *Jahrbuch für Geschichte der sozialistischer Länder Europas* (далее — Jb. GSLE), Bd. 20/1. Berlin, 1976, S. 13 ff.
72. *Kalbe E.* Methodologische Probleme des Revolutionsvergleichs von Oktoberrevolution und volksdemokratischer Revolution.— In: *Wissenschaftliche Mitteilungen der Historiker-Gesellschaft der DDR*. Berlin, 1977, H. 11, S. 91 ff.

73. *Seeber E.* Die volksdemokratischen Staaten Mittel- und Südosteuropas in der internationalen Klassenauseinandersetzung zwischen Imperialismus und Sozialismus (1944—1947). — In: Jb. GSLE, Bd. 16/2. Berlin, 1972, S. 39 ff.
74. *Seeber E.* Die Errichtung volksdemokratischer Staaten und die Veränderungen im internationalen Kräftsverhältnis 1944/45. — In: Zeitschrift für Geschichte, 1974, H. 9.
75. *Seeber E.* Die volksdemokratische Revolution in Mittel- und Südosteuropa als kontinuierlicher revolutionärer Prozeß und ihr Einfluß auf die Herausbildung des sozialistischen Weltsystems. — In: Jb. GSLE, Bd. 18/1. Berlin, 1974, S. 21 ff.
76. *Fuchs G.* Zur Errichtung der politischen Macht der Arbeiterklasse in den volksdemokratischen Revolutionen Europas. — In: Der Rote Oktober und der Übergang vom Kapitalismus zum Sozialismus, hrsg. v. E. Kalbe. Leipzig, 1977, S. 54 ff.
77. *Anders M.* Der Kampf der Bolschewiki um die Mehrheit der Werktagen für die Errichtung und Festigung der Sowjetmacht. — In: Der Rote Oktober und der Übergang vom Kapitalismus zum Sozialismus. Leipzig, 1977, S. 40 ff.
78. *Ленин В. И.* О задачах пролетариата в данной революции. Полн. собр. соч., т. 31, с. 113—118.
79. *Kästner H.* Der Leninsche Plan des sozialistischen Aufbaus. — In: Jb. GSLE, Bd. 21/1. Berlin, 1977, S. 25 ff.
80. *Ленин В. И.* Пролетарская революция и ренегат Каутский. Полн. собр. соч., т. 37, с. 315.
81. *Ленин В. И.* Задачи пролетариата в нашей революции. Полн. собр. соч., т. 36, с. 168—171.
82. *Ленин В. И.* Очередные задачи Советской власти. Полн. собр. соч., т. 31.
83. *Heitzer H.* Neue Probleme der Erforschung der Geschichte der DDR. — Zeitschrift für Geschichte, 1972, H. 8.
84. *Heitzer H.* Allgemeines und Besonderes der Übergangsperiode vom Kapitalismus zum Sozialismus in der DDR. — In: Jahrbuch für Geschichte, Bd. 11. Berlin, 1974, S. 7, ff.
85. *Benser G.* Die Befreiung Europas vom Faschismus durch die Sowjetunion und der Beginn des Übergangs vom Kapitalismus zum Sozialismus auf dem Territorium der DDR. Zeitschrift für Geschichte, 1975, H. 4, S. 357 ff.
86. *Badstübner R.* Zum Problem des einheitlichen revolutionären Prozesses auf dem Gebiet der DDR. Zeitschrift für Geschichte, 1973, H. 11, S. 1325 ff.
87. *Badstübner R.* Historische Probleme der volksdemokratischen Revolution. — In: Jahrbuch für Geschichte, Bd. 12. Berlin, 1974.
88. *Küttler W.* Lenins Formationsanalyse für Rußland (1893—1904). Ein Beitrag zur Theorie und Methode historischer Untersuchung ökonomischer Gesellschaftsformationen. Diss. B. Berlin, 1976.
89. *Küttler W.* Theoretische Grundlagen und Methoden historischer Analyse von Gesellschaftsformationen. Deutsche Zeitschrift für Philosophie, 1976, H. 9, S. 1079 ff.
90. *Küttler W.* Zum Begriff der bürgerlichen und bürgerlich-demokratischen Revolution bei Lenin. — In: Studien zur vergleichenden Revolutionsgeschichte 1500—1917, S. 180 ff.
91. *Küttler W.* Die wissenschaftliche Konzeption der osteuropäischen Geschichte im Werk der Klassiker des Marxismus-Leninismus. — In: Wissenschaftliche Mitteilungen der Historiker-Gesellschaft der DDR. 1977, H. 11, S. 13 ff.
92. *Küttler W.* Oktoberrevolution und Revolutionsgeschichte. Zu den Kriterien einer historischen Typologie der Revolutionen der Neuzeit. Zeitschrift für Geschichte, 1977, H. 12, S. 1405 ff.
93. *Ленин В. И.* Революционный пролетариат и право наций на самоопределение. Полн. собр. соч., т. 27, с. 62—63.
94. *Минц И. И.* История Большого Октября. Т. I. М., 1967; Т. II. М., 1968.
95. *Ленин В. И.* Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Полн. собр. соч., т. 41, с. 77.
96. *Ленин В. И.* Две тактики социал-демократии в демократической революции. Полн. собр. соч., т. 11.
97. VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. М., 1975, с. 373.
98. *Kalbe E.* Dimitroff zum Charakter des zweiten Weltkrieges und zur Weiterentwicklung der Volksfrontpolitik. — In: Militärgeschichte. Berlin, 1972, H. 3, S. 261 ff.
99. *Димитров Г.* Политический отчет ЦК БРП(к) V съезду партии. 19 декабря 1948 г. — В кн.: Георгий Димитров. Избранные произведения. Т. II. М., 1957, с. 573—665.
100. *Ленин В. И.* Один из коренных вопросов революции. Полн. собр. соч., т. 34, с. 200.
101. Erklärung der Beratung von Vertretern der kommunistischen und Arbeiterparteien der sozialistischen Länder. Moskau, November 1957. Berlin, 1958, Abschnitt III.

ОНИЩУК М. И.

ВОЙСКО ПОЛЬСКОЕ В БОРЬБЕ ЗА УПРОЧЕНИЕ НАРОДНОЙ ВЛАСТИ В ПОЛЬШЕ В 1944—1948 ГОДАХ

С освобождением восточных районов Польши Советской Армией и сражавшимися вместе с ней польскими соединениями и частями, сформированными на территории СССР, начался новый этап не только в освободительной борьбе польского народа против оккупантов, но и новый период в истории Польши. Организатором борьбы трудящихся за революционные преобразования и создание польского народного государства была Польская рабочая партия (ППР). Начавшееся 12 января 1945 г. зимнее наступление Советской Армии и Войска Польского привело к освобождению всей территории Польши, включая западные и северные земли.

Для облегчения членам орудовавших в подполье банд возвращения к нормальной жизни Совет Министров ПНР издал 2 августа 1945 г. декрет об амнистии. Амнистией воспользовались более 42 тыс. человек, прежде всего те, кто был связан с лондонским эмигрантским правительством [1, с. 39].

Польская реакция всячески тормозила и саботировала многочисленные мероприятия, направленные на осуществление прогрессивных общественно-политических преобразований. Когда же предпринятые ею попытки захвата власти успеха не имели, она стала на путь оппозиции, а в последующем открыто выступила против пародипломатического государства. 22 августа 1945 г. реакционными силами была создана партия под названием Польске странництво любове (ПСЛ), которая стала политической базой реакционной деятельности правых и националистических группировок. Используя демагогические лозунги, ПСЛ сумела на определенном этапе объединить вокруг себя значительную часть крестьянства. Согласно неполным данным, ее численность возросла с 200 тыс. человек в ноябре 1945 г. до 800 тыс. человек в мае 1946 г. [2, с. 89].

В начале сентября 1945 г. оставшиеся в подполье руководители Армии Крайовой (АК), продолжая упорное сопротивление, создали новую организацию под названием «Вольность и неподлегłość» (ВиН), декларация которой соответствовала программе ПСЛ. В состав ВиН входил отдел безопасности, который непосредственно руководил деятельностью подпольных банд [1, с. 39].

Развернув активное вооруженное сопротивление новому строю, польская реакция широко использовала свои подпольные структуры, созданные на территории страны во время гитлеровской оккупации. Опору вооруженного подполья составляли помещичье-кулацкие слои в деревне и буржуазия в городе. Директивы реакция получала от эмигрантского правительства из Лондона.

Особенно крупных масштабов достигла вооруженная борьба на территории Белостокского, Люблинского, Жешувского, частично Варшавского, Краковского и Келецкого воеводств, где орудовали оставшиеся после войны формирования АК. В юго-восточных воеводствах Польши бесчинство-

вали отряды бандеровцев. На освобожденных землях к востоку от Одры и Западной Нисы грабежами и террором занимались остатки немецко-фашистских банд «Вервольф», состоявших из бывших солдат и офицеров вермахта, эсесовских частей и организаций «гитлерюгенда».

Согласно данным Генерального штаба Войска Польского подпольные вооруженные отряды насчитывали в январе — феврале 1945 г. около 18 тыс. человек, а по сведениям штаба Корпуса внутренней безопасности в этот период в них входило 33 тыс. человек [3, с. 140]. Из более чем 430 действовавших в 1944—1947 гг. вооруженных банд около 300 возникло весной 1945 г., когда территория страны была освобождена от фашистских захватчиков.

Бандиты совершили налеты на мелкие воинские подразделения, склады, обстреливали автомашины, перехватывали продовольствие для военных гарнизонов, товарные поезда. Укрываясь в лесах и горах, нередко имея на вооружении легкие пушки и минометы, они терроризировали население, осуществляли диверсии, зверские убийства работников государственного аппарата. С особой жестокостью реакционеры расправлялись с активистами ППР и других демократических партий. Вооруженные банды убивали советских солдат и офицеров, военнослужащих Войска Польского.

До 1948 г. подполье совершило около 30 тыс. вооруженных нападений, разрушая предприятия, учреждения связи и транспорта. Было сожжено 10 тыс. крестьянских хозяйств. От рук бандитов погибло 2705 воинов Войска Польского, Корпуса внутренней безопасности и войск пограничной охраны, 6268 сотрудников службы безопасности и гражданской милиции, немало советских солдат. Всего в результате преступной деятельности контрреволюционного подполья погибли 22 тыс. польских граждан [4, с. 2].

В условиях активизации подрывной деятельности внутренней контрреволюции ППР направила основные усилия на укрепление единства демократических сил, мобилизацию их на вооруженную защиту народного польского государства. Историческое значение в сплочении сторонников народной власти имели решения I съезда ППР, состоявшегося в декабре 1945 г. Съезд подвел итоги четырехлетней деятельности партии, наметил пути дальнейших революционных преобразований. Результатом этой деятельности явилось соглашение между Центральным комитетом Польской рабочей партии и Центральным исполнительным комитетом Польской социалистической партии, подписанное в ноябре 1946 г. В соглашении выражалась непреклонная воля к расширению сотрудничества обеих партий, что сыграло большую роль в достижении стратегической цели — ослаблении блока ПСЛ и реакционного вооруженного подполья в ходе подготовки к выборам в Законодательный сейм [1, с. 42].

По мере упрочнения позиций ППР в стране, роста ее авторитета и влияния на весь ход общественного развития усиливалось и воздействие коммунистов в армии на решение вопросов идеально-воспитательной работы, укрепление воинской дисциплины, боевой подготовки личного состава. Большую работу в этом направлении вели созданные в армии партийные группы и уполномоченные партийных органов. С конца 1946 г. они начали функционировать в Министерстве национальной обороны, в военных округах, соединениях и военных учреждениях [5, с. 165].

В деятельности Войска Польского по борьбе с вооруженным подпольем в 1944—1948 гг. можно выделить четыре периода [6, с. 11—12].

Первый период начался со времени объявления манифеста¹ ПКНО 22 июля 1944 г. и продолжался до полного освобождения Польши от гитлеровских захватчиков. В это время борьба с реакционным подпольем имела для армии второстепенное значение. Главная задача состояла в изгнании с польской земли немецко-фашистских захватчиков.

Во второй период (с июня 1945 г. по март 1946 г.) борьба соединений и частей Войска Польского с подпольем имела эпизодический характер, не была скординирована с действиями Корпуса внутренней безопасности. На подавление банд контрреволюционного подполья было направлено несколько дивизий.

Третий период начался с создания в марте 1946 г. Государственного комитета безопасности и продолжался до выборов в Законодательный сейм (январь 1947 г.). Деятельность вооруженных сил по борьбе с реакционным подпольем приобрела на этом этапе организованный, целенаправленный характер и осуществлялась под единым руководством Государственного комитета безопасности.

Четвертый период (январь 1947 г.—апрель 1948 г.) — характеризовался постепенным выходом Войска Польского из боевых действий против вооруженного подполья. Эта функция была полностью возложена на Корпус внутренней безопасности. Единственной крупной акцией этого периода явилась совместная операция под условным наименованием «Висла». В апреле 1948 г. соединения и части Войска Польского были полностью сняты с фронта борьбы против недобитых подпольных банд и впервые убыли в летние учебные центры. В жизни армии начался новый этап — планомерная повседневная боевая подготовка.

В первые два периода в борьбе с вооруженными бандами участвовали незначительные силы Войска Польского. Направленные в восточные и юго-восточные районы страны 1-я, 3-я, 9-я, а в последующем и 8-я дивизии [7, с. 96] разгромили к декабрю 1945 г. 28 банд, уничтожив 984 бандита; 2336 человек были взяты в плен [8, с. 978].

Одна из первых крупных¹ акций по ликвидации подпольных формирований была проведена частями 3-й пехотной дивизии 10—11 июля 1945 г. на территории Люблинского воеводства. В ней приняло участие 1739 военнослужащих Войска Польского, а также группа сотрудников аппарата службы безопасности [7, с. 96]. Во взаимодействии с армейскими механизированными оперативными группами действовала также авиация, выделенная для целей разведки. В ходе операции были разгромлены банды «Тарзана», «Орла», «Ежего» [7, с. 97]. Подобные акции проводились силами 8-й и 9-й пехотных дивизий в Жешовском и Краковском воеводствах.

В феврале 1946 г. была проведена еще одна крупная операция, в которой были задействованы соединения Войска Польского, дислоцировавшиеся на территории трех воеводств: Белостокского, Люблинского и частично Варшавского. Операция продолжалась 23 дня [7, с. 98]. До весны 1946 г. в этом районе полностью были уничтожены 22 банды, разгромлены другие 20 вооруженных групп, но окончательно бандитские формирования ликвидированы не были [5, с. 160].

Используя тактику партизанских действий, они избегали прямых столкновений с регулярными воинскими частями, скрывались в труднодоступной местности. С помощью агентурной сети среди местного населения и разведки они узнавали время начала операций и уходили в безопасные места. Зачастую поднятые по тревоге воинские части лишь регистрировали последствия наскоков банд. Отрицательным фактором являлось также отсутствие координации действий между вооруженными силами, службой безопасности и местными административными органами [7, с. 99].

Преступная деятельность контрреволюционного подполья представляла собой серьезную угрозу общественному порядку и органам народной власти. В одном из донесений командира 18-й пехотной дивизии (от 23 февраля 1946 г.) говорилось, что в некоторых районах территории не контролировалась ни административными органами, ни милицией, за исключением крупных населенных пунктов, где представители власти находились под защитой воинских частей и подразделений. В сельской местности не могли функционировать посты гражданской милиции, так как бандиты разоружали, убивали милиционеров и членов их семей. Согласно этому донесению в Ломжинском повяте (Белостокское воеводство) из 21 поста милиции были укомплектованы только 9 [3, с. 30].

Чтобы нанести решающий удар и сломить вооруженное сопротивление контрреволюции, необходимо было изменить не только тактику боевых действий соединений и частей Войска Польского, но и способы борьбы с ней [7, с. 99].

29 марта 1946 г. польским правительством был создан Государственный комитет безопасности (ГКБ) во главе с министром национальной обороны

роны [8, с. 984], в распоряжение которого были выделены части Войска Польского [9, с. 232] и значительные силы из состава Корпуса внутренней безопасности и милиционеров [7, с. 100].

Главными задачами ГКБ в этот период являлись: ликвидация вооруженного подполья, обеспечение непосредственной охраны помещений, где должно было проводиться голосование в ходе референдума, а также руководство агитационно-пропагандистской и политико-воспитательной деятельностью среди населения [3, с. 36].

По решению ГКБ вся территория страны была разделена на 14 зон [8, с. 984], в основном соответствовавших в то время воеводствам [10, с. 482]. В каждой зоне были созданы воеводские комитеты безопасности, в состав которых входили представители Войска Польского, Корпуса внутренней безопасности, Управления безопасности и гражданской милиции. Во главе комитета, как правило, стоял командующий военным округом или командир одного из соединений.

В директиве ГКБ от 29 марта 1946 г. подчеркивалось, что борьбу с бандитизмом необходимо рассматривать как одну из самых главных задач Войска Польского, службы безопасности и гражданской милиции [10, с. 482]. Важной особенностью борьбы с внутренней контрреволюцией в этот период явилось то, что она сочеталась с активной агитационно-пропагандистской деятельностью Войска Польского среди населения в ходе подготовки к проведению референдума (30 июня 1946 г.) и выборов в Законодательный сейм (19 января 1947 г.)

Содержание, формы и методы пропагандистской деятельности Войска Польского в период референдума определяла специальная директива, направленная в адрес командующих и начальников политико-воспитательных управлений военных округов 7 мая 1946 г. В соответствии с директивой с 28 по 31 мая и с 3 по 5 июня 1946 г. в соединениях и частях были проведены краткосрочные курсы для участников агитационно-пропагандистских групп [3, с. 42].

Референдум, проводимый по решению Крайовой Рады Народовой от 27 апреля 1946 г., рассматривался как генеральная проба сил в предвыборной борьбе между демократическим блоком во главе с ППР и блоком реакции, объединившейся вокруг ПСЛ [3, с. 33]. Польская реакция ставила своей целью если не победить в ходе референдума, то по крайней мере сорвать его. Реакционное подполье во главе с ПСЛ расценивало его как удобный случай активизировать борьбу против народной власти. В период с 1 января по 1 апреля 1946 г. вооруженные подпольные группы совершили в стране 1646 нападений, в том числе 700 террористических актов, в результате чего было убито 703 человека [3, с. 37].

4 июня 1946 г. ГКБ издал директиву для воеводских комитетов безопасности, которая определяла конкретные задачи по обеспечению референдума. На первом этапе, с начала апреля до начала июля 1946 г., усилия Войска Польского и органов безопасности были направлены на проведение акций по уничтожению банд, а также на усиление агитационно-пропагандистской работы с целью изоляции подполья от населения. На втором этапе, с 7 по 30 июня 1946 г., соединения и части Войска Польского обеспечивали непосредственную охрану пунктов голосования и безопасности членов комиссий референдума, проводили активную агитационно-пропагандистскую работу среди населения в пользу демократического блока. Часть сил была направлена на подавление вооруженных выступлений бандитов.

Для обеспечения спокойной обстановки в стране Войско Польское направило во все районы страны специальные охранно-пропагандистские группы. Их количество в том или ином районе, а также состав зависели от степени активности подполья. Государственный комитет безопасности привлек для обеспечения референдума и проведения агитационно-пропагандистской работы среди населения в общей сложности 127 544 человека. Выделенные силы должны были охранять 10 295 участков, где проводился референдум [3, с. 40].

Усилия демократического блока во главе с Польской рабочей партией, направленные на обеспечение референдума, а также участие в этой работе

войнов Войска Польского, находившихся в составе охранно-пропагандистских групп, увенчались успехом. На все три вопроса референдума подавляющее большинство населения дало положительные ответы: на первый вопрос — «Одобряешь ли ты ликвидацию сената?» — 7 844 522 человека (68,2%); на второй вопрос — «Одобряешь ли ты закрепление в будущей конституции экономического строя, основанного на проведении аграрной реформы и национализации основных отраслей народного хозяйства при сохранении определенных законом прав частной инициативы?» — 8 896 105 человек (77,1%); на третий вопрос — «Одобряешь ли ты закрепление западной границы государства на Балтике, Одре и Нысе?» — 10 534 697 человек (91,4%) [11, с. 209].

Победа в референдуме значительно укрепила авторитет народной власти и подорвала влияние буржуазной оппозиции. С этого времени начался процесс сокращения базы вооруженного подполья и разложения ПСЛ, однако активность их подрывной деятельности не уменьшалась.

Если в июне 1946 г. банды совершили 168 нападений, то в июле 1946 г. их количество достигло 375, а в августе 1946 г. — 498 [8, с. 986]. Всего с июля по декабрь 1946 г. было совершено 6 600 бандитских нападений, убито 1377 солдат и офицеров Войска Польского, Корпуса внутренней безопасности, сотрудников гражданской милиции и гражданских лиц, ранено 924 человека [8, с. 986—987].

Очередной этап подавления вооруженного подполья под единным руководством Государственного комитета безопасности связан с подготовкой выборов в Законодательный сейм.

Согласно приказу Главнокомандующего № 0260 от 4 ноября 1946 г. главной задачей Войска Польского было обеспечение, путем активизации борьбы с бандитизмом, необходимых условий для проведения демократических выборов в стране, охраны избирательных участков, спокойствия и безопасности на территории всей страны [8, с. 494].

Соединения и части Войска Польского провели с июля по декабрь 1946 г. 4 986 акций, в результате которых было ликвидировано 1695 и взято в плен 3725 бандитов [8, с. 987].

Для обеспечения безопасности граждан и полной свободы в ходе выборов вновь были созданы охранно-пропагандистские группы Войска Польского. Они действовали с 5 по 21 декабря 1946 г. и с 3 по 20 января 1947 г. [3, с. 58]. На первом этапе на территории всей страны в акции приняло участие 2 299 охранно-пропагандистских групп, общая численность которых составляла 45 239 человек. На втором этапе их численность значительно возросла и достигла 62 432 человек [4, с. 2]. Это было связано прежде всего с тем, что в задачи охранно-пропагандистских групп, наряду с разъяснением целей выборов, входила охрана избирательных участков от нападений бандитов.

Участие Войска Польского в подготовке к выборам в Сейм сводилось в целом к продолжению деятельности, проводимой в период референдума. Вместе с тем значительно обогатилось ее идейное содержание, разнообразились формы и методы. Основным принципом деятельности Войска Польского явилась тесная связь в решении задач по окончательному разгрому контрреволюционного подполья и разъяснению правды о народной Польше [3, с. 52]. Члены охранно-пропагандистских групп разоблачали антисоциалистический, антисоветский характер враждебной пропаганды, разъясняли трудящимся города и деревни цели и задачи демократического блока во главе с ППР. Особое внимание уделялось агитационно-пропагандистской работе среди сельского населения, где значительное влияние имели ПСЛ и церковь [3, с. 53].

Активно взаимодействуя с организациями Польской рабочей партии, активом Польской социалистической, Крестьянской и Демократической партий, охранно-пропагандистские группы участвовали в создании гражданских комитетов по подготовке к выборам [3, с. 65]. В период предвыборной кампании эти группы организовали 42 510 митингов и собраний, на которых присутствовало около 7,5 млн человек [3, с. 62].

Деятельность охранно-пропагандистских групп имела важное политическое значение. Воины Войска Польского веяли уверенность в польских патриотов, активно противостояли пропагандистской деятельности политической реакции.

В течение декабря и января 1947 г. охранно-пропагандистские группы провели 413 боевых акций [8, с. 988], чем было обеспечено спокойное проведение выборов. В день выборов, 19 января 1947 г., на территории всей страны было зарегистрировано всего лишь 5 нападений на избирательные участки [3, с. 68].

Польские трудящиеся решительно высказались в поддержку программы демократического блока во главе с ППР. Об этом свидетельствуют результаты выборов, в которых приняло участие 89,9% избирателей [3, с. 69]. За демократический блок во главе с ППР проголосовало 9 003 682 человека (80,1%), в то время как ПСЛ набрала всего лишь 10,3% голосов [12, с. 328].

После успешного проведения референдума и убедительной победы на выборах в Законодательный сейм демократических сил в стране возникла новая ситуация. Реакционное подполье, лишенное социальной базы и поддержки в обществе, все больше разлагалось, а банды превращались в террористические и уголовные группки.

Важное значение в разгроме контрреволюционного подполья имела ликвидация в юго-восточных районах Польши банд так называемой «украинской повстанческой армии» (УПА), борьбу с которыми в 1945—1946 гг. вели специально выделенные части 3-й, 8-й и 9-й пехотных дивизий, подразделения Корпуса внутренней безопасности и пограничных войск. Действовавшая против бандеровцев с 8 апреля по 9 октября 1946 г. оперативная группа «Жешув» нанесла им значительный урон на территории Жешувского и Люблинского воеводств, однако полностью банды ликвидированы не были [8, с. 992].

17 апреля 1947 г. ГКБ была разработана операция «Висла», направленная на окончательную ликвидацию украинского националистического подполья на территории Польши.

Банды УПА насчитывали в общей сложности около 2,5 тыс. человек. Кроме того, в юго-восточных районах страны действовала так называемая «организация украинских националистов» (ОУН), насчитывавшая несколько тысяч человек [8, с. 993], которые в случае необходимости привлекались для карательных операций, проводимых УПА.

Территория, на которой планировалось проведение операции «Висла», была разделена на два района: «С» — Санок и «Ж» — Жешув. Всего в операции приняло участие 17 350 военнослужащих Войска Польского, Корпуса внутренней безопасности и сотрудников гражданской милиции [8, с. 993].

В течение 3-х месяцев было проведено 357 боевых операций, в результате которых были разгромлены основные силы банд УПА в Жешувском, Люблинском и Краковском воеводствах. В ходе операций было ликвидировано и взято в плен 1509 бандитов [8, с. 994]. Дальнейшая борьба с УПА и ОУН была возложена на командование округов [8, с. 995], она продолжалась до середины 1948 г.

Важное значение для осуществления демократических преобразований на территории к востоку от Одры и Западной Нисы, освоения северных и западных земель имела также ликвидация немецко-фашистских банд, состоявших из местного населения немецкой национальности и бывших военнослужащих гитлеровской армии. Многие из этих банд носили уголовный характер, не имели между собой какой-либо связи и не подчинялись единому централизованному руководству. Наиболее многочисленными были банды «Вервольф» и «Фрайес Дойчланд» [3, с. 142]. Действовавшая на территории западных земель и Нижней Силезии банда «Фрайес Дойчланд» насчитывала в своих рядах около 1400 человек [3, с. 142].

В подрывной деятельности этого подполья можно выделить несколько периодов: с осени 1944 г. до мая 1945 г. — создание банд «Вервольф»;

с лета 1946 г. до конца 1947 г. — ослабление деятельности подполья в связи с выселением лиц немецкой национальности [3, с. 143].

В июне 1946 г. в г. Вроцлаве начался большой судебный процесс по делу ликвидированной в то время бандитской организации «Фрайес Дойчланд». На скамье подсудимых сидело более 100 ее руководителей.

К середине 1948 г. реакционное вооруженное подполье на территории Польши было практически ликвидировано. По неполным данным в конце 1948 г. на территории всей страны в подполье насчитывалось не более 1 тыс. человек [11, с. 216]. Решением Государственного комитета безопасности воинские части, направленные на борьбу с бандами, постепенно были возвращены в пункты постоянной дислокации, а дальнейшая борьба с реакцией поручалась органам безопасности [13, с. 228] во взаимодействии с командованием военных округов. В декабре 1948 г. были расформированы воеводские комитеты безопасности.

Деятельность Войска Польского в 1944—1948 гг. не ограничивалась только лишь вооруженным подавлением контрреволюционного подполья, участием в обеспечении референдума и выборов в Законодательный сейм. Вооруженные силы Польши внесли значительный вклад в реализацию программы демократического блока во главе с ППР, направленную на проведение социально-политических и экономических преобразований в стране. В первые годы после окончания войны Войско Польское принимало активное участие в проведении аграрной реформы, восстановлении экономики и основных транспортных коммуникаций, размежевании, освоении возвращенных Польше западных и северных земель, создании и укреплении местных органов власти, охране западных государственных границ.

Первым документом, определявшим участие Войска Польского в осуществлении аграрной реформы, явилась директива Главного политико-воспитательного управления от 8 сентября 1944 г. [8, с. 876]. Директива рекомендовала политорганам соединений и партполитаппарату частей довести до всех категорий военнослужащих содержание декрета ПКНО от 7 сентября 1944 г. о проведении в стране аграрной реформы, ознакомить с ней население близлежащих деревень в радиусе 10 км от места дислокации части [8, с. 877]. В этом документе обращалось внимание на необходимость оказать помощь населению в избрании гминных комиссий по проведению аграрной реформы.

Участие армии в аграрной реформе, по предварительным планам партийно-государственного руководства страны, должно было сводиться только к разъяснению среди военнослужащих и местного населения государственного декрета об аграрной реформе, а также к оказанию помощи в выборах комиссий по распределению земли. Однако в ходе развития событий возникла необходимость непосредственного привлечения к проведению аграрной реформы военнослужащих Войска Польского [8, с. 877]. Помещики и часть состоятельных крестьян всячески препятствовали местным органам власти в осуществлении мероприятий, связанных с разделом земли. Имели место многочисленные случаи террора по отношению к крестьянам, взявшим землю. Сроки проведения аграрной реформы в связи с этим не выполнялись, не везде были избраны гминные комиссии по разделу земли.

В связи с этим в воеводствах и повятах были назначены уполномоченные ПКНО по делам аграрной реформы, главной задачей которых было создание в кратчайшие сроки из рабочих и крестьян комиссий по проведению аграрной реформы, активизация их деятельности.

По решению ЦК ППР Главное политико-воспитательное управление Войска Польского командировало в распоряжение повятовых народных советов специальные бригады [3, с. 9] из числа наиболее подготовленных военнослужащих. Первая такая бригада была создана 4 ноября 1944 г. политико-воспитательным отделом 2-й армии Войска Польского. До конца ноября 1944 г. 1-я армия направила в повяты 45 военнослужащих, 2-я армия — 100, 6-я пехотная дивизия — 50, 4-й кавалерийский полк — 45 [8, с. 878]. С середины ноября до 20 декабря 1944 г. 98 бригад, насчи-

тыавших 560 военнослужащих, осуществляли вместе с повятовыми комиссиями во главе с уполномоченными ПКНО по делам аграрной реформы раздел земли помещиков. Всего в проведении аграрной реформы в 1944—1945 гг. приняло участие 114 армейских бригад, насчитывавших около 1000 военнослужащих [3, с. 103]. Крестьяне получили почти 6 млн га земли, из которых немногим более 4 млн га — на территории, вернувшейся к Польше после войны. В результате аграрной реформы возникло 347 тыс. новых крестьянских хозяйств, а 254 400 существовавших ранее значительно расширили свои земельные участки [4, с. 2].

Бригады Войска Польского проводили многочисленные собрания и митинги крестьян, на которых разъясняли сущность декрета ПКНО об аграрной реформе, принимали активное участие в составе комиссий в разделе земли и передаче ее безземельным крестьянам, обеспечивали безопасность и порядок в сельской местности.

Участие Войска Польского в проведении аграрной реформы способствовало укреплению связей армии с беднейшим крестьянством, увеличению сторонников народной власти в деревне.

Одной из самых необходимых задач после окончания войны было восстановление экономики, транспорта и связи.

Промышленные предприятия были разрушены на 73, а на северных и западных землях на 84 % [7, с. 182]. Потери населения в войне достигли 6 млн человек убитыми, что составляло 22,2 % от общей численности населения. Около 1 млн поляков прошли через концентрационные лагеря, около 2,5 млн были вывезены на принудительные работы в Германию и другие страны, около 2,5 млн выселено из страны [7, с. 181].

В ходе войны были сильно разрушены основные транспортные коммуникации, особенно железнодорожная сеть, взорваны мосты и т. д. Войско Польское оказывало большую помощь государственным органам в налаживании телефонной и телеграфной связи. В 1945—1946 гг. воинские подразделения и части установили линию связи между гг. Ополе, Гожув, Свебодзин и Мендзыжечь, общая протяженность которой составила 5 290 км. С помощью армии в радиосеть были включены 173 населенных пункта [7, с. 210].

Непосредственный вклад внесли польские военнослужащие в восстановление воздушного сообщения внутри страны. Армейские авиационные части выделяли для служб гражданской авиации различное техническое оборудование, пилотов. Военные летчики обучали молодых гражданских авиаторов и технических специалистов. До создания авиакомпании «Лёт», т. е. до 6 декабря 1945 г., военные летчики провели 1550 полетов на трассе общей протяженностью около 400 тыс. км. Они перевезли 25 845 пассажиров и 384 т грузов [7, с. 210].

В 1945 г. 8 отдельных строительных батальонов вместе со строительными бригадами рабочих трудились над восстановлением предприятий и налаживанием выпуска промышленной продукции. Соединения и части Войска Польского принимали активное участие в восстановлении разрушенного войной транспорта, в строительстве дорог, мостов и других объектов [14, с. 139; 7, с. 210]. В течение 1944—1946 гг. армейскими инженерными частями было построено 19 и отремонтировано 40 мостов [7, с. 209].

Массовый характер принял шефство воинских частей над предприятиями и шахтами, что имело огромное значение для расширения сотрудничества армии с трудящимися страны.

Отступавшие немецко-фашистские войска заминировали территорию общей площадью в 250 тыс. км², т. е. более 70 % территории Польши [7, с. 183]. Сразу после освобождения Варшавы инженерно-саперные части Советской Армии и Войска Польского приступили к разминированию столицы [7, с. 185; 8, с. 884]. К 10 февраля 1945 г. было уничтожено 5 тыс. различного рода мин, 43 тыс. снарядов [7, с. 186]. С января 1945 г. и до конца 1948 г. в Варшаве было обезврежено 14 тыс. мин и фугасов, 760 тыс. авиабомб и снарядов, 2 млн гранат и патронов, 46 т взрывчатых веществ [5, с. 161].

На западных и северных землях в результате заминирования, брошенных на полях боевой техники и вооружения нельзя было использовать около 3,5 млн га земли, что составляло около 30% обрабатываемой площади в этих районах. В Нижней Силезии на площади в 1,8 млн га земли было обнаружено 15 тыс. минных полей, на которых находилось около 3,4 млн мин. Предполагалось, что общее количество мин, которые необходимо было обезвредить, достигало 15 млн штук [7, с. 183]. Для их ликвидации привлекалось 10 тыс. саперов [8, с. 886].

В соответствии с приказом Главнокомандующего Войска Польского от 28 февраля 1945 г. вся территория страны разделялась на 7 основных районов, в каждом из которых был создан штаб с выделенными в его распоряжение инженерно-саперными подразделениями и частями. Начальниками штабов назначались, как правило, командиры соответствующих частей. Полное разминирование страны планировалось провести в 3 этапа: с 15 марта по 15 ноября 1945 г. — основной этап разминирования; с 15 ноября по 15 декабря 1945 г. — этап повторного, контрольного обезвреживания взрывчатых веществ; с 1 апреля по 31 мая 1946 г. — последний этап разминирования [7, с. 187].

Всего в 1945—1948 гг. польские саперы, во взаимодействии с другими родами войск, обезвредили 14 592 тыс. мин и 40 031 тыс. других видов боеприпасов и взрывчатых веществ. В борьбе с этим арсеналом смерти погибло 428 воинов Войска Польского [4, с. 2].

Армейские соединения и части оказывали неоценимую помощь местным органам власти в посевных кампаниях и в уборке урожая. Особое значение это имело в первые послевоенные годы на территории северных и западных земель, где сельское хозяйство оказалось в особенно трудном положении [7, с. 202]. Не хватало посевных материалов, рабочей силы и транспортных средств.

После возвращения с фронта в начале июня 1945 г. первыми к уборке урожая приступили военнослужащие 2-й армии Войска Польского. Этую работу они рассматривали как выполнение очередной боевой задачи [8, с. 889]. Уборка урожая, по согласованию с местными органами власти, осуществлялась в первую очередь на тех землях, которые еще не были заселены [7, с. 204]. К 31 августа подразделения и части 2-й армии собрали зерновые с площади 80 тыс. га, выполнив план на 116%. Приступившие к уборке урожая немного позднее подразделения и части 1-й армии собрали урожай с полей, общая площадь которых составляла 16 031 га. Всего в ходе уборочной кампании 1945 г. воинами Войска Польского был собран урожай с сельскохозяйственных угодий, общая площадь которых достигала 185 тыс. га [7, с. 205].

Значительный вклад в освоение западных и северных земель внесла созданная 13 апреля 1945 г. на территории Щецинского и Кошалинского воеводств 1-я сельскохозяйственная дивизия, перед которой стояла задача обработать и собрать урожай с 111 325 га пустовавшей земли. Организационно эта дивизия насчитывала 6 полков, по 15 рот в каждом. Общее количество военнослужащих дивизии в апреле 1945 г. составляло 7555 человек [7, с. 205]. К 10 сентября 1945 г. военнослужащие 1-й сельскохозяйственной дивизии убрали зерновые с площади 39 535 га, а также засеяли площадь 35 000 га, в том числе 30 460 га рожью и 2 260 га — пшеницей [7, с. 206].

Кроме выполнения сельскохозяйственных работ польские воины готовили места для переселенцев на западные земли, оказывали помощь в деятельности общественных организаций [9, с. 892].

После выполнения поставленных задач 1-я сельскохозяйственная дивизия в 1946 г. была расформирована [8, с. 892], а ее функции взяли на себя государственные сельхозкооперативы.

Несмотря на то, что к концу 1945 г. на западные и северные земли стало прибывать значительное количество переселенцев, здесь имелось еще много земли, идавшей рабочих рук. На основании приказа министра национальной обороны от 20 февраля 1946 г. соединения и части Войска Польского вновь привлекались к посевной кампании. На территории се-

верных воеводств армейские соединения и части засеяли весной 1946 г. 23 746 га земли, на юге страны, в Нижней Силезии, — более 24 тыс. га. Примерно такой же объем весенних полевых работ был выполнен и в других районах страны [7, с. 207]. Всего весной 1946 г. было засеяно 107 тыс. га земли, из которых 102 тыс. — в западных районах. Летом этого же года войска 1-й и 2-й армии собрали урожай с площади 100 тыс. га, а осенью засеяли 180 тыс. га озимыми [13, с. 284].

Войско Польское охраняло границы страны и выполняло многие обязанности, которые в нормальных условиях находились в ведении государственной администрации и органов безопасности [3, с. 145]. Задачей соединений и частей, выделенных для охраны западной государственной границы вплоть до создания 13 сентября 1945 г. пограничных войск, было пресечение нелегального перехода границы. Кроме того, в их обязанности входило обеспечение приема многих тысяч польских граждан, возвращавшихся из концлагерей и с принудительных работ из Германии. Важное значение имела также борьба с политической преступностью и диверсионно-шпионской деятельностью [3, с. 145].

Наряду с охраной границы, участием в общественно-экономических преобразованиях на территории северных и западных земель, Войско Польское включилось в акцию депатриации и выселения лиц немецкой национальности, а также заселения исконных польских земель поляками. Эту работу в армии вначале возглавляла специальная комиссия по делам поселения семей военнослужащих [8, с. 894]. Впоследствии было создано Бюро уполномоченного министра национальной обороны по делам военного поселения [7, с. 201].

Процесс поселения семей военнослужащих на территории северных и западных земель был закончен в начале 1948 г. К этому времени здесь поселилось около 170 тыс. военнослужащих и членов их семей, из которых 78% стали жителями сельской местности. В Нижней Силезии к 1 августа 1948 г. военных поселенцев насчитывалось 74 500 человек [7, с. 201].

Деятельность Войска Польского в борьбе с внутренней контрреволюцией, активное участие армии в общественно-политических и экономических преобразованиях в первые послевоенные годы осуществлялись под постоянным руководством Центрального Комитета Польской рабочей партии. В сложных условиях послевоенного развития ППР вела активную борьбу за демократический характер вооруженных сил. Важную роль ППР уделяла политко-воспитательной работе с личным составом Войска Польского.

С окончанием войны в структуре политаппарата были проведены изменения, направленные на повышение эффективности партийно-политической работы. В военных округах создавались политко-воспитательные управления [5, с. 163]. В уставы и наставления, регламентирующие жизнь армии, вносились положения о целях и задачах политработы в войсках. От политаппарата требовалось поднять на более высокий уровень всю воспитательную, пропагандистскую и культурно-просветительную работу с личным составом, так организовать ее, чтобы она отвечала требованиям мирного времени [13, с. 218—219].

ЦК НПР, политорганы Войска Польского неослабное внимание в этот период уделяли росту рядов армейских партийных организаций. В Силезском военном округе организация ППР выросла в течение 1946 г. с 83 членов до 512, а в Варшавском военном округе она увеличилась с января 1946 г. по май 1947 г. со 162 членов партии до 1058, среди которых было 850 офицеров, составлявших 41,3% всего офицерского состава округа [5, с. 165].

Неоценимую помощь в становлении и упрочении народной власти в 1944—1948 гг. оказал Польше Советский Союз. Не было такой области жизни, в которой не принимали бы участие воины Советской Армии и советские специалисты.

На освобожденной территории советские военные власти с согласия ПКНО оказывали помощь в создании временной местной администрации, которая действовала до момента прибытия представителей польского пра-

вительства. Политорганы, советская военная администрация проделали огромную политическую работу, которая способствовала созданию благоприятных условий для деятельности демократических партий во главе с ППР, укреплению их влияния в массах и проведению общественно-экономических преобразований [15, с. 158].

В первые месяцы существования народной власти важнейшие документы и листовки ПКНО и Войска Польского печатались и распространялись среди населения политическими органами Советской Армии. С 1 по 26 августа 1944 г. среди жителей в районе боевых действий 1-го Украинского фронта было распространено 558 тыс. экземпляров листовок, плакатов и брошюр, а с 26 августа по 1 сентября 1944 г. — 80 тыс. экземпляров Июльского манифеста ПКНО, 120 тыс. листовок и плакатов, 50 тыс. газет и других изданий [15, с. 159].

СССР был единственным государством, обеспечившим условия для экономического подъема народной Польши. В Советском Союзе изготавлялось оборудование, печатались почтовые марки, ремонтировались самолеты, советские реставраторы помогали восстанавливать картины Матейки, связисты налаживали линии связи, а транспортники — линии коммуникаций. Всего с помощью СССР было восстановлено 8 тыс. км железных дорог, более 100 больших, 200 средних и тысячи малых мостов, 63 железнодорожные станции, 95 тыс. км линий связи. Польша получила из СССР тысячи автомашин, два полка самолетов ПО-2, тяжелые транспортные самолеты. Весной 1945 г. советские войска оказали значительную помощь семенами для посева, тяглом и транспортом, а на пустовавших западных землях засеяли 750 тыс. га [15, с. 151].

По соглашению от 20 октября 1944 г. СССР на основе краткосрочного беспроцентного кредита поставил Польше уголь, нефтепродукты, продовольствие, сырье, автомашины на общую сумму 105 045 тыс. золотых. Польша обязалась погашать кредит ежемесячными взносами по 15 млн золотых в натуре, начиная с тридцатого дня советских поставок. Однако экономическое положение страны не позволило выполнить взятые обязательства и Советский Союз согласился отсрочить платежи до октября 1947 г. Торговый договор между Польшей и СССР, заключенный в июле 1945 г., обеспечил польскую промышленность необходимым сырьем и материалами [15, с. 151].

Важную роль сыграли части Советской Армии в восстановлении сельскохозяйственного и промышленного производства на западных и северных землях. Весной и летом 1945 г. они провели посевые работы и уборку урожая на большой территории, в основном в бывших юнкерских хозяйствах, на Мазурах, в Вармии, Западном Поморье и Нижней Силезии. В целом на западных и северных землях летом 1945 г. надо было собрать урожай с площади в 2 млн га. По данным главного уполномоченного по уборке урожая, части Советской Армии обеспечили уборку с 987,7 тыс. га [15, с. 156].

Всесторонняя помощь Советского Союза в этот период имела решающее значение для обеспечения нормального функционирования народного польского государства, осуществления демократических преобразований в общественно-политической и экономической областях.

Опыт, накопленный вооруженными силами Польши в борьбе с внутренней контрреволюцией за защиту и упрочение народной власти в первые послевоенные годы, имеет актуальное значение и в наши дни. Используя его, Войско Польское внесло важный вклад в стабилизацию внутриполитического положения в ПНР в начале 80-х годов, когда контрреволюционные силы под вывеской «Солидарности» пытались свергнуть народную власть. Опираясь на коллективную мощь стран социалистического содружества, народное Войско Польское сумело поставить эффективный заслон попыткам контрреволюционеров совершить переворот и создало условия для нормальной жизни и деятельности социалистического государства [16, с. 89]. В тревожные дни 80-х годов, как и в первые послевоенные годы, польские солдаты успешно сдали идеиный и профессиональный экзамен в службе социалистической родине. В тесном боевом строю с Со-

ветской Армией, армиями стран — участниц Варшавского Договора польские воины бдительно стоят на страже мира и социализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Nowe drogi. 1982, № 12.
2. *Kolomejczyk N., Syzdek B.* Polska w latach 1944—1948. Warszawa, 1968.
3. Z historii tamtych lat, 1944—1975. Warszawa, 1980.
4. *Żołnierz Wolności*, 1983, 15—16 IX.
5. Зарождение народных армий стран — участниц Варшавского Договора. М., 1975.
6. *Grot L. W walce ze zbrojnym podziemiem 1945—1947*. Warszawa, 1972.
7. *Dominiczak H. W walce o Polskę Ludową*. Warszawa, 1980.
8. 20 lat Ludowego Wojska Polskiego. Warszawa, 1967.
9. Walka ze zbrojnym podziemiem w Polsce w latach 1944—1948. Warszawa, 1971.
10. Wojskowy Przegląd Historyczny. 1973, № 3.
11. *Góra W. Polska Rzeczpospolita Ludowa 1944—1974*. Warszawa, 1974.
12. Historia polskiego ruchu robotniczego 1864—1964. Warszawa, 1974.
13. Wojskowy Przegląd Historyczny, 1973, № 3—4.
14. Боевой союз братских армий. М., 1974.
15. Под знаменем боевой дружбы. М., 1977.
16. Военный вестник, 1983, № 10.

ЛЕЩИЛОВСКАЯ И. И.

КЛАССЫ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (конец XVIII—70-е годы XIX в.)

Нация — сложное диалектическое единство этнического и социального с определяющей ролью последнего. Развитие нации обуславливается социальными процессами, степень зрелости — социальными факторами, сущность национальных отношений — социальной основой.

В. И. Ленин, исходя из понимания нации как социально-исторической категории, отмечал принципиальное значение раскрытия роли отдельных классов и классовой борьбы в формировании и становлении капиталистических наций [1, т. 1, с. 154; т. 2, с. 221]. Изучение классового аспекта складывания наций, в частности, в регионе Центральной и Юго-Восточной Европы¹, имеет в настоящее время особую актуальность, поскольку современные буржуазные концепции нации, сводя ее признаки к этническим категориям или вовсе представляя ее как явление человеческого сознания, игнорируют роль классовой борьбы в формировании нации. Буржуазные теории нации преследуют цель затушевывать решающую роль народных масс в этом существенном процессе новой истории.

В последние годы в СССР и зарубежных социалистических странах появилось немало работ, освещавших условия возникновения и становления наций в Центральной и Юго-Восточной Европе [2]. Однако роль классов и классовой борьбы в складывании наций в этом регионе в XIX в. остается недостаточно изученной.

В настоящей статье ставится задача дать обобщающую характеристику роли классов и социальных слоев в ходе превращения народностей в нации, складывания отношений между ними и борьбы за национальное освобождение в Центральной и Юго-Восточной Европе. Статья охватывает период с конца XVIII в., когда процессы образования наций проявились на востоке Европы достаточно отчетливо, до 70-х годов XIX в.; 1870—1871 годы — это грань, завершающая определенный этап исторического развития в общеевропейском масштабе. 70-е годы явились вехой и в истории народов рассматриваемого региона, поскольку в это время происходит изменение роли классов в историческом процессе в связи с победой капитализма на большей части территории Центральной и Юго-Восточной Европы, образованием ряда независимых национальных государств и выступлением на общественную арену рабочего класса. Но это

1 В. И. Ленин, отмечая особенности исторического развития Восточной Европы сравнительно с Западной, объединял Австро-Венгрию, Балканы и Россию в одну типологическую группу [1, т. 22, с. 155]. В современной научной литературе устанавливаются понятия Центральной и Юго-Восточной Европы как части Восточной Европы. Применительно к XIX в. в ареал Центральной Европы включаются территории габсбургской империи и польские земли, находившиеся тогда под властью Пруссии и царской России. Под Юго-Восточной Европой подразумеваются Балканы.

не значит, что проблемы, решенные на данном историческом этапе ведущими, развитыми капиталистическими государствами, утратили актуальность в масштабе всей Европы [3]: на востоке континента буржуазно-демократические преобразования оставались незавершенными². В период с конца XVIII в. до 70-х годов XIX в. социально-классовый состав общества в Центральной и Юго-Восточной Европе имел переходный характер. Это было время складывания основных классов капиталистического общества, видоизменения и преобразования классов феодального общества.

Формирование наций в этом регионе, как и всюду, началось на основе развития капитализма в недрах феодальной формации. Этот процесс в разных странах и землях не был синхронным. При наличии общих черт национальное становление отдельных народов и развитие межнациональных отношений в силу своеобразия исторических условий имело свои особенности. Формирование наций происходило при различном уровне экономического развития, неодинаковом классовом составе этнических общностей, неравнозначном положении отдельных народов в общественной и политической системе государств. Не были тождественными условия самого существования народов. Территория расселения некоторых из них (поляков, румын, сербов) была расчленена между разными государствами. Эти обстоятельства сказывались на роли и взаимодействии классов в процессе формирования и развития отдельных наций.

Нацию как общественную категорию капитализма составляли разные классы и социальные слои. Ее зарождение и развитие были результатом деятельности разнородных классовых сил, сложного взаимодействия и борьбы классов. В социально-политической активности наций и в межнациональных отношениях проявлялась природа классов.

Ражнейшую роль в складывании наций в Центральной и Юго-Восточной Европе играли народные массы — трудящиеся классы и выражавшая их интересы часть интеллигенции. На той ступени развития, когда нации только зарождались и оформлялись, городские рабочие составляли незначительный слой в сравнении с крестьянством. Трудящееся и эксплуатируемое население составляло подавляющую часть каждой нации, определяя прежде всего ее совокупную силу и численные масштабы. Крестьяне и ремесленники, основные производители материальных благ в условиях феодализма, своим трудом и борьбой против феодальной эксплуатации создали историческую возможность образования наций. Трудовая деятельность народных масс, рост товарно-денежных отношений, связи деревни с городом явились основой развития общности экономической жизни [5, с. 299, 300]. Именно трудящееся население было определяющим фактором территориальных пределов расселения этноса. Речь идет о территориальной общности, без которой нет нации.

В условиях многовекового чужеземного гнета, которому подвергались народы Центральной и Юго-Восточной Европы, крестьянство было главным хранителем этнических признаков каждой общности и развивало их в процессе становления нации. Речь идет об обыденном сознании, обиходном языке и традиционно-бытовой культуре, в которых концентрируются этнические черты культуры в целом [6].

Крестьянство решительно боролось против феодального угнетения. Нации формировались и созревали в борьбе против феодализма, и по-

² В. И. Ленин, характеризуя две эпохи³ в развитии капитализма, констатировал, что первая из них была «эпоха краха феодализма и абсолютизма, эпоха сложения буржуазно-демократического общества и государства, когда национальные движения впервые становятся массовыми...» [1, т. 25, с. 264]. В. А. Дьяков считает, что эта эпоха в странах Центральной и Юго-Восточной Европы завершилась в 70-х годах XIX в. [4]. В. И. Ленин указывал, что в отличие от Западной Европы, где в 1871 г. закончилась эпоха «национальных движений и создания национальных государств», в Восточной Европе и Азии «эпоха буржуазно-демократических революций только началась в 1905 году... И в этой цепи событий только слепой может не видеть пробуждения целого ряда буржуазно-демократических национальных движений, стремлений к созданию национально-независимых и национально-единых государств» [1, т. 25, с. 269]. На Востоке Европы: в Австрии, на Балканах и особенно в России «именно XX век особенно развел буржуазно-демократические национальные движения и обострил национальную борьбу» [1, т. 27, с. 260].

этому история становления наций в Центральной и Юго-Восточной Европе и история антифеодальной борьбы крестьянства глубоко и органически связаны. С зарождением капитализма классовая борьба крестьян получила новое социальное значение. Перед крестьянством открылась перспектива ликвидации феодальной эксплуатации. Отныне объективным содержанием крестьянского движения была не просто расчистка пути для формирования той или иной нации вообще, но обеспечение демократического пути ее развития.

На территории австрийской монархии циклы антифеодальной крестьянской борьбы и периоды повышенной социальной активности складывавшихся наций по времени совпадают. Это — 70—80-е годы XVIII в., 30—40-е годы XIX в. (наиболее крупными выступлениями крестьян этого времени были восстания: в Словакии в 1831 г. и в Галиции в 1846 г.), далее период революции 1848—1849 гг. и 60—70-е годы XIX в. Такие совпадения не случайны, хотя взаимосвязь явлений не была прямой и непосредственной. Антифеодальная борьба крестьянства, сама будучи проявлением общественного подъема, давала импульсы в самые разные сферы социальной жизни. Напор «снизу» оказывал могучее влияние на политические настроения в обществе, складывание и развитие освободительной идеологии, поведение всех классов и слоев.

Важным этапом в процессе образования наций в Центральной Европе явились революции 1848—1849 гг. Решающей движущей силой революции всюду были народные массы. В условиях того времени даже стихийные крестьянские выступления становились объективно политическим фактором первостепенного значения. Несмотря на поражение, революция 1848—1849 гг. привела к крушению феодализма в Австрийской империи. Борьба народных масс в разных провинциях и землях была решающим фактором перехода от феодализма к капитализму, от народности к нации.

В условиях незавершенности буржуазно-демократических преобразований крестьянство в разных землях Австрийской империи выступало еще как класс — сословие, добиваясь ликвидации остатков феодализма в сельском хозяйстве. Крестьянское движение, значительно усилившееся в 60-е годы XIX в., объективно имело широкое буржуазно-демократическое содержание и являлось важной предпосылкой развития наций. Однако стихийность и разрозненность крестьянского движения, слабые связи с другими демократическими силами ограничивали его общественные возможности. С падением феодального строя усилился процесс социального расслоения внутри крестьянства. В ходе развития нации различные социальные слои крестьянства начали проявлять себя соответственно как зарождавшаяся сельская буржуазия, основная мелкобуржуазная масса и пролетариат (или полу proletариат).

Своей борьбой против феодализма и его остатков крестьянство внесло существенный вклад в процесс социального развития наций и национально-освободительного движения. Неуклонно нараставшее с начала XIX в. сопротивление крестьян османскому феодализму явилось важным фактором общественной жизни и в подвластных Турции провинциях Балкан. Крестьяне вели повседневную и упорную борьбу против угнетения, в ходе которой происходили стихийные локальные восстания. Наиболее значительными были народные восстания в 1834, 1836, 1841, 1850 гг. [7, 8].

В отличие от ситуации в большинстве областей Центральной Европы крестьянство на Балканах в ряде случаев оказывалось в одном лагере с частью национальной буржуазии, при различии их конечных целей. Так было во время освободительных восстаний в Сербии (1804—1813 гг. и 1815 г.) и Валахии (1821), в ходе буржуазной революции 1821—1829 гг. в Греции, в революционных событиях 1848 г. в Дунайских княжествах. А в восстаниях периода Восточного кризиса (1875—1878) значительная часть крестьян и ремесленников выступала под идеально-политическим руководством революционной демократии. Борьба крестьян и ремесленников на Балканах оказывала более непосредственное и сильное воздействие на социальное и национальное развитие.

Рассматриваемый период был временем подъема в Центральной и Юго-Восточной Европе организованных национально-освободительных движений, обусловленных пробуждением угнетенных наций и являвшихся мощным фактором их укрепления. Воздействие национально-освободительного движения на развитие нации было тем глубже, чем шире было участие в нем народных масс и сильнее проявлялась их активность. Без крестьянства не могло возникнуть мощное и полнокровное национально-освободительное движение.

В славянских землях Австрийской империи буржуазные круги с самого начала отказались от совместных действий с крестьянством, так как основные интересы их не совпадали. Это предопределило программную ограниченность и общую слабость славянских национально-освободительных движений. Правда, еще в 1848 г., а затем в 60—70-х годах XIX в. в ряде земель некоторые фракции буржуазии предпринимали попытки апеллировать к широким массам. Чешская радикальная демократия старалась возглавить восставшее население Праги в 1848 г. Но, как правило, политика буржуазии была направлена на подчинение трудящихся масс и использование их в качестве орудия для решения своих ограниченных классовых задач, прежде всего в национальном вопросе. Крестьяне неоднокаково реагировали на буржуазную агитацию. Поэтому необходимо различать пробуждение национального самосознания у трудящихся слоев населения, их вклад в дело национального освобождения и использование этого обстоятельства либеральной буржуазией в своих интересах.

Там, где помещики относились к господствующей нации, а крестьяне — к угнетенной (в Чехии, Словакии, Воеводине, Восточной Галиции, Буковине), крестьянское движение, направленное против феодализма и его остатков, приобретало и национальный характер. Однако оно оставалось стихийным.

Иной была расстановка классовых сил в венгерской революции. Осенью 1848 г., перед угрозой вицейской опасности и восстановления домарковских порядков, стало возможным совместное выступление наиболее передовой части дворянства, руководившей буржуазной революцией, и крестьян при разном их классовом подходе к решению общенациональной задачи — достижения независимости страны. Благодаря широкому участию народных масс венгерская революция и национально-освободительная война приобрели силу и размах. В ходе всенародной борьбы крепла венгерская нация.

Польское национально-освободительное движение, руководящую роль в котором играло дворянство, развивалось при ограниченном участии крестьян. Но стихийные антифеодальные выступления крестьян оказывали прямое влияние на национально-освободительное движение, поднимая его на более высокий уровень [9]. Демократические силы нашли единственно возможный в то время путь освобождения Польши. В Краковском восстании 1846 г. наметилась тенденция к соединению крестьянской антифеодальной борьбы с борьбой за уничтожение национального гнета под руководством польской революционной демократии во главе с Э. Дембовским. «Заслуга поляков состоит в том, — писал Ф. Энгельс в 1848 г., — что они первые признали и провозгласили аграрную демократию как единственно возможную форму освобождения всех славянских наций...» [10, т. 5, с. 381].

На Балканах тяжесть турецкой феодальной системы, совпадение классовых, национальных и религиозных противоречий, готовность части буржуазии к вооруженной борьбе обусловили то, что в Сербии, Греции, Боснии и Герцеговине, Болгарии крестьяне и ремесленники выступали важнейшей силой революций и национально-освободительных движений. Трудящиеся составляли боевую армию в восстании 1821 г. в Валахии.

В ходе освободительной борьбы решались социальная и национальная проблемы. В разных ситуациях, на разных этапах движений, в зависимости от степени активности тех или иных общественных сил превалировала та или другая проблема перехода от феодализма к капитализму. Но всюду в первую очередь и главным образом борьба трудящихся масс обу-

ловила смену общественно-экономических формаций. Ярким примером этого является Первое сербское восстание. Начавшись под руководством торговцев как выступление против террористического хозяйничания дахиев, оно волею народа переросло в глубокий социальный переворот.

В 60—70-х годах на Балканах идеино-организационно оформилось революционно-демократическое направление. Революционная демократия выразила интересы эксплуатируемых масс и противопоставила их чаяния целям как либеральной буржуазии, так и консервативных сил. Она соединила задачи ликвидации национального гнета и экономического освобождения трудящихся, отстаивала путь народной революции. Под ее руководством крестьяне, ремесленники и городская беднота выступали в рамках буржуазно-демократического лагеря, боролись против турецкого гнета. В 70-х годах XIX в. на Балканах национально-освободительная борьба приобрела подлинно народный размах с точки зрения основных движущих сил, влияния широких масс на формы борьбы, воздействия революционной демократии на политическую ситуацию [11—16]³.

В освободительных восстаниях участвовали крестьяне и ремесленники различных национальностей. Так было в Первом сербском восстании, греческой революции, революционных выступлениях 1821 и 1848 гг. в Валахии, городских и крестьянских восстаниях 1848 г. на территории габсбургской империи, боснийско-герцеговинском восстании 1875—1878 гг., Апрельском восстании 1876 г. в Болгарии. Совместная борьба трудящихся разных национальностей усилившала социальное значение этих исторических движений. Революционная демократия выдвинула и развила идею сплочения трудящихся независимо от национальности в борьбе за свое освобождение. В революционной борьбе широких масс закладывались основы межнационального общения демократических сил [18].

Трудящиеся массы внесли существенный вклад в формирование национальной культуры. Созданные народом духовные ценности были тем основанием, на котором складывалась новая, национальная художественная культура. При этом фольклор, отражавший чаяния народных масс, был важной частью ее демократического направления.

Констатируя важную роль крестьянства в развитии нации, нельзя не видеть историческую и социальную ограниченность крестьянской революционности, неспособность крестьянства к самостоятельному победоносному движению, его экономическую и общественную разобщенность, приверженность традиционализму, узость кругозора, патриархальность и замкнутость крестьянского быта.

Появление на общественной арене в Центральной, а затем и Юго-Восточной Европе пролетариата существенным образом изменило взаимодействие классов, соотношение сил в классовой борьбе, роль отдельных классов в развитии наций. Оно наполнило общественную жизнь каждой нации новым содержанием.

Важной особенностью формирования рабочего класса на национальных окраинах габсбургской империи, где укрепились позиции австро-немецкого капитала, было становление пролетариата как социального антиподы национальной буржуазии и австро-немецкой буржуазии. В ряде земель, особенно в Чехии и Словении, в промышленном отношении наиболее развитых, фабрично-заводская часть пролетариата формировалась быстрее, чем национальная промышленная буржуазия. Существенной особенностью был и разнонациональный состав пролетариата, особенно в Чехии, Словении, Словакии, Воеводине и Галиции как в целом, так и на отдельных предприятиях. Предпосылкой пролетарского воздействия на решение национального вопроса было идеиное и организационное сплочение рабочих в единый революционный фронт.

Уже революция 1848 г. в Австрийской империи знаменовалась общественной активностью рабочих. В венских, Краковском, Пражском и Львов-

³ В Дунайских княжествах революционно-демократические идеи появились в 1848 г., но после смерти Н. Бэлческу в 1852 г. они не пропагандировались. Революционно-демократическое наследие было подхвачено домарксистскими социалистами 70-х годов [17, с. 185].

ском восстаниях участвовали тысячи рабочих. В Австрии, Венгрии, Чехии рабочие выступили с экономическими требованиями. С конца 60-х годов XIX в. в наиболее развитых землях Австро-Венгрии началось организационное оформление рабочего движения. Апелляция буржуазии в 60—70-х годах XIX в. к широким слоям населения затронула и рабочий класс. Буржуазия стремилась разобщить рабочих и непролетарские слои трудящихся по национальному признаку, превратив массы в послушное орудие осуществления своих интересов. В Словении и Чехии буржуазные круги развернули кампанию тaborов — массовых политических митингов. В политическую борьбу втягивались широкие слои населения, но под руководством либеральной буржуазии. Тaborы представляли собой сложное явление в жизни словенской и чешской наций. Они означали активизацию угнетенных наций, усиление борьбы за буржуазно-демократические преобразования, расширение среди населения национального самосознания. Нередко трудящиеся массы на этих политических митингах выступали против всякого гнета. Но в условиях начавшегося рабочего движения тaborы, руководимые либеральной буржуазией, тормозили формирование классового самосознания народа, давшегося пролетариата и высвобождение трудящихся из-под влияния буржуазной идеологии, буржуазной идеи о совпадении интересов всех классов нации, препятствовали интернациональному сплочению трудящихся масс. С зарождением рабочего движения перспектива развития и подлинного освобождения угнетенных наций была связана с классовой борьбой рабочего класса против эксплуатации и угнетения. И все, что мешало его классовому становлению, сплочению вокруг него всех трудящихся мешало и развитию нации.

На начальном этапе рабочее движение в Чехии, Словении, Хорватии находилось под влиянием либералов, клерикалов, мелкобуржуазной интеллигенции. Национально-освободительное движение под их руководством даже при участии рабочих оставалось буржуазным или мелкобуржуазным.

Постепенно рабочие осознавали свои самостоятельные интересы. Начал оказывать влияние на национальные отношения пролетарский интернационализм. Проявившись вначале как единичные, слабо осознанные акты классовой солидарности пролетариев различных национальностей, он выразился в сплочении рабочих независимо от национальности в ходе стачечной борьбы, затем в манифестациях, в рабочих обществах, профессиональных союзах, в движении солидарности с Парижской коммуной. Рабочее движение в разных землях Австро-Венгрии развивалось в направлении упрочения взаимных контактов в рамках государства и в связи с международным рабочим движением.

Хотя социал-демократические группы в Словении, Воеводине, Словакии долгое время недооценивали значение национального вопроса (полагая, что он автоматически будет решен при социализме), на социалистических митингах, конференциях, в печати провозглашалось право наций на самоопределение. Пропаганда интернационалистских идей оказывала пролетарское воздействие на развитие наций в идеологическом плане [19—21].

С классового самоопределения началась борьба пролетариата за отстранение национальной буржуазии от руководства жизнью нации, за решение национального вопроса посредством ликвидации капитализма. Историческая освободительная миссия рабочего класса, определявшаяся его положением в обществе, состояла в ликвидации классового гнета и социальном освобождении трудящихся, в уничтожении национального неравноправия.

По традиционной буржуазной точке зрения буржуазия является создателем нации и единственным ее представителем [5, с. 262, 263]. Марксизм-ленинизм, констатируя важную роль народных масс в формировании нации, вместе с тем раскрывает значение других классов и социальных слоев в этом процессе. «Нельзя быть марксистом, — писал В. И. Ленин, — не питая глубочайшего уважения к великим буржуазным революционерам, которые имели всемирно-историческое право говорить от имени буржуазных „отечеств“, поднимавших десятки миллионов новых наций к цивилизованной жизни в борьбе с феодализмом» [1, т. 26, с. 226].

В Центральной и Юго-Восточной Европе развитие буржуазии при всех национальных особенностях имело существенные общие черты. Становление буржуазии угнетенных этносов протекало медленно. Она формировалась преимущественно в сфере торговли, в меньшей степени — в системе производства. Позиции национальной буржуазии укреплялись главным образом во второстепенных отраслях производства. Эти обстоятельства оказывали прямое влияние на общий облик нации, темпы ее развития и самоутверждения.

Как и всюду, в Центральной и Юго-Восточной Европе буржуазия выступала руководителем капиталистического прогресса. Она способствовала складыванию экономической общности «своей» нации, используя результаты труда и борьбы народных масс. В. И. Ленин, имея в виду Россию, писал, что создание национальных связей «было не чем иным, как созданием связей буржуазных» [1, т. 1, с. 154].

Объективная роль буржуазии в процессе образования нации была неадекватна ее политической позиции. Ее участие в национально-освободительной борьбе определялось своеобразием исторических условий. Неравнозначной была позиция по национальному вопросу крупной, средней и мелкой буржуазии⁴.

На Балканах, в условиях турецкого гнета, хотя и при относительно низком уровне экономического развития, буржуазия активно участвовала в национально-освободительной борьбе, ее политика была действенной, а влияние — значительным. Руководители Первого сербского восстания, воеводы и князья на местах были торговцами. Боярско-буржуазный блок возглавил общественное движение и революцию 1848 г. в Дунайских княжествах [17, с. 18, 45]. Ведущую роль буржуазия играла в греческой революции, в боснийско-герцеговинском восстании 1875—1878 гг.⁵ Болгарская буржуазия, за исключением незначительного слоя чорбаджийства, сотрудничавшего с турецкими угнетателями, была силой, активно противостоявшей турецкому режиму, хотя ее различные группировки на разных этапах борьбы проявляли себя неодинаково [23; 24, с. 254, 258, 337, 362, 379].

Определенное влияние на развитие некоторых наций оказывала буржуазная эмиграция, которая в ряде случаев проявляла высокую национальную активность. Буржуазия греческих колоний выступила организатором национально-освободительной борьбы в общепанциональном масштабе [25, с. 65—66, 76, 77]. Крупная болгарская буржуазия в Константинополе разделяла с духовенством руководство борьбой за независимую болгарскую церковь. Болгарская буржуазия в эмиграции в 60—70-е годы руководила умеренно-либеральным движением и поддерживала связи с буржуазией других национальностей [24, с. 258, 270; 26].

По мере развития национально-освободительных движений на Балканах активность буржуазии возрастала, но в комплексе общественных сил, борющихся за освобождение, ее роль снижалась. В 70-е годы XIX в. в Сербии, Болгарии, Боснии и Герцеговине важным фактором освободительной борьбы стал революционно-демократический лагерь.

Иначе обстояло дело на территории габсбургской монархии. До революции 1848—1849 гг. буржуазия в руководстве национально-освободительными движениями, кроме чешского и сербского, прямого участия не принимала. В Венгрии и Хорватии, где было сильное национальное дворянство с многовековыми традициями политической борьбы и опытом организации, в первой половине XIX в. существенную роль в защите интересов формировавшихся наций играло либеральное дворянство. Эта его часть была связана еще с феодальным землевладением, но в идейном и политическом отношениях выступала с буржуазных позиций. В Венгрии в 1848—1849 гг. либеральное дворянство стало руководителем буржуазной революции и национально-освободительной войны.

⁴ О внутриклассовом составе буржуазии см. [22].

⁵ В основном это была буржуазия сербской национальности.

Сравнение положения в Центральной и в Юго-Восточной Европе показывает, что степень активности буржуазии определялась не столько ее зрелостью, сколько остротой общественных противоречий. Если режим насилия, характерный для османской феодальной системы, побуждал национальную буржуазию к ликвидации турецкого господства, то условия габсбургской монархии допускали, хотя медленное и затрудненное, развитие торговли и промышленности, порождая в буржуазной среде заинтересованность в сохранении емкого имперского рынка и удерживая ее от решительного вторжения в политическую жизнь.

Необходимо подчеркнуть противоречивое воздействие буржуазии на формирование нации, возраставшее по мере развития капитализма. Экономически цементируя нацию, она насаждала национализм, тормозила общественный прогресс. Более или менее ограниченной была ее позиция по национальному вопросу. В 1848—1849 гг. в Венгрии поступательное развитие революции и радикализация национального курса были связаны не с либеральными, а с демократическими в широком смысле силами, боровшимися за коренные преобразования. В деятельности польского буржуазно-шляхетского лагеря в Галиции все более усиливалась соглашательская тенденция. Либеральные чешские, словенские, словацкие и хорватские круги в 1848—1849 гг., а затем в 60-х годах XIX в., в моменты подъема общественного движения, придерживались, за единичными исключениями, компромиссной позиции в отношении Габсбургов и имперской реакции. Кризис 60-х годов завершился их капитуляцией перед короной. Если часть средней и мелкой болгарской буржуазии стояла на революционных позициях, то крупная — пытаясь легальным путем добиться уступок со стороны Порты [27—29]. В Боснии и Герцеговине буржуазия ориентировалась на внешние силы и не ставила целью полное освобождение провинций из-под власти Турции [13, с. 130].

В ходе освободительных движений шла борьба не только за самоутверждение наций, за нормальные условия их развития, в конечном итоге за национальное государство, но и за социальный облик наций. Буржуазия связывала национальное освобождение с весьма ограниченными социальными преобразованиями. Она, как правило, не была на стороне крестьян даже там, где их классовые противоречия с феодалами совпадали с национальными и религиозными. Недемократическая позиция буржуазии наглядно проявилась в боснийско-герцеговинском восстании. Она выступала за сохранение землевладения феодалов-мусульман и соглашение с ними на основе выкупа феодальных повинностей [13, с. 135]. Заинтересованная в ликвидации стеснительных для себя феодальных порядков социально неразвитая буржуазия в то же время была связана с феодальной системой. Поздно выступившая на общественную арену, когда в Западной Европе уже началось рабочее движение, буржуазия на востоке континента в массе своей проявляла узость и непоследовательность в решении социальных задач.

В сфере национальных отношений буржуазия развивала экономические связи между разными нациями. Но одновременно она проводила политику разобщения народов, усугубляла межнациональные противоречия и конфликты. Зарождение и развитие капитализма в Центральной и Юго-Восточной Европе сопровождалось усилением национального угнетения порабощенных народов. «Просвещенное» правление Иосифа II характеризовалось насильственной германизацией ненемецкого населения габсбургской монархии. Вступление Венгрии на путь капиталистического развития обусловило с конца XVIII в. политику мадьяризации невенгерских народов, населявших территорию «короны св. Стефана». Претензии греческой буржуазии на Балканах в первой половине XIX в. находили выход в культурной эллинизаторской практике фанариотского духовенства. Буржуазные круги порабощенных наций придавали прогрессивному в своей основе национальному протесту, порожденному политикой угнетателей, националистические черты. Это отчетливо проявилось в национальных движениях славян (кроме поляков) и румын в Австрийской империи в период революции 1848—1849 гг.

В процессе формирования наций видную роль играла интеллигенция. По своему положению в обществе и идеяным устремлениям она была неоднородной. Через нее разные классы выражали свои интересы.

На ранней стадии развития наций, особенно там, где буржуазия не проявляла еще значительной общественной активности, деятельность буржуазной интеллигенции (т. е. той части интеллигенции, которая положению и связям была близка к буржуазии и либеральному дворянству, — где оно имелось, — и идеологически представляла их) приобретала якобы самостоятельный характер.

Передовая интеллигенция в период национального пробуждения была творцом буржуазных национальных идей и теорий, выражавших в той или иной мере общенациональные потребности. С появлением революционно-демократической интеллигенции, которая поднялась до понимания самостоятельных интересов трудящихся, к ней перешла общественная функция наиболее полного и последовательного для своего времени выражения социальных нужд нации. Раньше всего революционная демократия появилась в польском обществе (30—40-е годы XIX в.). В период революции 1848 г. ее представители заявили о себе в Венгрии и Дунайских княжествах. В 60—70-е годы складывалось революционно-демократическое направление в княжестве Сербии, в Болгарии, Боснийско-Герцеговинском вилайете.

Роль буржуазной интеллигенции в процессе формирования и развития национального сознания была неоднозначной. Если социальным источником национализма являлась находившаяся в стадии формирования буржуазия, то непосредственным выразителем ее мировоззрения и политики была, как правило, буржуазная интеллигенция. При определении социальных функций буржуазного национализма необходимо различать угнетающие и угнетенные нации. «В *каждом* буржуазном национализме угнетенной нации, — писал В. И. Ленин, — есть общедемократическое содержание *против угнетения...*» [1, т. 25, с. 275—276]. В нем находило выход пробуждавшееся национальное самосознание. Вместе с тем национализм, проистекавший из классовых интересов буржуазии, противопоставлял «свою» нацию другим народам, отождествлял национальное с социальным, абсолютизировал этнический фактор и т. д. Претворение в жизнь этих принципов вело к изоляции нации, искусственно торможению процесса ее духовного обогащения достижениями других народов, обеднению культуры нации и т. д. Буржуазный национализм был направлен против развития классовой борьбы внутри нации, тем самым он задерживал ее прогресс.

В условиях национального гнета буржуазный национализм оказывал влияние на широкие слои населения. Создавалась традиция его антиугнетательской направленности. Это позволило буржуазии в изменившихся исторических условиях спекулировать лозунгами периода национального пробуждения в узко корыстных, далеких от интересов нации целях.

Во многих случаях буржуазная интеллигенция стояла у руководства национально-освободительными движениями или разделяла его с другими социальными слоями, осуществляя идейную гегемонию формирующейся буржуазии. В Словакии интеллигенция, в том числе учащаяся молодежь, была руководящей силой национально-освободительной борьбы.

Особенно значительной была роль интеллигенции в процессе складывания и функционирования национальной культуры, образования и совершенствования единого литературного языка. Общественная значимость интеллигенции возрастала в связи с тем, что на ранней стадии национального пробуждения ряда народов (чехов, словенцев, словаков, хорватов, сербов) большое значение приобретал вопрос о национальном литературном языке. Он был актуальным и для других народов, хотя не имел такой остроты.

Формирование общности экономической жизни отдельных народов, появление и развитие внутренненациональных связей порождало потребность в едином литературном языке для каждого народа, расширении социальных функций языка и беспрепятственности его развития. В Словакии

и Словении вплоть до революции 1848 г., в Чехии и Хорватии — до начала 40-х годов жесткие условия меттерниховского режима не позволяли передовым деятелям публично выражать свои взгляды и ставить большие общественные проблемы. Идейная борьба развернулась вначале в языковой сфере. За концепциями новых литературных языков скрывался вопрос о праве определенных социальных слоев говорить от имени нации. За патриотическими призывами к возвышению национальных языков было стремление к самоутверждению формирующихся угнетенных наций как достойных и равноправных среди других европейских народов.

Деятельность разных слоев интеллигенции была неравнозначной с точки зрения постановки и решения буржуазно-демократических задач культурного строительства, духовного развития нации, ее культурного взаимодействия с другими нациями. В первой половине XIX в. на переднем плане культурной жизни выступала буржуазная интеллигенция. С появлением революционно-демократической интеллигенции роль передового отряда в культурном строительстве перешла к ней. Революционно-демократическое направление в мировоззренческом отношении явило собой высшую точку развития культуры в допролетарский период, но не всегда связь между идейной позицией художника и силой эстетического воздействия его произведения прямолинейно выражена. Выдающийся болгарский революционер, социалист, поэт Х. Ботев в национальном искусстве с наибольшей силой и глубиной смог выразить свое время.

В. И. Ленин указывал на «неравномерность классового состава разных наций» [35]. Различие в социальном составе формирующихся наций наиболее отчетливо проявилось в наличии или отсутствии дворянства. Многочисленное дворянство с сильными экономическими позициями, многовековыми политическими традициями и сословными привилегиями было в Польше, Венгрии и Хорватии. Формирование других наций в Центральной Европе проходило при отсутствии или крайней малочисленности дворянства.

В результате экономической и идеологической перестройки часть дворянства, хотя еще и связанныя с феодальной собственностью, постепенно обуржуазивалась. Как уже отмечалось, ее роль в обществе, тем более в условиях национального угнетения, приближалась к той роли, которую должна была играть буржуазия. После революции 1848—1849 гг., приведшей к освобождению крестьян, в Венгрии и Хорватии эта часть дворянства постепенно превращалась в землевладельческую часть буржуазного класса. Иным было положение основной массы дворянства. Его место в жизни общества определялось связью с привилегированным феодальным, позднее полуфеодальным, землевладением, которое являлось главным тормозом на пути социального развития наций. И тем не менее конкретно-историческая ситуация в отдельных землях вносила корректирующие в общественные функции массы дворянства.

Ломка старых производственных отношений и политика правящих кругов, поставившая под угрозу былие привилегии хорватского феодального класса, побудили консервативную массу хорватского дворянства выступить против навязывания венгерской культуры, поддерживать создаваемые национальные учреждения и общества. Она отстаивала «муниципальные права» Триединого королевства⁶, понимаемые как сословные политические привилегии помещиков. Все это препятствовало насилиственной мадьяризации хорватов, в какой-то мере ограждало культуру формирующейся нации от подавления. Вместе с тем консервативное хорватское дворянство, защищая феодализм, было и опорой имперской реакции. После революции 1848—1849 гг. тормозящее воздействие дворянства, являвшегося носителем феодальных пережитков и традиций, опорой ионационального господства над хорватским народом, на процесс развития хорватской нации усилилось, хотя до установления дуализма в империи оно и находилось в оппозиции к центральной власти.

Иной была позиция венгерского дворянства и польской шляхты.

⁶ Так официально назывались Хорватия, Славония и Далмация.

Кульминацией политической активности венгерского дворянства была революция и национально-освободительная война 1848—1849 гг. Если венгерская магната, близко стоявшая к австрийскому двору, исключая незначительный слой либеральной аристократии, выступала составной частью имперских контрреволюционных сил, то среднее венгерское дворянство в массе явилось движущей силой буржуазной революции и национально-освободительной борьбы.

При всей близости социальных и политических условий жизни положение венгерского и хорватского дворянства было различным. Венгерское дворянство, многочисленное и экономически более сильное, дальше продвинулось по пути капиталистической перестройки своих владений. Важным стимулирующим фактором была традиция антигабсбургских войн XVII—XVIII вв. Все это углубляло и обостряло противоречия между венгерским дворянством и габсбургской абсолютистской системой.

В польских землях магнатство и зажиточная шляхта проявляли лояльность по отношению к правительствам, мелкая землевладельческая шляхта в лице своих идеологов выдвигала программу восстановления независимой шляхетской Польши путем вооруженной борьбы. Разделы Польши дали толчок формированию революционности шляхетского типа. К. Маркс подчеркивал, что в XIX в. польскую аристократию «нужно отличать от польской шляхты, занимавшей в Польше такое же положение, как буржуазия в европейских государствах»⁷. Шляхетский революционный лагерь был важным фактором национального развития польского общества, хотя с возникновением революционной демократии его прогрессивное значение серьезно уменьшилось. «Тогда, — писал В. И. Ленин, — революционную была именно Польша в целом, не только крестьянство, но и масса дворянства» [1, т. 7, с. 237].

Участие в вооруженной национально-освободительной борьбе венгерского среднего дворянства и польской шляхты играло определенную позитивную роль в развитии венгерской и польской наций и их самоутверждении. Но в процессе формирования межнациональных отношений венгерское дворянство и польская шляхта вносили националистический аспект, разъединявший народы. Позиция венгерского дворянства в отношении подчиненных невенгерских народов была одной из причин, обуславившей невозможность образования антигабсбургского фронта порабощенных народов в 1848—1849 гг. Польская шляхта не желала отказаться от угнетения украинцев и белорусов. Угнетая другие народы, венгерские и польские помещики ослабляли позиции собственных наций перед лицом реакционных режимов.

В Дунайских княжествах было экономически сильное боярство. Крупное боярство выступало за сохранение феодализма, среднее и мелкое (в значительной части) — в общественном плане составляло один лагерь с буржуазией [17, с. 10, 18; 31] и было активным участником революции 1848 г. Греческое общество Архипелага в XVIII — начале XIX в. включало в себя «обновленный» феодальный землевладельческий слой кодзабасов. Они смыкались с господствующим классом мусульман [25, с. 68—70]. Особое положение было в Боснии и Герцеговине, где славяне — феодалы еще в пору турецкого завоевания Балкан в целях удержания своих позиций приняли мусульманство.

В составе формировавшихся чешской, словенской, сербской и болгарской наций⁸ не было богатого и сильного дворянства. Тем самым социальный облик этих наций наиболее приближался к «чистой» капиталистической модели социальной структуры⁹. Это облегчало буржуазии приобретение ведущего положения в нации. В Словении из-за крайней слабости

⁷ Цит. по: [30].

⁸ В Воеводине немногочисленное сербское дворянство к середине XIX в. фактически денационализировалось. В Словакии мелкое словацкое дворянство было индифферентным в национальном отношении.

⁹ Исходя из этого, автор считает неправомерным понятие «народы с неодной социальной структурой» на этапе формирования нации в том случае, когда отсутствует национальное дворянство.

национальной буржуазии в складывавшейся нации долгое время доминировала часть духовенства, примыкавшая к буржуазному классу. В какой-то мере это подготовило почву для развития здесь клерикализма.

Отсутствие или малочисленность дворянства у ряда этнических общностей в Центральной Европе иногда трактуется как отсутствие вообще феодального сословия. При этом, однако, не учитывается, что высшее духовенство так или иначе было связано с феодальным или полуфеодальным землевладением. Церковь приспосабливала к условиям жизни народов. Духовенство представляло собой целостный слой по функциям, которые оно выполняло. Но оно не было единым по своему положению и идейной ориентации¹⁰.

Высший католический клир в Хорватии и Словении, оставаясь на реакционных позициях, считал необходимым издание определенной литературы на национальном языке, чтобы упрочить свое влияние на широкие массы населения. Сербская православная иерархия в Воеводине отстаивала этническую самобытность, церковно-школьную автономию православного населения, противостояла мадьяризации сербов. Но высшее духовенство решительно противилось любым изменениям существующего общественного порядка. Достаточно указать на противодействие православного духовенства утверждению литературно-языковых принципов В. Караджича, означавших развитие литературного языка сербов на основе народной речи в противовес церковнославянской литературной традиции.

В 60-х годах православная иерархия в Воеводине, пользовавшаяся поддержкой австрийского, а затем после 1867 г.— пештского правительства, противостояла буржуазно-демократическим силам сербского общества.

Церковь с ее феодальной организацией и высшее духовенство, поддерживая реакцию и опираясь на чужеземных угнетателей, закрепляли конфессионализм в общественном сознании, тормозили развитие светской культуры, разъединяли народы по религиозному принципу, противопоставляли религию классовому сознанию трудящихся. Особенно наглядно реакционная роль церкви и ее сановников проявилась в период революции 1848—1849 гг. [32]. В Австрийской империи церковные верхи всюду были на стороне габсбургского двора.

С другой стороны, из рядов духовенства, главным образом низшего, вышло немало буржуазных идеологов, руководителей национально-освободительной борьбы. С именем И. Добровского связано начало чешского национального подъема. Низшее духовенство стало важной силой словенского и словацкого национально-освободительных движений. И. Штросмайер, католический епископ в Джаково, в 60-х годах возглавлял в Хорватии и Славонии Национально-либеральную партию. Его ближайшим единомышленником был каноник Ф. Рачки.

На Балканах экономический гнет феодалов-мусульман и политическое бесправие православного населения сочетались с его духовным подчинением высшему греческому духовенству. Константинопольская патриархия проводила эллинизацию образования и церкви, поддерживала и освящала турецкий режим произвола и насилия [25, с. 72, 73]. Высшее греческое духовенство стояло на пути национального развития как греческого, так и других балканских народов.

Господство константинопольской патриархии в условиях неразвитости социальных отношений обусловило то, что в Болгарии духовенство выступало за национальную школу и независимую болгарскую церковь. Церковная самостоятельность соответствовала потребности национальной эманципации болгар. В 70-х годах XIX в., когда развернулась массовая революционная борьба, высшее болгарское духовенство, как правило, не поддерживало вооруженных выступлений народа. В момент Апрельского восстания 1876 г. оно призывало болгар к смиренению и послушанию турецким властям [33; 24, с. 327].

¹⁰ Вопрос о роли религии в процессе формирования наций как особый вопрос в статье не рассматривается.

Сановники православной и католической церквей в Боснии и Герцеговине заняли открыто враждебную позицию в отношении восстания 1875—1878 гг. и сотрудничали с Портой. Небольшая часть сельского православного и католического духовенства приняла участие в вооруженной борьбе, однако священники выступали в ней как гражданские лица [34].

Характеристика имущих классов и слоев будет неполной, если не учитывать протекавший в этой среде процесс денационализации. В угнетенных провинциях габсбургской монархии часть буржуазии и дворянства была опорой политики германизации и мадьяризации. На Балканах эллинизация имела некоторый успех в «образованных» слоях общества. Представители имущих классов легко отказывались от своей нации, родной культуры в угоду узко эгоистическим классовым интересам.

Движущей силой исторического прогресса всюду были трудящиеся массы. Они составляли основу нации, их труд и борьба являлись ведущими факторами ее развития. Особенностью формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе в этот период была слабость буржуазии. В польских землях, Венгрии, Хорватии это обусловило особую роль передовой части дворянства в национальной жизни.

Важное значение в национальном процессе имели прогрессивная интеллигенция и часть духовенства, примыкавшая к ней. Некоторые народности превращались в нации при отсутствии или крайней малочисленности дворянства. Это наложило свой отпечаток на социально-политический облик таких наций и складывание межнациональных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.
2. Культура и общество в эпоху становления наций (Центральная и Юго-Восточная Европа в конце XVIII — 70-х годах XIX в.). М., 1974; Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977; Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978; Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII—XIX вв. Материалы международной конференции ЮНЕСКО. М., 1978; Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII в. — 1849 г. М., 1980; Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма. М., 1981; Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты. М., 1981; Българската нация през Възраждането. София, 1980; *Clebowski J.* Procesy narodotwórcze we Wschodniej Europie srodkowej w dobie kapitalizmu (od schyłku XVIII do początków XX w.). Warszawa — Kraków, 1975; Postanak i razvoj srpske nacije (neki metodološko-teorijski problemi u izučavanju postanka i razvoja srpske nacije). Beograd, 1979; *Kočí J.* České národní obrození. Praha, 1978 и др.
3. *Жуков Е. М.* Ленин и понятие «эпохи» в мировой истории. — Новая и новейшая история, 1965, № 5.
4. *Дьянов В. А.* Эпоха «национального возрождения» в Центральной и Юго-Восточной Европе (социальное содержание, периодизация, пути исследования). — В кн.: Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977, с. 33—34.
5. *Поршинев Б. Ф.* Феодализм и народные массы. М., 1964.
6. *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973, с. 75.
7. *Стојанчић В.* Јужнословенски народи у Османском царству од Једренског мира 1829 до Париског конгреса 1856 године. Београд, 1971.
8. *Стојанчић В.* Елементи економске експлоатације и друштвеног потчињавања у процесима национално-ослободилачког покрета код јужнословенских народа под турском влашћу око половине XIX века. — В кн.: Ослободилачки покрети југословенских народа од XVI века до почетка првог светског рата. Београд, 1976.
9. *Костюшко И. И.* Крестьянская реформа 1864 года в Царстве Польском. М., 1962, с. 48.
10. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч.
11. *Карасев В. Г.* Революционно-демократическая программа Светозара Марковича. — Уч. зап. Ин-та славяноведения. Т. VI. М., 1952.
12. *Поплыко Д. Ф.* О социальных идеалах балканской революционной демократии в период перехода от феодализма к капитализму. — В кн.: Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М., 1976.
13. *Поплыко Д. Ф.* Васа Пелагич и Россия. Из истории сербской революционной мысли. М., 1983, с. 123—144.
14. *Поплыко Д. Ф.* Васа Пелагић. Основне етапе његовог идејног развитка. Нови Сад, 1982, с. 85—110.

15. *Унджиев И.* Васил Левски. Биография, София, 1967.
16. *Унджиев И.* Унджиева Ц. Христо Ботев — жизнь и дело. София, 1975.
17. *Виноградов В. Н.* Очерки общественно-политической мысли в Румынии. Вторая половина XIX — начало XX в. М., 1975.
18. *Тодоров Н.* Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии и его место в Восточном кризисе. — Новая и новейшая история, 1976, № 2, с. 63—65.
19. *Problémy narodního a socialistického hnutí v dějinách Československa a Jugoslávie od roku 1867 do konce 19. století.* Praha, 1974.
20. *Kolejka J.* Národnostní programy pro střední a jihozápadní Evropu. Z dějin socialistické teorie národnostní otázky 1848—1917. Od Marxe k Leninovi. Brno, 1971.
21. *Peša V.* Socialně demokratické hnutí v habsburské monarchii v letech 1868—1874. — *Ceskoslovenský časopis historický*, 1974, № 16.
22. *Семенов В. С.* Капитализм и классы. М., 1969, с. 66, 87.
23. *Гандев Х.* Априлското въстание 1876. София, 1976.
24. *Трайков В.* Идеологически течения и програми в националноосвободителните движения на Балканите до 1878 година. София, 1978.
25. *Арш Г. Л.* Этеристское движение в России. Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. М., 1970.
26. *Трайков В.* Два аспекта за ролята на буржоазията в българското националноосвободително движение. — Исторически преглед, 1977, № 2, с. 82—86.
27. *Косев Д.* Мисли по дискусията за ролята на българската буржоазия в националноосвободителното движение. — Исторически преглед, 1977, № 1, с. 103—105.
28. *Шарова К.* Българското националнореволюционо движение и едрата буржоазия. — Исторически преглед, 1977, № 2, с. 71—80.
29. *Паскалев В.* Българската възрожденска буржоазия и Освобождението. — Исторически преглед, 1977, № 5—6, с. 68—88.
30. *Поспелов Н. Н., Смирнов А. Ф.* Карл Маркс о роли польского вопроса в европейской политике (Новые материалы). — Новая и новейшая история, 1967, № 2, с. 19.
31. История Румынии. 1848—1917. М., 1971, с. 16, 21.
32. *Андић Э.* Церковная реакция во время революции 1848—1849 гг. в Венгрии. Будапешт, 1951.
33. *Чорний В. П.* Героическая эпопея болгарского народа (Апрельское восстание 1876 г.). Львов, 1976, с. 57, 119.
34. *Милутиновић К.* Васо Пелагић и босанско-херцеговачки устанак. Сарајево, 1953, с. 51, 53—55, 57.
35. Ленинский сборник, XXX, с. 69.

КИШКИН Л. С.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС (Проблематика, перспективы изучения)

Осмысливая позитивный опыт прошлого и руководствуясь принципиально новым историко-материалистическим подходом к изучению литературы, в послевоенные годы советское литературоведение значительно расширило тематику сравнительных исследований, появились работы, посвященные литературным связям, хотя интенсивность научной деятельности в этой области в разные периоды была разной.

Этапными событиями в развитии всего сравнительного литературоведения в СССР стали дискуссии «Взаимосвязи и взаимодействие литературу» (1960), организованная ИМЛИ АН СССР, и «Сравнительное изучение славянских литературу» (1971), организованная Институтом славяноведения и балканстики АН СССР совместно с Пушкинским домом. Важным результатом первой из них, помимо активизации всей работы по изучению межлитературных отношений и связей, явилось преодоление европоцентризма в сравнительном литературоведении, а также теоретическое обоснование активности воспринимающей литературы, обусловленной потребностями национального литературного развития.

Существенным итогом второй дискуссии, в которой участвовали советские и зарубежные ученые, стало общее признание того, что в современном терминологическом понимании «сравнительное литературоведение», будучи одной из основных областей литературоведения наряду с теорией и конкретно-историческим изучением, охватывает два взаимопроникающих направления исследований: генетические связи, с одной стороны, и независимые типологические общности — с другой. Взаимосвязь между этими двумя видами исследований очевидна, так как типологические сопоставления при изучении контактов неизбежны. В свою очередь, независимые типологические общности часто соседствуют и сосуществуют со связями, стимулируют их, являются плодотворной почвой для них. В то же время сравнительное изучение связей и типологических общностей не одно и то же, так как речь идет о качественно разных литературных явлениях. Поэтому вопросы изучения связей могут рассматриваться и отдельно, как в данной статье, так и совокупно с проблематикой независимых типологических общностей, аналогий и сходствий. В своем докладе на VI съезде славистов Д. Ф. Марков, подчеркивая неразрывность двух основных аспектов сравнительного изучения литератур (контактных связей и типологических сходствий), обоснованно заметил, что каждый литературовед имеет право сделать акцент на тех или иных проблемах, выделяя один из этих аспектов.

Весьма существенно, что на второй дискуссии в ряде выступлений впервые были разносторонне, мотивированно и убедительно сформулированы задачи сравнительного изучения современных литератур стран социалистического содружества.

Обе упомянутые дискуссии подтвердили большие возможности сравнительно-исторического исследования литературных связей и типологических общностей, дали сильный импульс для дальнейшего развития теории и методики сравнительного литературоведения как в СССР, так и в других странах, прежде всего социалистических. Об этом, в частности, весьма красноречиво свидетельствуют материалы V, VI, VII, VIII и IX съездов славистов.

Красноречивым свидетельством оживления работы в области теории сравнительного литературоведения в последнее десятилетие являются соответствующие публикации М. П. Алексеева, А. С. Бушмина, Д. Ф. Маркова, И. Г. Неупокоевой (СССР), И. Грабака, Р. Пытлика, Д. Дюришина, К. Розенбаума (Чехословакия), Э. Георгиева, Б. Ничева, И. Конева, В. Смоховской-Петровой (Болгария), А. Димы, М. Замфиреску, М. Новикова, З. Думитреску-Бушуленги (Румыния), М. Якубца, Г. Маркевича, Г. Янашек-Иваничковой, Б. Бялоказовича (Польша), Л. Нире, И. Шетера (Венгрия), А. Флакера, В. Вулетича (Югославия), Г. Цигенгайста, Л. Рихтера (ГДР) и многих других литературоведов.

Надо еще заметить, что в 1982 г. в Болгарии начал выходить специальный журнал «Сравнительно литературоведение», а в Чехословакии много внимания вопросам сравнительного изучения литературы на протяжении ряда лет уделяет журнал «*Slavica Slovaca*».

Не вдаваясь в рассмотрение всех работ по сравнительному изучению литератур, а их немало, отметим лишь, что успехи советских литературоведов и их коллег из социалистических стран в области сравнительного литературоведения в целом, и изучения связей в частности, в последние годы достаточно заметны и общеизвестны.

Советские ученые за минувшее десятилетие существенно продвинулись вперед в разработке и решении методических и теоретических вопросов сравнительного литературоведения¹. К сожалению, в последние годы наш научный потенциал в этой области значительно уменьшился. Советская наука потеряла таких видных ученых, как Н. И. Конрад, В. М. Жирмунский, М. А. Алексеев, А. С. Бушмин и целый ряд других литературоведов, на протяжении многих лет обогащавших опыт сравнительных исследований, оплодотворявших их новыми идеями. И все же не будет преувеличением сказать, что советское сравнительное литературоведение к 80-м годам вышло на новые рубежи. В изучении литературных связей это выразилось прежде всего в том, что четко проявилось стремление перейти от накопления фактов к их историческому осмыслению и обобщению, к раскрытию их функционального значения в литературном процессе. Наших ученых все больше и больше начинают интересовать не только сами факты литературных связей, не только их свойства, но и происхождение этих свойств, их, если так можно выразиться, историческая жизнь и воздействие на характер литературного процесса.

Итак, литературные связи и литературный процесс в его современном диалектическом понимании, как исторически последовательной смены состояний литературы, ее общественного бытия, взаимосвязанных и последовательных стадий развития, ее непрерывного функционирования и эволюции во времени и пространстве, как в одну отдельно взятую эпоху, так и на протяжении всего единого развития и существования тех или иных стран и народов. Каковы возможные пути и перспективы научной разработки этой сложной темы? Некоторым мыслям об этом и посвящена настоящая статья.

В какой-то мере новое направление изучения и рассмотрения литературных связей в их отношении к литературному процессу обозначилось в работах А. С. Бушмина и И. Г. Неупокоевой. «Историческая преемственность — объективная закономерность культурного и в частности литературно-художественного развития общества», — писал А. С. Бушмин. И далее: «Влияние более развитой литературы на менее развитую — это

¹ Некоторые представления о работах по этой тематике за последние годы дает их перечень в библиографических списках к статьям «Литературный процесс» и «Сравнительное литературоведение» в КЛЭ [1, стлб. 477, 709—710].

наиболее очевидная закономерность в преемственном поступательном художественном развитии человечества» [2]. Не расчленяя специально внутреннюю и международную литературную преемственность, в названной статье и других своих работах А. С. Бушмин привлекает внимание как к первой, так и ко второй, причем выдвигает целый ряд принципиально важных положений, открывающих новые возможности изучения литературных связей в их отношении к литературному процессу. Очень существенна, например, углубленная трактовка такого понятия, как коллективная литературная традиция, вмещающая в себя опыт старших поколений писателей, который, вступая в мышлении следующих писательских поколений во взаимодействие с их жизненным опытом и впечатлениями, становится частью новых литературных ценностей. С методической точки зрения весьма ценными представляются мысли о воздействии предшественников на последователей через общее движение эстетических представлений; суждения о том, что произведение писателя одной страны может помочь писателю другой не само по себе, а открывая ему темы и образы в окружающей его действительности; тема конфликтных связей в литературе.

В книге И. Г. Неупокоевой «История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа» специально освещается возможность приложения сравнительного метода к изучению всемирной литературы с целью выявления и аналитического рассмотрения «исторической типологии мирового процесса», «классификации литературы». Для нас важно, что при этом «сравнительное литературоведение», одна из главных задач которого — изучение литературных связей, предстает в качестве действенного средства познания как национальных литературных процессов, так и мирового литературного процесса. «Необходимость рассмотрения национальных литератур в широком международном контексте, — сказано в книге, — побуждает задуматься над новым подходом к освещению самих национальных литератур. И прежде всего их взаимосвязей... с другими литературами». Высказываясь далее за необходимость привлечения «материалов о международных связях литературы» при характеристике национальных литературных процессов и создании истории мировой литературы, И. Г. Неупокоева справедливо писала: «Объектом изучения становится теперь то, как включена национальная литературная система в системные процессы более широких масштабов. Какие типы связей, с какой степенью интенсивности в разные периоды обеспечивают взаимодействие этих систем, их общественное функционирование. Как связано общее их историческое развитие с поступательным ходом мирового литературного процесса» [3].

Мысли о литературном процессе и той роли, которую играют в нем связи и международная преемственность, занимали и других ученых, в частности Н. И. Конрада, который писал: «Протягиваемая через века связь и преемственность образуют реальный субстрат всего литературно-исторического процесса» [4, с. 426]. Еще одно концентрированное высказывание по этому вопросу принадлежит В. Е. Хализову: «Неотъемлемым слагаемым литературного процесса являются международные литературные связи и влияния... Усвоение инонационального опыта — это прежде всего фактор становления оригинальных, не похожих одна на другую литератур, принадлежащих отдельным народам» [5].

Можно наблюдать и другие случаи пристального внимания советских литературоведов к литературным связям в их отношении к процессам литературного развития. Так, например, рассматривая вопрос о типологическом изучении литературы и выступая против «признания отдельного литературного произведения единственным объектом исследования», видя в этом «отказ от научного познания литературы», М. Б. Храпченко замечает: «Ведь литература — это вовсе не сумма, не механическое соединение отдельных словесных произведений. Это система сложных связей и взаимодействий, которую, конечно, совершенно невозможно охарактеризовать, игнорируя роль художника-создателя идейных и эстетических ценностей. И затем литература — это процесс, тем более многообразный

и сложный, чем литературное явление значительнее и ярче» [6]. А вот как определяет значение литературных связей С. В. Никольский: «Бесчисленные и необозримые литературные связи... пронизывают весь мировой литературный процесс на всем его протяжении. Они — неотъемлемая часть литературного процесса» [7]. Приведенными примерами интерес и внимание к литературным связям как неотъемлемой части литературной истории не исчерпываются [8–12].

Имея в виду минувшее десятилетие, особо следует сказать о существенном продвижении вперед в области теоретической разработки проблематики литературных связей между социалистическими литературами, выяснения роли связей в современном литературном процессе. В этом отношении показательны работы Д. Ф. Маркова [13–14], С. А. Шерлаимовой [15] и целого ряда других авторов.

Как следует из сказанного, научную разработку темы «Литературные связи и литературный процесс» правомерно считать одной из насущных задач, вставших перед сравнительным литературоведением в наши дни. Актуальность этой темы подтверждает общая устремленность коллективной мысли советских ученых-литературоведов.

Изучение роли и значения связей в литературном процессе имеет много аспектов: межлитературные связи и внутринациональная литературная преемственность, связи и развитие всемирной литературы, связи и региональные или зональные литературные системы и общности, наконец, связи и развитие двух национальных литератур. Разумеется, возможны и другие аспекты, в частности, общетеоретическое освещение роли связей в литературном процессе, без чего вряд ли возможно конкретно-историческое научное рассмотрение того или иного из указанных выше аспектов.

Попытка освещения некоторых общетеоретических и методических вопросов изучения межлитературных связей исходя из опыта исторического развития той или иной литературы предпринята в секторе славянских литературу Института славяноведения и балканстики АН СССР. Основной исходной посылкой при этом является представление о том, что литературу питает все многообразие жизненной действительности, к которому относятся и накопленные человечеством плоды искусства, в том числе и памятники художественной словесности. В этой связи напомним о мысли Н. Г. Чернышевского, считавшего, что искусство «в случае отсутствия действительности может «быть некоторою заменою ее и быть для человека учебником жизни» [16]. Эти слова касаются всех людей, а для писателя они важны еще и в профессиональном отношении. Как претворяются в писательской практике и развитии литературы впечатления от самой жизни и от ее многогранного образного воссоздания в прошлом и настоящем с помощью слова? На этот главный вопрос предстоит ответить ученым, чтобы продвинуться вперед в понимании литературных явлений. Однако для его решения потребуется большая подготовительная работа, потребуется сосредоточить внимание на целом ряде как общих, так и более частных вопросов, которым будет посвящено не одно, а целый ряд исследований.

Из множества возможных аспектов рассмотрения международных литературных связей сотрудники сектора славянских литератур обратились лишь к некоторым актуальным проблемам, относящимся к широкой теме «Литературные связи и литературный процесс», опираясь при этом прежде всего на материал славянских литератур. К таким проблемам относятся: международные связи и преемственность как закономерность; обусловленность литературных связей и возможность их периодизации; возникновение новых художественных ценностей в результате связей; динамика и типы связей на разных этапах литературного развития. Общим научно-теоретическим исходным моментом при их освещении можно рассматривать слова А. В. Луначарского: «Каждая нация должна быть широко раскрыта для восприятия творческой жизни братских народов. Различия характеров, несходство духа и является как раз наиболее сильным связующим началом, подобным разнообразию оркестровых инструментов и исполняемых партий в полнозвучной симфонии. Не нужно ни лицемерия, ни скромности:

надо постараться найти и гордо объявить свой собственный национальный характер, равноправный со всеми остальными. Надо понимать и любить оригинальность духа народов, стараться быть для них тем же, чем они являются для нас» [17]. Именно такой объективный, интернационалистический, лишенный каких бы то ни было предвзятостей подход к культурному и литературному обмену представляется подлинно научным.

Разработкой первой из названных проблем преследуется цель как в теоретическом плане, так и на отдельных историко-литературных примерах показать, что межлитературные связи и межлитературная преемственность являются объективной закономерностью литературного развития, неотъемлемой частью содержания любого литературного процесса. Только при правильном научном осмыслиении этой закономерности может быть плодотворным и всесторонним рассмотрение всех общих и частных процессов историко-литературного развития. Приведенное суждение подтверждает исторический опыт развития польской, чешской, болгарской, русской и других славянских литератур, как в синхронном, так и диахронном временном разрезе.

В ходе рассмотрения детерминированности литературных связей проводится мысль о том, что сам феномен литературных связей и литературных взаимодействий имеет двустороннюю, причем множественную обусловленность. В те или иные исторические периоды литературного развития в большей или меньшей мере активной может быть каждая из взаимодействующих литератур, иными словами, связи обуславливаются не какой-то одной стороной, а каждой из них, не каким-то одним решающим фактором, а множеством самих различных факторов, соотношение которых и интенсивность действия в ходе литературного развития изменяются. Разделяя такую позицию и отстаивая ее, приведем суждение академика Л. Штолла: «Создающий художественное произведение, равно как и воспринимающий его, представляют собою единство природно-биологических и социально-исторических факторов, причем решающую роль играет социальная сущность человека» [18]. Итак, по верному мнению чешского ученого, создатель произведения и воспринимающий его представляют собой некое единство, причем в творческом акте и восприятии его результата решающая роль отводится социальной сущности человека, как писателя, так и читателя. Таким образом, созидание художественных ценностей неотрывно от их восприятия, обе стороны при этом, каждая по-своему, могут быть активны. Это положение полностью может быть отнесено и к литературным связям. В прямой зависимости от двусторонней обусловленности литературных связей находится вопрос об их периодизации, которая представляется правомерной и полезной при учете своеобразия обеих взаимодействующих сторон (подробнее см. [19–20]). В работе имеется в виду показать и то, как проявляется активность с той или иной литературной стороны, как может быть осуществлена периодизация процесса литературных связей.

Следующую третью проблему как объект изучения слагают вопросы возникновения качественно новых художественных ценностей в результате литературных связей. Сказанное не следует понимать буквально. Разумеется, речь пойдет не о том, что писатель может создавать нечто совсем новое, опираясь только на одни литературные впечатления, в отрыве от окружающей действительности, а о том, как рождаются новые художественные ценности из сложного сплава жизненных наблюдений, преемственного национального культурного опыта и претворения идейно-образных достижений других литератур. Разнообразные импульсы, идущие как от жизни, так и от литературы, обуславливают самую возможность создания новых художественных ценностей. Поэтому исследователь вправе подходить к литературному творчеству и отдельному произведению, как к сложной структуре, содержащей элементы, восходящие и к пришедшим извне литературным импульсам. Но связь одного писателя с другим — это часто нечто гораздо большее, чем простой литературный импульс. Уместно напомнить о принципиально важном наблюдении М. П. Алексеева, связанном с изучением эволюции воздействия Шекспира

на Пушкина. Он писал: «Шекспир переставал быть источником только литературных или театральных воздействий; он становился теперь также мощным импульсом идеальных влияний, проблемой мировоззрения, содействовал выработке представлений о ходе истории, о государственной жизни и человеческих судьбах» [21]. Перед нами — яркий пример не только профессионального, но и историко-философского, мировоззренческого интереса одного писателя к другому несмотря на то, что их разделяли столетия.

Таким образом, творческие соприкосновения и связи писателей с другими литературами будут рассматриваться не сами по себе, а как одни из наблюдаемых в практике элементов творческого процесса, как возможные слагаемые суммы импульсов, предопределяющих рождение нового художественного качества. Прямое отношение к пониманию его природы имеет любопытное и меткое замечание Ю. Н. Тынянова: «Одно и то же явление может генетически восходить к известному иностранному образцу и в то же время быть развитием определенной тенденции национальной литературы, чуждой и даже враждебной этому образцу» [22]. Исследование воздействия литературных связей на возникновение принципиально нового в процессе художественного развития представляется и целесообразным и перспективным.

Не менее существенной представляется и четвертая проблема — изучение динамики, характера и типов литературных связей на разных исторических стадиях литературного процесса от древности до наших дней. Разработка этой тематики призвана помочь более правильно и объективно оценивать смысл и значение литературных связей на разных ступенях развития той или иной национальной литературы. Если, например, подражание, стилизация и адаптация естественны и по-своему прогрессивны в период формирования национальных литератур, то этого уже нельзя сказать, если иметь в виду зрелые литературы. Но не все виды связей прочно привязаны к времени. Формы литературных связей многочисленны и многолики. Есть среди них и такие, которые сохраняются во времени, лишь отчасти внешне видоизменяясь. К ним, в частности, относятся конфликтные связи, т. е. случаи, когда писатели разных стран вступали в полемические отношения. Так, явно полемический характер по отношению к католической литературе в Чехии начала XV в. имели в своей основе многие проповеди Я. Гуса, Я. Желивского и других гуситских проповедников; полемична ода «На язык чешский» (1816) А. Пухмайера, направленная против бытовавшей в Чехии немецко-язычной литературы. Приведем пример из более близкого к нам времени: «Каждая книга его, — писал Горький о Стриндберге, — возбуждала желание спорить с ним, противоречить ему» [23]. Разные эпохи, разные формы выражения несогласия с какими-то явлениями литературной жизни, но все приведенные примеры объединяет полемичность. К долговременным формам связей можно отнести и личные контакты писателей.

Вопросы, затрагивающие типологию связей и их изменяемость или неизменяемость во времени, представляются весьма существенными. В этой связи особо актуальным надо считать рассмотрение принципиально новых, возникших в наше время связей, характерных для взаимоотношения социалистических литератур. Таков круг проблем, над которым ведется работа.

Вопросы, к изучению и посильному освещению которых обратились в секторе славянских литератур Института славяноведения и балканистики, разумеется, ни в коей мере не исчерпывают всей суммы актуальных проблем, стоящих перед сравнительным литературоведением, теорией и методикой изучения литературных связей (это относится, в частности, и к всестороннему изучению их места и значения в процессе литературного развития). Таких проблем, неотрывных от исследования темы «Литературные связи и литературный процесс», значительно больше. Кратко остановимся на некоторых из этих неясных или спорных проблемах, требующих своего раскрытия, не распределяя их по степени важности.

Одна из них касается характера восприятия литературного произведения за пределами его страны, т. е. в инонациональной среде. Меняет

ли литературное произведение свой смысл, может ли его менять, переходя рубежи своей страны? Единого мнения по этому поводу в науке пока нет. На наш взгляд, не может, о чем приходилось писать [24; 25, с. 206—208]. В свое время Г. В. Плеханов заметил, что на переходящие от одного народа к другому идеи «уже на границе налагалось клеймо того общества, среди которого им предстояло распространяться» [26]. Плеханов считал, что идеи переходят от одного народа к другому, а не меняют свой смысл на границах страны, их породившей. Перемена смысла идей означала бы не переход их из одной культурной среды в другую, а фактически означала бы конец их существования.

Но что же тогда все-таки происходит с идеями, которые через книги и другие средства общения людей пересекают границы родины и получают распространение в других странах? Что имел в виду Плеханов, говоря о клейме, налагаемом на них тем обществом, которое их приняло? Думается, что здесь надо подразумевать не какие-то коренные смысловые перемены, а особенности восприятия идей и литературных произведений в инонациональной среде, их понимание и непонимание, ограниченное или неправильное понимание, субъективное или же тенденциозное истолкование и т. д. Восприятие в другой стране смысла и содержания инонациональных произведений обусловлено литературным и общественным опытом данного народа, страны, нации. Но из этого не следует, что, попадая в другую страну, высокохудожественное по форме, прогрессивное по содержанию произведение может стать малохудожественным и консервативным, или даже реакционным. Иначе возникает опасность скольжения к релятивизму. Однако подобная позиция разделяется не всеми². А между тем единомыслие по этому вопросу весьма желательно, и не только для его прояснения по существу и согласованности научных усилий, но и для необходимой унификации литературоведческого методического инструментария.

Весьма существенной представляется теоретическая и методическая разработка и такой проблемы как «Национальные особенности литератур в их отношении к изучению связей». Она во многом, если говорить только о литературе, соприкасается с предыдущей, ибо в ходе литературных связей широко понимаемая традиционная национальная образность одной литературы (национальная история, черты характера, быта народа и т. д.) с неизбежностью вступит во взаимодействие со всей самобытной образностью национальных литератур других стран.

Вопросы национального своеобразия литератур, в частности, реализованного в них самобытного образного мышления отдельных народов, иными словами, национальной образности как таковой, как национальной поэтики, также неизбежно встают перед исследователями международных литературных связей, в том числе межславянских. Национальная образность литературы обладает устойчивостью и в то же время находится в постоянном развитии и обновлении, непрерывном взаимодействии с образностью, не обладающей явными национальными чертами, т. е. общечеловеческой, и образностью других народов. Она исторична, как и сама литература, подвержена изменениям вместе со всей общественной и культурной жизнью народа, своеобразие которой она отражает и выражает.

² Иной точки зрения придерживался, например, Б. Г. Репов, считавший, что «литературное явление, пересекая границы, может быть воспринято иначе...» [27]. По существу солидарен с ним Д. Дюришин, допускающий возможность «изменения исконной функции литературного явления в условиях нового контекста» [28, с. 241]. Заметим, что словацкий литературовед недостаточно точен в изложении, когда пишет: «Утверждается, что якобы нельзя „представить дело так, что попадая в иноземную среду, произведение другой литературы может коренным образом изменить свои качества, то есть консервативное стать прогрессивным, мало художественное высокохудожественным и т. д.“» (цитата из моей статьи [10, с. 76].— Л. К.). Заметим, однако, что в отдельных случаях, когда речь идет не обо всем творчестве писателя или произведении в entirety, а лишь об отдельных его компонентах, элементах, они действительно могут обрести в принижающем контексте даже противоположный смысл» [38, с. 238]. Но ведь в приведенной цитате из моей статьи говорилось именно о литературном произведении как целом, а не о каких-то «его компонентах, элементах». Таким образом, в ходе полемики допускается очевидная подмена понятий.

Все это должно учитываться исследователями! литературных связей, если они хотят максимально правильно и глубоко понять и осветить их. К числу конкретных вопросов, с которыми сталкивается исследователь связей, будь то национальная образность в ее широком или узком понимании, принадлежат, например, такие: коммуникативность национальной образности, ее изменения во времени, постижение особенностей национального мышления; национальная образность как проявление национального характера и своеобразия народа; национальная образно-эмоциональная символика. Осмысление этих и других относящихся к проблеме образного мышления вопросов представляется научно необходимым³.

В тесной близости с образным мышлением и национальной образностью стоит проблема перевода как формы литературных связей. И хотя о переводах существует большая литература, хотя немало места уделяется им в работах по сравнительному литературоведению, тем не менее многие важные аспекты перевода как формы литературных связей все еще ждут своих исследователей. Одним из таких аспектов, заслуживающих внимания, представляется выяснение специфики восприятия литературного произведения в иноязычной среде на языке оригинала и в переводе. Достойно внимания и то, как воздействует перевод на литературную жизнь и литературу той страны, того народа, на языке которого он создан. Еще один важный при изучении связей аспект рассмотрения переводов — выяснение их функций на разных этапах литературного развития, раскрытие изменений их качества, роли и значения в разные исторические периоды, уяснение причин долговечности или быстрого устаревания.

Весьма существен для сравнительного изучения вообще, и литературных связей в частности, такой на первый взгляд несложный вопрос: «Что сравнивать, с чем, как и для чего?» Его легче поставить, чем ответить на него. Для ученого сравнение — не самоцель, а лишь прием исследования, нужный для понимания тех или иных литературных явлений и связей между ними, причем не всяких, а принципиально важных, определяющих ход литературного процесса. Но это самый общий ответ на вопрос «для чего?». Далее, размышляя над тем, «что сравнивать, с чем и как?», возникает целый ряд трудностей. Главная из них связана с проблемой «сравнимости», т. е. мотивированного отбора явлений для разумного сопоставления, с учетом их эквивалентности и причинно-следственных связей. Мотивы и причины выбора сравниваемых явлений при изучении связей могут быть различными. Но при этом важно, чтобы мотивировка и принципы отбора имели общую научную основу. Даже самые общие параметры последней пока не ясны и нуждаются в определении и уяснении (см. об этом [25, с. 198—199; 31, с. 36]).

Сравнительно недавно начавшаяся разработка международных литературных отношений в XX в., прежде всего изучение связей литератур стран социалистического содружества, имеет по сравнению с изучением связей XIX в. свои особенности. Вследствие этого есть необходимость в выяснении методических и теоретических принципов изучения принципиально новых по форме и существу видов литературных связей.

К весьма важным, но и весьма сложным проблемам, связанным с разработкой широко понимаемой темы — роли и значения литературных взаимоотношений в историческом процессе литературного развития, принадлежит ее системное рассмотрение на разных уровнях и в разных ракурсах (разные аспекты сравнительного изучения литератур XX в., исследование литературных связей на уровне идейных концепций, художественных форм, тематики, сюжетного репертуара, видов и типов литературного процесса и т. д.)⁴.

³ Некоторые вопросы национальной образности рассматриваются в наших статьях [29—30].

⁴ Ряд соображений о системном подходе к рассмотрению межлитературных взаимоотношений содержат цитированные выше работы Д. Ф. Маркова [14], С. В. Никольского [7], М. Б. Храпченко [6].

До сих пор как в теоретическом, так и в практическом отношении, очень мало разработаны принципы системного изучения взаимодействия между литературными жанрами, стилями, направлениями, будь то в диахронном или синхронном разрезе. Сколько сложна и трудна эта проблема, показывает уже то, как медленно она решается, хотя наличие ее очевидно. «Каждый вид литературы данной исторической системы, каждый жанр, — писал Н. И. Конрад, — бывает как-то связан со своим предшественником в прежней системе. И даже тогда, когда в новой системе возникают совершенно новые виды и жанры, изучение открывает их зависимость от старых. Разумеется, зависимость отнюдь не обязательна в смысле прямого продолжения или развития их; зависимость может проявляться и в полном отрицании их» [4, с. 426]. То же, с поправкой на специфику связей, относится и к синхронным взаимозависимостям жанров, стилей и направлений в разных литературах. Чешский ученый Ю. Доланский писал об этом: «Все художественные направления и течения, по которым мы обычно определяем отдельные литературные периоды, развиваются в пространстве и времени..., как внутри национальной литературы, так и в международном масштабе» [32]. Как видим, проблема системного изучения взаимодействия между жанрами, стилями и направлениями поставлена. Разработка «технологии» такого рода системных изучений — одна из насущных задач.

К числу актуальных проблем современного сравнительного литературоведения, имеющих отношение к изучению связей, на наш взгляд, следует отнести и очень древнюю (еще со времен Аристотеля), однако очень сложную, не утратившую своего значения и в наши дни проблему топики или «общих мест», в разных модификациях повторяющихся у разных авторов, в разных литературах в разные исторические периоды (любовный треугольник, ждущая отсутствующего мужа жена, мнимый ногибший, не могущие соединиться из-за сословных предрассудков или же злой воли родителей возлюбленные, примирение у постели больного, вечные темы добра и зла, зависти, соперничества, благородства, предательства, жертвенности и т. д.). Топосами стали на памяти живущего поколения некоторые приемы повествования Я. Гашека, хотя сами они нередко восходят к традиционным топосам чешской народной словесности. Топическая повторяемость проявляется в общих приемах разработки тем, сходстве сюжетов, ситуаций и коллизий, и, наконец, в подобном подходе к решению тех или иных художественных задач. Эти общности, схожести, похожести, подобия и т. д. могут возникать в разных литературах как отражение аналогичных явлений действительности или же в результате литературных связей. Поэтому так называемые топосы и существенны для изучающих литературный процесс и литературные связи. Мы не знаем, как отделять генетически обусловленные литературные топосы от самостоятельных, автономных, идущих от действительности топосов. А между тем это столь же желательно, как и умение отличать результаты генетических связей от типологических аналогий и общностей. В конечном итоге генетический топос является одним из сложных, трудно поддающихся изучению видов литературных связей, причем не только исторических, но и нашего времени. Им следует заняться не только с целью разработки методики изучения связей, но и для прояснения вопроса о повторяемости литературных явлений, а также и для определения более ясного отношения современного литературоведения к «теории заимствования» (она же «миграционная теория» или «теория бродячих сюжетов») с целью извлечения из нее рационального зерна и научной критики формально-схематической исследовательской методики ее сторонников. Ведь и сам Александр Веселовский, видимо, чувствовал несовершенство и ограниченность этой теории, если в статье «История или теория романа?», выражая свое критическое отношение к поспешному обобщению В. Гумбольдтом «нового эпоса»⁵ и гомеровского и к предложенному им, а затем повторенному Ф. Шпильгагеном определению «эпопеи», писал: «Это так же прозрачно, как скелет, с которого сорвали живое тело, так обще, что в этом пустом простран-

⁵ Имеется в виду пдиллическая поэма Гете «Герман и Доротея» (1797).

стве помещаются, исчезая, и гомеровская поэма, и новелла Боккаччо, и роман Золя» [33].

Помимо упомянутого спорного вопроса о восприятии произведения в инонациональной среде в ходе научного продвижения в области сравнительного литературоведения возникают и другие. К ним, в частности, относится вопрос о том, являются ли внутринациональные преемственные связи объектом сравнительного литературоведения, затрагиваемый в некоторых работах последних лет, появившихся в Словакии. Думается, такое расширение сферы сравнительного литературоведения стирает общепринятые условные грани, отделяющие его от конкретно-исторического изучения национальных литератур, никак не обогащая наш исследовательский инструментарий⁶.

Не так давно, в 1979-1980 гг. на страницах журнала «*Slavica Slovaca*» прошла международная дискуссия по компаративистике, основным предметом которой был вопрос о правомерности или неправомерности, оперативности или неоперативности понятия «влияние» [35]. Вопрос этот в словацком литературоведении возникает не впервые: отношение автора к нему было определено еще до дискуссии — в 1978 г. [19, с. 73—74]⁷. К единому мнению 20 участников дискуссии не пришли. Одни полагают, что без термина «влияние» можно обойтись, другие — что его нельзя исключить из литературоведческой терминологии.

Представляется, что на более правильном пути стоят те участники дискуссии, которые, отмечая некоторую неопределенность понятия «влияние», особенно в литературоведении прошлого, и даже произвольное или субъективное в ряде случаев его наполнение, в то же время видят и обозначение этим термином реальных, имевших и имеющих место в литературном развитии явлений и событий, причин и следствий происходящих в литературе изменений. «Под влиянием,— писал Н. И. Конрад,— обычно подразумевается содействие, оказываемое чем-либо в литературе одного народа росту какого-нибудь явления в литературе другого народа» [4, с. 302]. Думается, что такое традиционно устоявшееся понимание термина «влияние» не требует пересмотра и тем более устранения самого термина.

Выработка единства мнений по вопросам, о которых шла речь, также относится к насущным задачам современного сравнительного литературоведения, ибо его отсутствие в какой-то мере затрудняет взаимопонимание между литературоведами.

Весьма существенное значение для разработки методики сравнительного изучения международных литературных отношений, как нам кажется, имеет и целый комплекс проблем, связанных с введением литературной истории в общекультурный национальный и мировой контекст. Прежде всего здесь имеется в виду, конечно, художественная культура или искусство в широком понимании слова. В свое время Гегель писал: «С одной стороны, каждое из отдельных искусств специфически связано с *одной* из всеобщих форм искусства и дает ей *адекватную* внешнюю художественную реализацию, но, с другой стороны, каждое отдельное искусство представляет в своем особенном способе внешнего формирования целостность форм искусства» [36]. Эти слова касаются всей необычайно сложной и многообразной жизни каждого из «отдельных искусств», в том числе и литературы, одной из важных сторон которой являются ее связи с другими литературами. Последние осуществляются не в какой-то замкнутой сфе-

⁶ Наше представление о понятии «сравнительное литературоведение» и относящихся к нему объектах изучения содержится в КЛЭ [1, стлб. 707—709]. Во многом близким содержащемуся там толкованию этого понятия по сути своей является его определение в чешском «Словаре литературной теории»: «Сравнительное литературоведение или компаративистика — литературоведческая дисциплина, занимающаяся сравнением произведений, литературных школ, направлений и разных литератур в целом, исследованием взаимных связей и зависимостей, будь то на уровне двух литератур... или же большего числа литератур...» [34].

⁷ В дополнение к сказанному в журнале [19] заметим, что нам представляется убедительным суждение академика Н. И. Конрада: «Само по себе влияние, т. е. активная роль чего-либо в литературе одной страны в какой-либо области другой,— факт несомненный, наблюдаемый в истории очень многих литератур. Поэтому работы, раскрывающие такие явления, не только законны, но и просто необходимы» [4, с. 416].

ре, а в условиях быстро развивающегося и растущего взаимодействия всех искусств как большой и единой системы. Сравнительное изучение межлитературных связей в изоляции от многообразных и многоплановых процессов внутреннеционального и межнационального культурного развития в наше время трудно себе представить. Однако методико-теоретическая мысль в эту область, к сожалению, пока вторгается очень робко. А говорить здесь есть о чем. Если, например, живопись и театр могли быть литературными посредниками в XIX в., то в XX в. кино, радио и телевидение обладают куда большими возможностями в этом отношении.

И еще одна проблема, по сути генеральная, к которой следует привлечь внимание, говоря о перспективах развития сравнительного литературоведения и изучения связей, как одного из его основных традиционных объектов. Мы имеем в виду практический смысл теоретических усилий ученых в области компаративистики, научную целесообразность их деятельности. В этой связи весьма примечательно соображение словацкого литературоведа Ф. Мико: «Актуальным аспектом компаративистских исследований при решении вопросов межлитературных отношений в истории национальной литературы, также как и вопросов межлитературных сообществ в наше время, следует считать у нас проблему адресата этих исследований... Из-за нерешенности этой проблемы возникает много опасений, напряженности и споров. Нельзя забывать, что первым двигателем и потребителем культурного творчества в каждом национальном или государственном обществе является прежде всего оно само... Здесь наша задача состоит в том, чтобы занять единственную простую и естественную позицию, то есть принять во внимание реальную общественную пользу компаративистских исследований» [37]. Эти мысли, возникшие в связи с упомянутавшейся дискуссией о понятии «влияние», представляются важными и заслуживающими раздумья. Действительно, в конечном итоге всякие научные дискуссии и исследования должны быть направлены к тому, чтобы приносить пользу, служить делу, научной практике, в нашем случае — помогать более глубокому и совершенному освещению истории литератур, их развития, взаимоотношения между ними. Все это полностью относится к теории и практике сравнительного литературоведения в его отношении к постижению закономерностей литературного процесса. Растративать научный потенциал на несколько отвлеченные, абстрактные и не всегда первостепенные вопросы, не продвигающие нас вперед, не обогащающие исследовательскую практику, конечно же, не рационально. И об этом никак нельзя забывать.

Подведем некоторые итоги сказанному. Исследовательская мысль проделала большой и сложный, не свободный от ошибок и противоречий путь, пока ученые не задумались вплотную над тем, каковы роль и значение литературных связей в развитии литературы как целого. В статье указан ряд решаемых и ждущих своего решения актуальных, на наш взгляд, проблем, связанных с широкой темой «Литературные связи и литературный процесс». Их всестороннее научное раскрытие, как думается, позволит сделать еще один реальный шаг вперед в области изучения литературных связей, а если говорить о теории и методике сравнительных исследований, то существенно приблизит их к литературоведческой практике. Только практика может дать оценку теоретическим поискам и рекомендациям, определить их фактическую научную ценность и пользу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Краткая литературная энциклопедия. М., 1978, т. 9.
2. Бушмин А. С. Преемственность в истории литературы как проблема исследования. — В кн.: Славянские литературы. М., 1963, с. 264, 267.
3. Неупокоева И. Г. История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа. М., 1978, с. 237—238, 239.
4. Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1972.
5. Халилов В. Е. Литературный процесс. — Краткая литературная энциклопедия. М., 1978, т. 9, стб. 476.
6. Храпченко М. Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. М., 1977, с. 267.

7. Никольский С. В. Проблема избирательности интересов в процессе литературных связей и творческое взаимодействие литературы.— В кн.: Славянские литературы. М., 1978, с. 24.
8. Крутикова Н. Е. Роль взаимосвязей национальных культур в развитии реализма.— В кн.: Взаимосвязи и взаимодействие национальных литературу. М., 1961.
9. Крутикова Н. Е. Русско-украинские литературные связи как историческая закономерность.— В кн.: Современные славянские культуры. Киев, 1982.
10. Кишкун Л. С. Заметки об изучении русско-чешских и русско-словацких литературных связей.— Литература славянских народов, вып. 8. М., 1963.
11. Кишкун Л. С. Значение и роль литературных связей на разных стадиях формирования национальной литературы.— *Slavia*, 1979, с. 2—3.
12. Николаев П. А. Взаимодействие творческих методов в славянских литературах.— В кн.: Славянские литературы. М., 1978.
13. Марков Д. Ф. Генезис социалистического реализма. М., 1970, с. 237—246.
14. Марков Д. Ф. Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках. М., 1983, с. 114—137.
15. Шерлаимова С. А. Проблемы сравнительного изучения современных славянских литературу.— В кн.: Славянские литературы. М., 1978.
16. Чернышевский Н. Г. Поли. собр. соч. в 15-ти томах. М., 1949, т. II, с. 90.
17. Луначарский А. В. Неизданные материалы (Письмо к Р. Роллану, 29 XI 1916).— Литературное наследство. М., 1970, т. 82, с. 478.
18. Штолл Л. Избранные статьи и эссе. М., 1982, с. 140—141.
19. Кишкун Л. С. О факторах, обуславливающих литературные связи.— Советское славяноведение, 1978, № 4.
20. Кишкун Л. С. О периодизации процесса литературных связей.— Советское славяноведение, 1983, № 3.
21. Алексеев М. П. Пушкин. Л., 1972, с. 248—249.
22. Тынянов Ю. Н. Поэтика, история литературы, кино. М., 1977, с. 29.
23. Горький М. Материалы и исследования. Л., 1934, т. 1, с. 89.
24. Кишкун Л. С. О восприятии смысла литературного явления за рубежами его страны.— Русская литература, 1966, № 1, с. 202—203.
25. Кишкун Л. С. Вопросы национального своеобразия и сравнительное литературоведение.— В кн.: Сравнительное изучение славянских литературу. М., 1973.
26. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. М., 1956, т. I, с. 658.
27. Резизов Б. Г. Об изучении литературы в современную эпоху.— Русская литература, 1965, № 1, с. 8.
28. Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. М., 1979.
29. Кишкун Л. С. Проблема национального образного мышления и методология изучения межславянских связей.— В кн.: Славянские литературы. М., 1968.
30. Кишкун Л. С. Об изучении национальной образности в литературе.— В кн.: Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения. М., 1968.
31. Бушмин А. С. О специфике прогресса в литературе.— В кн.: О прогрессе в литературе. Л., 1977.
32. Доланский Ю. Сравнительная типология в изучении чешско-русских литературных взаимоотношений.— В кн.: Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения. М., 1968, с. 15.
33. Веселовский А. Н. Избранные статьи. Л., 1939, с. 18.
34. Slovník literárni teorie, Praha, 1977, s. 358.
35. Slavica Slovaca, 1979, č. 4; 1980, č. 2.
36. Гегель Г. В. Ф. Эстетика. М., 1968, т. I, с. 88.
37. Miko F. Soúčasnost' a budúcnost' literarnovednej komparatistiky. — *Slavica Slovaca*, 1982, č. 1, s. 8.

ИДЕИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ГУМАНИЗМА И ВЕНГЕРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА 60—70-Х ГОДОВ

Освобождение Венгрии от фашизма и последовавшие за ним социалистические преобразования открыли новую эпоху не только в истории нашей страны, но и в истории нашей литературы. Представители прогрессивных литературных направлений получили широкие возможности для активного участия во всех сферах культурной жизни. В литературу влились новые творческие силы, новые поколения писателей. Книга сделалась достоянием широких масс трудящихся, вследствие чего изменились и отношения между литературой и читательской аудиторией. Деятели венгерской культуры когда-то мечтали о «читающем народе» — после 1945 г. это стало реальностью: в развитии нашего общества огромную роль играет сегодня не только совершенствование экономических отношений, наращивание производительных сил, но и печатное слово, культура.

Литература социалистической Венгрии вместе с тем — наследница североевропейской литературной традиции. Она опирается на нее, воспринимая и продолжая ее прогрессивные, гуманистические тенденции, хранит и развивает ее духовное наследие, которое знаменует собой творчество Б. Балашши, М. Зрини, М. Чоканай Витеза, М. Вёрёшмарти, Ш. Петефи, Я. Араня, Э. Ади, М. Бабича, Ж. Морица и А. Йожефа. Историко-литературная эпоха, начавшаяся после 1945 г., по-новому осветила это наследие и выдвинула перед писателями новые ответственные задачи. Эта эпоха развития венгерской литературы богата значительными художественными достижениями, которые в немалой степени обусловлены утверждением социалистического гуманизма.

С этой точки зрения наибольший интерес для историка венгерской литературы представляет ее развитие, начиная с 60-х годов. После преодоления трудностей начального этапа социалистического строительства в нашей литературе укрепились тенденции, соответствующие требованиям грандиозных общественных преобразований. Укрепление социалистического общественного строя, стабилизация политической и экономической жизни, оздоровление духовного климата создали для нашей литературы историческую перспективу, способствовали выработке в соответствии сialectическим пониманием развития общества при социализме новых представлений о коллективистской этике гуманизма.

В культурной политике были преодолены догматизм и волюнтаризм, сковывавшие творческую инициативу художников. Венгерская литература в страстных поисках истины обратилась к опыту национальной истории и недавнего прошлого, к перспективам социалистического развития. Была восстановлена преемственность между периодом первых послевоенных лет и 60-и годами, получили свое продолжение и лучшие начинания предшествующего десятилетия. В поэзии укрепилось чувство солидарности с идея-

ми социализма, сложились новые типы общественной ангажированности художников, обогатились формы ее выражения. Возрос интерес к философским вопросам человеческого бытия, потребность в обращении к философии истории и поиске ее нравственного смысла. В прозе выдвинулось на передний план, с одной стороны, стремление к непосредственному отображению действительности средствами документалистики и литературы факта — художественной социографии, с другой стороны — нравственно-философское осмысление больших исторических конфликтов, что способствовало обращению к условно-метафорическим средствам художественного изображения. В драматургии получили распространение такие приемы и жанры, как «эпический театр», притча, гротеск. Укрепились и позиции литературоведения и критики. Выросло новое поколение исследователей, оценивающих литературу с высоких идеальных позиций и опирающихся на широкие теоретические познания. Все это способствовало в 60-х годах гуманистической преемственности венгерской литературы, более полному раскрытию идеалов социалистического гуманизма.

Под знаком этих традиций и идеалов венгерская поэзия 60-х годов переосмыслила и наполнила новым содержанием идею гражданственности. В соответствии с этим поэт становился выразителем и поборником наиболее общих, перспективных идеалов социализма; мерой гражданственности служила не столько политическая злободневность, сколько активное и равноправное участие поэта в осмыслении нерешенных общественных проблем. Важная роль отводилась поэзии в разработке и защите нравственных принципов социалистического общежития, идеалов творческой, содержательной повседневной жизни, моральных норм, управляющих деятельностью коллектива и отдельной личности.

Заново осмыслия идеалы гуманизма, венгерская поэзия стремилась осознать и искалечения, допущенные в общественной жизни в предыдущие годы. Эта проблематика характерна для творчества Л. Беньямина, З. Зелка, Э. Веси, Ф. Юхаса, Л. Надя. Глубоко потрясенные событиями 1956 г., пережившие творческий кризис, эти поэты в упорных и напряженных поисках диалектического понимания конфликтов эпохи создали гражданственную поэзию качественно нового идеального уровня. С выстраданной убежденностью они вновь выступили поборниками идеалов и целей социалистического общества. Эта ангажированность нашла свое выражение, например, в стихотворениях Л. Беньямина «Политика», «Не циник и не проповедник», «Социалисты», где содержится кredo писателя-революционера, прошедшего через тяжелые духовно-нравственные испытания. Подобные мотивы звучат и в его программном поэтическом признании «Под кровоточащими знаменами»:

Стыд, одиночество, химеру,
Сомнения и похвалы,
Надежду, и обман, и веру,
И танец на краю скалы —
Судьба с упорством изувера
Сумела для меня смешать.
И пусть все это отшумело,
Я так же начал бы опять.

(Перевод Д. Самойлова.)

Преданность идеям социализма нашла выражение в поэзии Г. Гараи, М. Ваци и М. Ладани, выступающих за нравственную чистоту и гуманное устройство нового общества. В подчеркнуто гражданственной политической поэзии молодых, проникнутой личными впечатлениями и убеждениями, философская рефлексия сосредоточена с непосредственным отражением опыта народных масс. Человеческая солидарность, высокая требовательность, созидательный труд, свобода и ответственность — таковы идеалы, воплотившиеся в их стихах. К подчинению интересов эгоистически-личных общественным, индивидуалистической морали — коллекти-

вистской призывает Г. Гараи в известном стихотворении «Чистая строгость»:

Порядочные люди, будьте вместе:
без вас Закон бессилен. Он подобен
всего лишь полководцу без солдат!
Так начертайте же на своем челе
Закона справедливые глаголы,
и пусть ворье отступит перед вами,
пускай оно не оголяет ветви
волшебных послезавтраших садов!

(Перевод А. Голембы.)

Стихотворение М. Ваци «Достойный власти» призывает трудящихся стать полноправными хозяевами своей страны, пользуясь возможностями, данными революцией:

Даны навечно моему народу
твои, о революция, пути:
веди по ним, и плотью обрасти,
и дай увидеть во плоти свободу!
Пускай восторжествуют долг и честь
и —
вечно недовольный тем, что есть,
свободный целиком, а не отчасти —
шагнет вперед
народ,
достойный власти.

(Перевод Д. Сухарева.)

Гражданственная поэзия, в духе многовековых традиций венгерской литературы, всегда выражавшая общественные устремления, борется теперь за утверждение нравственных принципов колLECTивизма в повседневной жизни, обращаясь к будням трудового народа, освещает созидательно-творческий, объединяющий характер всенародного труда. Присяжально вглядываясь в изменение на селе и прежде всего на своей задунайской родине, Д. Ийеш воспевает трудовые будни в ярких жанровых зарисовках и стихотворных полотнах, посвященных историческим судьбам венгерского народа («Движущийся мир», «Дифирамб женщины»). Если в 50-е годы развитие событий вызывало у поэта немалые сомнения, то в последующий период прогрессивные перемены, захватывающие все новые и новые сферы общественного бытия, воспринимаются им с радостью и доверием. Обнадеживающие перспективы открываются взору писателя в родных краях, и он передает впечатления в приподнято звучащих строках «Размышлений о прялках»:

По так должно быть: путь, пришедший из бесконечности,
ведет в бесконечность.
Значит, и должен он пролечь через болота,
и сперва без тени, голый,
а потом обживаться — с обеих сторон
обрастая деревьями,
как в конце концов обсаживается любой путь,
ведущий от человека к человеку.

(Перевод Д. Самойлова.)

Слитность с жизнью народа и внимание к социальным переменам отличают творчество и других наших поэтов. С гордостью и радостью следят они за переменами в судьбах рабочего класса и крестьянства, за улучшением условий жизни, повышением культурного уровня. Вместе с тем поэты стремятся предотвратить ослабление чувства человеческой сплоченности

исолидарности, разрушение культурных традиций под воздействием стремительной урбанизации и резких изменений в образе жизни. Таким коллективным чувством ответственности проникнуто наряду с поэзией Д. Ийеша творчество Ф. Юхаса, Л. Надя и многих других.

О гуманистической направленности современной венгерской поэзии свидетельствует и интерес наших поэтов к общим проблемам человеческого бытия. На весях истории они кладут не только достижения прогресса, но и его драматические коллизии. Их волнует судьба человечества, угрожающие его существованию опасности. И прежде всего — угроза ядерной войны, наполнившая тревогой литературы многих народов мира. Хорошо представляя ужасающие последствия возможной атомной катастрофы, венгерские поэты в последние десятилетия не раз поднимали свой голос в защиту мира и прогресса. Ответственность за судьбы человечества звучит в поэмах Д. Ийеша «Потеря Эдема» и Т. Дери «Лицом к лицу». Эти поэтические оратории представляли собой полемику двух крупнейших венгерских писателей, в которой голос Дери звучал горше, безнадежней, в то время как Ийеш выражал надежду и уверенность в том, что у человечества хватит сил справиться с призраком всеобщего уничтожения. Апокалиптические картины всемирной катастрофы созданы Ф. Юхасом в стихах «Ночные виденья», «Сказания святого полымени» и «Детские песни». Вдохновлены они отнюдь не пессимизмом. Беспрощадное и неумолимое воспроизведение возможной атомной смерти контрастно оттеняет в поэзии Юхаса веру в будущее всего человечества и венгерской нации. Стихотворение в прозе «Поэзия и будущее» так выражает эту его веру:

Поэт надеется и верит....

В то, что планета Земля не погибнет глупой и неотвратимой смертью...

Что не погибнет Разум, эта прекрасная надежда человечества, самая искренняя любовь поэта; что в огненной пасти Атомного тигра не исчезнет род людской, выпустивший его на волю...

Наряду с катаклизмами, угрожающими существованию человечества, новую венгерскую поэзию волнуют и проблемы культуры, ее традиций. Вторая половина XX в. несет с собой такие проблемы, как стремительная урбанизация, грозящая разрушением богатых связей человека с природой; расширение технолизации, помимо бесспорных достоинств чреватое опасностью автоматизации и утилитаризации жизни; наконец, массовая культура, распространение которой ведет к ограничению сферы воздействия классических и народных культурных традиций. Л. Надь в стихотворной оратории «Небо и земля» и в поэме «Прощание лошадки» с болью в сердце прощается с уходящим крестьянским укладом жизни, выражая вместе с тем убежденность, что ценности крестьянской культуры, веками складывавшейся наследие народного гуманизма должны обогатить новое общество, стать частью системы социалистической культуры.

Кроме представителей социалистического направления в венгерской литературе и «народных писателей» к переосмыслению гуманистических идей стремились и духовные наследники буржуазного гуманизма, испытавшие на этом пути значительное влияние концепции нового, социалистического гуманизма. Среди этих художников особого внимания заслуживают Ш. Вёреш, И. Ваш, Я. Пилинский. Поэзия Вёреша — своего рода анализ человеческого духа, дающий мифологическое объяснение смысла человеческого существования. Здесь — нередко под влиянием восточной философии — воплощен идеал «цельного человека», живущего в гармонии со вселенной, чутко реагирующего на малейший трепет бытия. Творчество Ваша отличает духовный стоицизм, благородство, высокая нравственность ответственности за других, коллективный гуманизм, ставший внутренней сутью его поэзии. «Ведь быть собой способен только тот, / кто груз чужой себе на плечи взвалит, / и жизнь выигрывает только тот, / кто состязается со смертью», — говорится в «Рапсодии об Аттиле Йожефе». Смелость и здравый смысл выступают в поэзии И. Ваша нераздельно. Его поэтическая личность двупланова, объединяет в себе безоговорочный идеализм и

трезвый реализм: идеалист вдохновляет на борьбу, реалист взвешивает шансы на победу. Здравое суждение для И. Ваши — спутник отваги, нравственной стратегией стоицизма руководит трезво мыслящий ум.

Я. Пилинский — поэт религиозный, однако в его поэзии доминирует не мистическое чувство, а отчетливое нравственное сознание. Поэт провозглашает практическую нравственность, основанную на человеколюбии. К нему апеллирует он, осуждая фашизм и войну, оно побуждает его осознать свою ответственность за судьбы человечества, и хотя по своим истокам гуманизм Пилинского — гуманизм христианский, поэзия его понятна и приемлема и для тех, кто не разделяет религиозных убеждений поэта.

В прозе, как и в поэзии, в 60—70-е годы происходит обогащение содержания социалистического гуманизма. Исторический опыт предшествовавшего десятилетия и динамическое развитие 60-х годов породили немало проблем нравственного порядка, и венгерская литература должна была решить их, исходя из нравственных идеалов социалистического общества. В известных романах начала 60-х годов с эпической полнотой отображается жизнь самых различных слоев венгерского общества. Прозаики стремятся не только к художественному познанию действительности, но и к переосмыслинию идеалов достойной человека жизни («Двадцать часов» Ф. Шанты, «Кладбище ржавчины» Э. Фейеша, «Трусиха» И. Шаркади, «Игра в кошки» И. Эркеня, «Гибель атлета» М. Месея, «Смерть врача» Д. Фекете). Давая образцы глубокого психологического анализа, исследуя различные «модели» поведения, авторы этих произведений формулируют вместе с тем и нравственные принципы нового общества, социалистического образа жизни.

В новых романах переосмысление идей гуманизма было неразрывно связано с процессом общественного самоанализа. Анализ этот, по сути, явился коллективным отчетом литературы, вынесшей на суд венгерской общественности итоги, ошибки, просчеты и заблуждения недавнего исторического прошлого. В центре внимания литературы этого направления стояло осмысление уроков второй мировой войны и начальной фазы строительства социалистического общества. В первые послевоенные годы о второй мировой войне было создано немало произведений, однако высокие нравственные критерии и суровость оценок проявились именно в новейшей венгерской прозе. К 60-м годам историки уже достаточно точно воссоздали картину и политический фон военных событий, определили реальную меру ответственности в них отдельных личностей, классов, слоев. Литература одновременно с исторической наукой пришла к выводу, что позиция венгров во второй мировой войне явилась следствием безответственной нерешительности, непростительного отказа от возможных актов сопротивления. Роман Т. Череша «Холодные дни» с очищающей страстью самокритики осудил эти упущения и просчеты, а в следующем произведении на военную тему — опубликованном в конце 70-х годов романе «Похотливые фигуры» вскрыл исторические причины подобной позиции. Потребность в общественном самоанализе проявилась в многообразных жанровых разновидностях: достаточно вспомнить гротеск И. Эркеня «Семья Тотов» или комическую повесть И. Добози «Унтер-офицер и другие».

Прямой разговор, открытое обсуждение горького опыта помогли рас считаться с ошибками сектантско-догматического толка. Важную роль здесь сыграли произведения Й. Лендела (сборники рассказов «Чародей» и «Просроченный долг»). Их продолжил роман Й. Дарваша «Пьяный дождь», на широком фоне национальной истории вскрывший внутренние конфликты венгерского общества. Существенные уточнения в оценку пе давшего прошлого внесли и автобиографические произведения последнего времени — книги Д. Иеша, И. Ваши, Т. Дери.

Венгерская проза 60—70-х годов свидетельствует не только о сознании писателями своей ответственности перед историей, но и о важных мировоззренческих и художественных сдвигах в их творчестве. Преобразилась традиционная поэтика венгерского романа. Более тщательное исследование

дование социально-исторических, нравственных и культурных процессов потребовало отказа от прежнего экстенсивного изображения действительности в пользу интенсивного аналитизма. Появился роман, который не констатирует факты, но атакует действительность вопросами, не создает иллюзии жизнеподобия, а ставит проблемы — гражданские, нравственные, философские.

Возникший на этом пути роман (и рассказ) имеет одновременно «вопросительный» и «объяснительный» характер. Материал повествования нередко приобретает символический или метафорический смысл, несет в себе интеллектуально-философский заряд. Характерными примерами прозы этого направления являются такие произведения, как «Воображаемый репортаж с американского поп-фестиваля» Т. Дери, «Э-пе-пе» Ф. Каинти, «Школа соколиной охоты» М. Месея, «Пятая печать» Ф. Шанты и «Загадка Прометея» Л. Мештерхази.

Новое осмысление и обогащение в свете марксистского мировоззрения принципов гуманизма способствовали созданию в духовной жизни Венгрии 60—70-х годов широкой платформы для объединения литературно-художественных сил. Наряду с представителями социалистического гуманизма в современной венгерской литературе плодотворно работают и писатели общегуманистической направленности. Концепция гуманизма является залогом единства литературы ВНР, из этого круга идей черпает она животворную силу, им определяется историческая перспектива ее дальнейшего творческого развития.

ПАШАЕВА Н. М.

ИСТОРИЧЕСКАЯ КНИГА СЛАВЯНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

(вторая половина XVIII в. — первая половина XIX в.)

Важнейшим источником по истории эпохи славянского национального возрождения является печатное наследие будителей¹ и прежде всего — книга — один из наиболее демократических памятников национальной культуры, доходившая до читателя, несмотря на жестокий национальный гнет. Историческая книга у будителей занимала особое место, по нашим наблюдениям, — второе после языковедческих работ. В настоящей статье сделана попытка проследить некоторые общие для исторических книжных публикаций славянских будителей закономерности.

Вопрос этот ставится нами впервые в историографии. Естественно, мы не пытаемся в небольшой статье дать на него исчерпывающий ответ. Не стремились мы и к всестороннему рассмотрению всех выпускавшихся будителями исторических книг, выбрав лишь наиболее типичные примеры позволяющие сделать некоторые общие выводы. Материал был почерпнут из библиотечных фондов Советского Союза, и прежде всего — Москвы. В дополнение были привлечены библиографические труды и указатели.

Хронологические рамки выбраны нами не случайно. Традиционно эпоха генезиса капитализма и национального возрождения в Центральной и Юго-Восточной Европе датируется второй половиной XVIII в.— 70-и годами XIX в. [1] и подразделяется на три периода, имеющих свои особенности. (Они прослеживаются также в облике и содержании книжных публикаций.) I период охватывает вторую половину XVIII в., II — первую половину XIX в., III — 50—70-е годы XIX в. Мы избрали своей темой только два первых периода, так как с серединой XIX в. в исторической книге большинства славянских стран намечается переход от специфики национального возрождения к исторической книге нового времени, с которой начинается национальная буржуазная историография.

Мы попытаемся проследить некоторые тенденции в развитии славянской исторической книги Чехии, Словакии, Словении, Сербии, Болгарии, Галичины и Закарпатья. Сознательно не включена в статью историческая книга Польши. Она имеет свою специфику и требует отдельного исследования, хотя и здесь можно обнаружить ряд сходных явлений.

Целесообразно начать характеристику исторической книги будителей, относящейся к I периоду, с чешской книги, поскольку в Чехии национальное возрождение проходило в наиболее «классической» форме. Чехия была в экономическом отношении одной из наиболее развитых славянских областей Австрийской империи. Высок в ней был и уровень культуры, хотя упадок родного языка, продолжавшаяся два с лишним столетия

¹ Весьма емкий термин «будители», широко принятый историками Чехии, Словакии, Словении и др., мы применяем в отношении деятелей славянского национального Возрождения всех исследуемых нами стран.

«эпоха тьмы» — засилье иезуитско-католической идеологии и политика опнемчивания страны привели к тому, что чешская культура эпохи Просвещения, особенно раннего периода, имела более общеевропейский, чем национальный характер.

Потребность в исторической книге начинает остро ощущаться уже с середины XVIII в. Долгое время почти единственным доступным трудом по истории родной страны была книга хрониста середины XVI в. В. Гаека из Либочан, написанная с прокатолических позиций и полная всяческих фальсификаций. Именно разоблачение этих фальсификаций открыло период живого интереса просвещенных кругов чешского общества к проблемам родной истории. Как известно, Г. Добнер подверг обоснованной научной критике многие положения хроники Гаека. Против Добнера выступили представители правого направления во главе с Ф. Пубичкой. Перипетии этой борьбы в исторической литературе подробно изложены А. С. Мыльниковым [2, с. 90—92]. Ряд исторических работ и шеститомное издание древних чешских документов Добнера, как и выходившая на протяжении всей второй половины XVIII в. многотомная «Хронологическая история Чехии» на немецком языке Пубички [3] в нашей историографии справедливо отнесены к периоду чешского Просвещения, хотя и в них присутствуют элементы национального самосознания и чешского патриотизма [2, с. 121—140].

С 70-х годов XVIII в. начинается деятельность будителей I периода чешского национального возрождения — М. А. Фойгта, Ф. М. Пельцля, немного позднее Й. Добровского, В. М. Крамериуса² и многих других, их исторические работы — первые труды новой эпохи — рассчитаны на национального читателя. В качестве примера можно привести четырехтомный биографический словарь Фойгта, Пельцля и Борна «Изображения чешских и моравских ученых и художников», вышедший в 1773—1782 гг. на немецком языке [5]. (Первые два тома вышли также в латинской редакции [2, с. 61].) Он снабжен портретами, удобного формата и написан на языке, хотя и не родном, но понятном тогда широкому читателю. Форма биографического словаря не раз использовалась будителями.

В 1774 г. Пельцль выпустил свою «Новую чешскую хронику» сначала в немецкой редакции, выдержавшей сразу три издания (1779 и 1782), а затем в чешской в трех томах [6]. Небольшие книжки с изображением чешского льва на титульном листе были адресованы новому широкому читателю. Это особенно заметно при сравнении их с громоздкими томами «Хроники» Пубички.

Две крупнейшие фигуры ярко характеризуют первый этап чешского возрождения — М. В. Крамериус и Й. Добровский, отец мировой славистики. О специальных исторических трудах Крамериуса, пожалуй, не приходится говорить, но перенесенная и изданная им в 1784 г. и сразу выдержанная четыре издания «Книга Иосифа» А. Зитте [2, с. 113], написанная в форме пророчества, столь знакомой широкому чешскому читателю — тоже историческое сочинение. Автор восхваляет Иосифа за то, что он «развязал узы рабства в королевстве», создавал школы, совершил «великое дело... выше всех других дел... терпимость к нашим собратьям, которые в религии неодинаково с нами мыслят» [7, с. 287]. Дифирамб реформам Иосифа, который, правда, имеет подзаголовок «частично свершившееся, частично пророчество», не случаен. Иозефинские реформы открыли путь только начинавшемуся национальному возрождению. Это было широкое общественное движение. Оно опиралось на национальные традиции и хотя порой подвергалось преследованиям, но тем не менее проходило открыто, а не подпольно. Для Чехии неотъемлемой частью национальной традиции была традиция гуситская и вообще протестантская, к которой стало возможным открыто обращаться лишь после издания Толерантного патента.

Перу Й. Добровского принадлежит большое количество статей по истории. Его «История чешской литературы» (1792) — тоже исторический труд. Отметим, что вообще понятие «литература» для будителей имело

² Одновременно их считают и деятелями Просвещения [2, с. 140—141; 4, с. 56].

более широкий смысл. Труд Добровского — это собственно чешская история, написанная с учетом развития чешского языка с четкой периодизацией. Картина расцвета чешского языка и литературы в предбелогорский период (пятый по данной периодизации) сменяется их упадком в пос-белогорский период. «Битва при Белой Горе парализовала и ослабила тело и душу всей чешской нации. Из-за последовавшей затем эмиграции некатоликов Чехия обезлюдела, а Тридцатилетняя война так опустошила всю страну, что патриот иезуит Бальбин обоснованно удивляется, как это еще смогли остаться в ней жители» [8, S. 193]. Автор описывает затем несчастья Чехии, уничтожение книг, упадок культуры и первые годы национального возрождения. Печальными раздумьями о будущем чешского языка заканчивает свою книгу Добровский — школа в стране по-прежнему остается немецкой.

В этот период издаются и источники: наиболее важная среди этих публикаций — двухтомная «*Scriptores rerum bohemicarum*», осуществленная Пельцлем и Добровским в 1783—1784 гг. Выпускались и популярные издания исторических источников, чаще всего — переиздания книг добелогорского периода, эпохи расцвета чешской национальной культуры, что типично и для первого и для второго периода национального возрождения. В качестве примера можно привести издание Хроники Далимила, так называемой Болеславской, первой стихотворной хроники, написанной по-чешски. Публикуя этот памятник XIV в., будитель Ф. Ф. Прохазка сообщает в предисловии, что хроника впервые была издана в 1620 г. «почтенным Павлом де Гессином», новоместским пражским синдиком, выпустившим в свет в 1597 г. и «*Majestas Carolina*». «Я надеюсь, — пишет Прохазка, — меня не осудят за то, что я дал подробные сведения об этом издании, потому что от руки писанных списков этой хроники в библиотеках находится больше, чем напечатанных экземпляров этого издания». Всего три таких экземпляра было известно издателю [9, предисл., с. 13]. Говоря о том, что первое издание вышло в роковой для Чехии 1620 год, известный каждому чеху, и что настоящее издание — второе по счету (это отмечено и на титульном листе), Прохазка подчеркивает свою преемственную связь с чешскими издателями предбелогорского периода.

Иную картину представляют первые словацкие исторические труды эпохи национального возрождения, начало которой падает на 80-е годы XVIII в. [10, с. 117]. В 1780 г. вышла первая историческая книга словацких будителей — «История словацкого народа» Ю. Папанека. Специфика многовековой истории Словакии, не имевшей собственной государственности и находившейся в составе венгерского государства, отразилась и в историографии первых трех четвертей XVIII в. — исторические труды были трудами по истории Венгрии, но не Словакии. Привлечением великоморавского прошлого Словакии Ю. Папанек, по формулировке современного чехословацкого исследователя, стремился «поддержать национальное самосознание и гордость угнетенных словаков, доказать автохтонность словаков в Венгрии» [11, с. 126].

Специально проблемам Великой Моравии посвящено другое произведение раннего словацкого возрождения — «Древнейшее положение Великой Моравии и первое нападение и вступление в нее венгров» Ю. Склена (1784). Обе эти работы заложили основы исторических взглядов следующих поколений словацких будителей. Известный деятель словацкого возрождения Ю. Фандли в 1793 г. издал сокращенную компиляцию обеих работ под заглавием «Краткая история словацкого народа». Все три книги изданы на латинском языке, этим определялся и сравнительно узкий круг их читателей, хотя в условиях Венгерского королевства, где в то время делопроизводство и католическое богослужение осуществлялись на латыни, этот язык был достаточно понятен читателю-интеллигенту.

Сходное со словаками положение было в конце XVIII в. и у русинов Закарпатья — они также входили в состав Венгерского королевства и не имели никаких национальных прав. В 1799 г. игумен монастыря в Мукачеве «отец закарпатской историографии» Иоанникий Базилович опубликовал историю своего монастыря на латинском языке. В этом труде он

выступает против католического засилья и отстаивает тезис об автохтонности русинов в Закарпатье [12].

Словения, как и Словакия и Закарпатье, не имела ранее своей государственности. Начало словенского национального возрождения датируется 1768 г. — годом выхода в свет первой краинской грамматики Похлина. Антон Похлин, в монашестве Марк, с 19 лет член ордена босоногих августинцев, был также автором очень интересного исторического справочника деятелей Словении разных эпох (издан в 1803 г. на латинском языке, в 1862 г. переиздан [13]). Августинский монах, не поставивший на титульном листе даже своей фамилии, включил сюда биографии ряда крупных деятелей, не опустив и словенских протестантов Бохорича, Трубара, не преминув только заметить, что последний умер в 1556 г. «в отступничестве и ереси».

Большой четырехтомный труд по отечественной истории задуман был другим крупнейшим деятелем раннего словенского возрождения А. Т. Линхартом, как и Похлин, членом кружка мецената и просветителя С. Цойса. Линхарт считал эту работу своим основным трудом и начиная с 80-х годов он создавал «Опыт истории Крайны и других южнославянских областей Австрии». В случае Словении, не имевшей в средние века государственности, обращение к истории края предполагало прежде всего исследование древней истории. Именно с нее начинает Линхарт свой труд, предпосылая ему историографическое введение. Первый том охватывает период с первых следов заселения Крайны древними народами — сикулами, либурнами, умбрами, тусками до IV в. н. э. Книга снабжена тремя картами, в приложении приводятся римские надписи и памятники, найденные в Крайне. Второй том посвящен истории Крайны славянской, начиная с Константина Великого вплоть до VIII в. Этому тому предпослано интересное предисловие — пасторский дирифамб «славянской нации». Треть всего тома [14, Bd. II, S. 180—367] посвящена положению славян в Крайне, славянскому прошлому. Линхарт умер в 39 лет, закончив лишь эти два тома, которые положили начало новой словенской историографии. Труд написан по-немецки, на языке доступном в тогдашней Словении широкому читателю, и сами книги удобного формата, вероятно, были рассчитаны не на одних избранных.

Культурная жизнь у сербского народа, разделенного австро-турецкой границей на две части, во второй половине XVII в. была сосредоточена, в основном, в австрийской части — Воеводине. В это время начинают появляться издания первых сербских будителей, однако историческая книга представлена в них весьма слабо. Тем большим событием было издание в 1794—1795 гг. четырехтомного труда знаменитого Йована Раича, преподавателя из Сремских Карловцев, а позднее — ученого монаха монастыря Ковиль, историка и поэта. «История» была закончена в 1768 г., но возможность напечатать ее возникла лишь в 90-х годах, когда митрополит Карловацкий Стефан Стратимирович после настойчивых просьб взял у Раича рукопись и с помощью патриотически настроенного издателя Степана Новаковича осуществил издание всех четырех томов [15]. Новакович купил типографию в Вене в 1792 г., а в 1796 г. он вынужден был продать ее Пештскому университету; вскоре она была переведена в Будим и на протяжении десятилетий была издательской базой славянских будителей. Первоначально Стратимирович надеялся, что труд Раича можно будет издать иждивением князя Д. М. Голицына, русского посла в Вене, мецената и благотворителя, однако Голицын умер в 1793 г. и в начале первого тома мы находим посвящение издателя Новаковича Н. П. Румянцеву, племяннику Голицына и тогда уже известному дипломатическому деятелю. Посвящение было, таким образом, весьма обоснованным, любопытно лишь, что оно имеется не во всех экземплярах книги — так в собственном экземпляре Н. П. Румянцева из его библиотеки и с его личной печатью посвящение отсутствует (ГБЛ, шифр А 53/19). Мы находим, однако, текст посвящения в другом экземпляре, хранящемся в Музее книги ГБЛ.

Книга Раича составила целую эпоху в сербской историографии. Это был первый серьезный труд не только по сербской, но и вообще по югосла-

вянской истории с древнейших времен до 1766 г. — года ликвидации турецким правительством самостоятельной сербской печской патриархии. Раичем в его работе руководила патриотическая идея: «...все народы, — писал он в одном письме, — своего племени древности и поведения пишут, едини токмо мы в овом терпим скудость. Того ради и сему недостатку елика возможна будет спомощи потщахся и того ради с великим трудом и опасностию живота чрез Турецчину пройдох изискивая в тамоших стран монастырей наших древностей рукописи, еже и случилося мне неколико таковых достати» [16, с. 34]. Во введении автор сообщает о своих предшественниках, труды которых он использовал, дает характеристику некоторых работ и приводит список исторических произведений и источников, на основе которых составлен его труд. Издатели еще более усилили эту источниковедческую сторону, приложив к «Истории» ряд исторических документов, в том числе Законник Стефана Душана, что даже вызвало раздражение престарелого Раича. Уже открывая первые страницы, читатель понимал патриотическую задачу издания. «Роду и обществу» — написано на изображенном на гравюре монументе, упирающемся в облака. Снабженный гравированными заставками с портретами королей, картами, генеалогическими таблицами труд Раича в своем роде был действительно научным трудом. Недаром через год после выхода в свет первого тома он был перепечатан в Петербурге с незначительной лингвистической правкой [17]. С современной точки зрения он утратил ценность, однако на протяжении многих десятилетий был чуть ли не единственным источником сведений о сербском прошлом. Написан он книжным, но понятным славяно-сербским языком, напечатан гражданикой. Недаром потребовалось и его второе издание, осуществленное в Будиме в 1823 г. Оценили книгу и современники — в конце первого тома приводится список подписчиков с указанием, кто они и сколько экземпляров взяли. Всего указано 406 подписчиков, взявших 591 книгу, по одному экземпляру взяли 365 человек, по два — 23, и более двух — 18 человек. Среди подписчиков лица духовного звания, интеллигентных профессий и, — что знаменательно, — много купцов, бравших по одному экземпляру, очевидно для себя, а не на продажу. Это еще раз говорит о месте купечества Сербии в национальном возрождении.

Еще один памятник национальной исторической мысли относится к этому же периоду, хотя он и не вышел в виде отдельной книги в рассматриваемую эпоху. Это рукописный труд Паисия Хилендарского. Как известно, Болгария второй половины XVIII в., находясь под турецким гнетом, не имела собственного книгопечатания — первая болгарская печатная книга вышла в 1806 г., а первая светская — в 1824 г. Однако, как и в других славянских странах, в Болгарии в XVIII в. возникло крупнейшее историческое произведение, с которого и начинается болгарское возрождение — небольшая по объему «Славяноболгарская история» Паисия Хилендарского, где повествуется об истории Болгарии, сильной, позависимой, героической. Изложение доводится до турецкого завоевания, говорится о бедственном положении болгар под турецким игом. Отдельную главу посвящает Паисий славянским учителям Кириллу и Мефодию; особую — «болгарским святым, которые просияли в болгарском народе в последнее время» — жертвам османских насилий и зверств. Паисий ведет доверительный разговор со своим читателем, активная его позиция как будителя очевидна. Как убедительно показал В. Д. Конобеев, Паисий «впервые выдвинул программу национального освобождения Болгарии» и «наметил три задачи национально-освободительного движения» [18, с. 68—71].

В своем литературоведческом исследовании «Историография славянского возрождения и Паисий Хилендарский» [19] А. Н. Робинсон прослеживает интересные типологические связи труда Паисия с работами других историков XVII—XVIII вв., в частности с «Историей» Раича. Сходны судьбы и авторов и их произведений: Раич и Паисий — православные ученые монахи, труды обоих, завершенные почти в одно время — труд Паисия в 1762 г., труд Раича — в 1768 г., имели огромное значение для

просвещения родного народа. Рукопись Паисия, многократно переписываемая (в настоящее время известно более 60 списков, далеко не каждая книга того времени сохранилась в стольких экземплярах), служила первым учебником истории.

Приведенные нами данные показывают, что среди книжных публикаций ранних будителей историческая книга занимает значительное место во многих странах. Активизация национальных чувств и чаяний, связанная с генезисом капитализма и приходом нового читателя, оживила и общественный интерес к истории родной земли, страны или области и, шире, к истории славянского племени или его части. Именно этот активный интерес определил выход исторических работ на национальный книжный рынок — знаменательна в этом смысле судьба труда Раича, ожидавшего опубликования более четверти века. Думается, мы не ошибемся, если скажем, что магистральным направлением было издание общих капитальных исторических трудов. Их роднит, несмотря на очень большую разницу в форме, объеме один общий признак — это более или менее удачные попытки с патриотических позиций дать общую картину истории родного края, родного народа. Однако уровень разработанности источников был очень невысок, поиски их еще только начинались. В славянских странах, за редкими исключениями, еще не существовало историков-профессионалов, круг интересов ранних будителей был чрезвычайно широк. Вспомним: Похлин — лингвист, педагог, популяризатор, Линхарт — драматург, Раич — поэт, Добровский — лингвист и т. д. С современной точки зрения созданные ими капитальные труды, снабженные гравюрами, планами, генеалогическими таблицами, не представляют научного интереса — историческая наука шагнула далеко вперед уже через полвека. Но в то же время эти первые книги — замечательный памятник национальной и общеславянской культуры; авторы ставили в них важнейшие вопросы — происхождения славян, общеславянского единства, немецко-славянских отношений и т. д.

С начала XIX в. наблюдается некоторый спад интереса к историческим трудам. В Чехии и Словакии Ф. Кутнар связывает это явление с разочарованием в идеалах Просвещения, поражением Французской революции [11, с. 121]. Это не значит, что такой литературы вообще не выходило — популярные исторические книги появляются, однако это большей частью либо переводы, либо компиляции [11, с. 122]. Среди авторов мы не находим крупных имен. Лишь И. Добровский продолжает выпускать свои труды. Так, к историческим изданиям можно причислить его «Славин», первоначально выпускавшийся как исторический журнал. В 1806 г. вышло только 6 выпусков, приложение и на этом издание остановилось. В 1808 г. Добровский выпустил все 6 выпусков в виде сборника — своеобразной короткой энциклопедии по славянству. В 1814—1815 гг. вышли два выпуска его сборника «Слованка», где имеются статьи по истории славянских народов.

Оживление интереса к истории начинает прослеживаться с конца второго десятилетия XIX в., причем именно с этого времени в культурном движении славянского национального возрождения лидируют чешские и словацкие будители. Два центра славянской культурной жизни определяются достаточно четко — Прага и Будапешт (в то время два города — Буда (или Будим) и Пешт). Здесь жили многие будители и издавались славянские книги. Распределение национальных центров в землях Короны св. Стефана было для нашего времени не совсем привычным — в Пожони, нынешней Братиславе, заседал до 1848 г. венгерский сейм, а Буда и Пешт имели значительное славянское население и были славянскими культурными центрами.

Для Чехии и Словакии первым историко-культурным явлением этого периода можно считать выход Краледворской рукописи. Теперь известно, что этот памятник был довольно талантливой литературной подделкой, но тогда небольшая книжка воспринималась как исторический источник огромного патриотического звучания и научной ценности.

Наиболее яркие имена, с которыми связана историческая книга

20—40-х годов XIX в.—Юнгмани, Шафарик, Коллар и Палацкий. «История чешской литературы» И. Юнгманна, вышедшая первым изданием в 1825 г., а в окончательном двухтомном варианте в 1849 г. [20], представляет собой, как известно, своеобразный обобщающий труд отнюдь не только литературоведческого плана. По замыслу автора, это указатель всех рукописных и печатных книг на чешском языке с древнейших времен до начала XIX в. К собственно библиографическому труду приложен указатель имен авторов с краткими биографическими сведениями. Каждому разделу предислано введение — краткая история периода и его культуры — написанное очень смело, особенно если учесть, что Юнгманн находился под постоянным полицейским надзором. И недаром позднее перепечатанные отдельно без библиографии эти сведения составили историческую книжку [21]. «В наши дни,— писал поэт и революционер Карел Сабина,— не было человека, которому бы расцвет нации был ближе к сердцу, который бы глубже задумывался над прошлым чехов, который бы наиболее проницательным и грустным спокойным взглядом проник бы в основные элементы бытия чехов, как наш бессмертный Юнгмани» [22, с. 98].

В 1824 г. вышли три первые песни поэмы Яна Коллара «Дочь Славы». На протяжении многих лет Коллар добавлял в поэму новые сонеты. В своем роде это была тоже историческая книга, книга по древней и современной автору истории славянского племени, написанная стихами. Огромное количество сведений из разных эпох славянской истории требовало комментария, и в 1832 г. Коллар выпускает отдельный комментарий к поэме. «При нашем нынешнем воспитании, как домашнем, так и школьном,— пишет Коллар в предисловии,— мы не учим ни славянскую историю, ни древности, ни мифологию, ни язык, так неудивительно, что наш народ чужд себе самому» [23, с. 3]. Объемистый том, снабженный иллюстрациями и картой, становится органическим продолжением романтической поэмы.

На 20-е годы падает и начало деятельности П. Й. Шафарика. Свой важнейший исторический труд «Славянские древности» он опубликовал в 30-е годы. Это грандиозное и вместе с тем скромное издание выходило стараниями Чешского музея [24]. Начиная со второй половины 20-х годов громадный организаторский труд историка Ф. Палацкого способствует оживлению научной и прежде всего историко-публикаторской деятельности Чешского музея, созданию Чешской Матицы по образцу Сербской. На исследуемый период приходится лишь начало его работы как историка. Как историограф Чешского королевства он выпускает первый немецкий вариант своей «Истории» (до 1848 г. вышли первые три тома), еще далекий от того капитального труда, который создал эпоху. Параллельно он начинает выпускать собрание средневековых документов «Archiv český» [26], составляет уникальный указатель «Описание чешского королевства» [27] и др.

Наряду с этими высокими научными достижениями, оцененными и современниками и потомками, в чешской исторической книге прослеживается и популярное направление. В собрании Бодянского в МГУ мы находим любопытный книжный каталог А. Гансгирда [28], где учтена значительная часть книжной продукции Чехии и Словакии по всем отраслям знаний с 1774 по 1840 г. Каталог насчитывает 65 страниц; истории отведены 4 страницы (71 книга, из них 51 относится к 1810—1839 гг.). Перепечатка старочешских памятников, исторических и литературных, становится в этот период своеобразной общественной потребностью. Публикуются и рукописи так и не увидевшие света в эпоху Тьмы [29, с. 97].

Появляется историческая книга и в Моравии. Если чешские будители мыслили Моравию как единое историческое целое с Чехией, то в самой Моравии наблюдались и иные настроения. С 1836 г. моравский «сословный историограф», позднее архивариус земского архива А. Бочек начинает выпускать собрание источников по истории Моравии — он выпустил первые пять томов [30]. Современная историография относится к Бочеку весьма критически [11, с. 166], однако выход собрания источни-

ков, равно как и монография Бочека о Рудольфе I,— явление знаменательное.

В Сербии историческая книга исследуемого периода также представлена трудами целого ряда деятелей. Если в конце XVIII в. география мест издания сербской книги была весьма пестрой, то с начала XIX в. основным издательским центром был Будим с его известной университетской типографией. «Словима Крал. Всеучилища Пештанској»— это обозначение издательства мы встречаем постоянно на сербских книгах. Известным центром издания сербских книг оставалось и издательство Феодосия в Венеции. Трагические судьбы «Турецкой Сербии» долго не позволяли создать издательский центр в Белграде.

Интерес к исторической книге, прежде всего популярной, прослеживается с первого десятилетия XIX в. Наряду с переводными брошюрами, например, о Наполеоне и изгнании его из России, выходят и собственные популярные компиляции прежде всего биографического плана. Таков «Новый Плутарх» Е. Ивановича [31]. Мы находим здесь 56 жизнеописаний, среди них биографии Омира, Алкибиада, Константина Великого, Маомеда, Стефана Немани, Иоанны Аркской, Христофора Колумба, Петра Великого, Ньютона, Наполеона Бонапарта, Канта, Александра I и др. В конце книги на 44-х страницах приводятся имена «пренумерантов», среди которых мы находим значительное количество духовных лиц, нескольких военных и большой список лиц гражданских — купцов, чиновников, учителей, «учеников» и просто «граждан». Все они распределены по городам и местностям, где проживают. Так в Новом Саде — 42 подписчика, в Будиме — 18, а в «столичном» Белграде только двое. Двумя годами раньше в Будиме выходит «Иконостас славных и храбрых лиц» Н. Шимица, где также на 28 страницах приведен список подписчиков.

Литературная и общественная жизнь Воеводины заметно оживилась с 20-х годов. С 1824 г. выходит издаваемый талантливым историком, преподавателем Новосадской гимназии Г. Магарашевичем «Сербский летопис». В 1826 г. в Пеште была основана Матица Сербская. На страницах «Летописа», издание которого продолжила Матица, постоянно присутствует историческая тематика. Усилиями Матицы Сербской и людей, непосредственно с ней связанных, выходит целый ряд популярных исторических книг. Это прежде всего история самой Матицы, написанная одним из ее основателей Й. Миловуком [32]. Сербский воеводинский купец, имевший в Пеште хорошо поставленное дело, Миловук был одновременно писателем, историком и просветителем. На свои личные средства он издал целый ряд книг. Среди них — биография Скандербега, написанная Й. С. Поповичем [33] по желанию Миловука, как говорит в предисловии автор, будущий знаменитый сербский комедиограф. Тогда двадцатидвухлетний «мудролюбия слушатель» рассказал на страницах маленькой книжки о борце против турецкого завоевания, величайшем герое своего века, сумевшем освободить свою землю от турецкого «кровопийства». Сама по себе книжка несет большой патриотический заряд, издатель еще более усилил его, прибавив в конце несколько песен о Скандербеле знаменитого поэта XVIII в. «умилного певца» Каичча, «зная с какой радостью молодежь их читает». Здесь мы видим, на кого рассчитана книжка, подписчиков числится более 350. В 1831 г. на средства Матицы издается первый сербский учебник всемирной истории уже покойного тогда Г. Магарашевича. Четырехтомную «Историю Сербии» составил по Раичу известный писатель-романист М. Видакович [34]. В 1831 г. Миловук издает книжку Е. Поповича — биографии великих сербских деятелей под общим заглавием «Свеславие или Панфеон». Книгу украшают портреты и фронтиспис, изображающий Пантеон, окруженный 24 гербами провинций бывшего Царства сербского.

Большая часть исторических работ Вука Караджича, находившегося в неприязненных отношениях с одним из наиболее активных деятелей Матицы Сербской Й. Хаджичем, вышла в виде статей. Книжным изданием стала написанная Караджичем биография Милоша Обреновича,

сначала опубликованная на русском языке в Петербурге в 1825 г., а через три года — на сербском языке в Будиме [35].

В 1837 г. в Лейпциге выходит история Сербии трагических трех лет — с 1813 по 1815, написанная по заказу Милоша Обреновича известным поэтом С. Милутиновичем [36]. Караджич и Милутинович были непосредственными участниками событий, и их исторические книги о недавнем прошлом были в то же время свидетельствами очевидцев.

В 1831 г. в Белграде открывается «Княжеско-сербская книгопечатня», разрешенная хаттишерифом 1830 г., и с 30-х годов книги, в том числе и исторические, выходят также и в Белграде. В качестве примера можно привести «Историю Черногории» С. Милутиновича [37]. В текст повествования вкраплены древние грамоты, песни, документы, среди них — касающиеся сношений Черногории с Россией, в частности при Петре I. В Белграде вышла и «История России» А. Федоровича — ряд кратких биографий ее правителей от Рюрика до Николая I — компиляция из самых различных источников [38]. В Крагуеваце в 1834 г. выходит вторая часть «Нового Плутарха» Е. Ивановича, содержащая 50 биографий деятелей от Солона до Фокса, включая и биографию Раича [39].

Этот краткий обзор показывает, что в рассматриваемые годы историческая книга Сербии носила в основном популярный, а часто даже учебно-просветительский характер. Написанная обычно на славяносербском или более или менее чистом сербском языке, она была адресована широкому читателю. В этот период почти не выходило документальных исторических публикаций — белградское издание П. Карано-Твртковича, авторство которого даже осиаривается, было скорее исключением [40].

Историческая книга Болгарии в количественном отношении в рассматриваемый период представлена весьма слабо. С начала болгарского книгопечатания, т. е. с 1806 г., по 1850 г. вышло всего 200 болгарских книг, из них десяток исторических [41]. Основную массу составляли книги богослужебные и учебные — значение учебной литературы, проблем просвещения, которое было в Болгарии в значительной мере в руках будителей, было чрезвычайно велико. Особенностью болгарской книги в период турецкого ига была исключительно пестрая география мест издания, только на родине болгарские книги не печатались. Это видно и на этих 10 исторических публикациях — две из них выпущены в упомянутой типографии в Будиме, по одной в Белграде и Бухаресте, а шесть — в России (Петербург, Москва, Одесса). Это перевод русского учебника по всеобщей истории И. Кайданова (1836), перевод с греческого «Истории Александра Македонского», осуществленный в 1844 г. учителем священником Христо Василем [41, с. 43], «История славяно-болгарского народа» А. Несковича, написанная на славяносербском языке с использованием труда Раича в 1801 г. и переведенная на болгарский язык П. Сапуновым (1844) и др. «История» Паисия Хилендарского, переработанная и сокращенная Х. Павловичем, впервые издана в Будиме в 1844 г. как учебник в 80 страниц [42].

Несколько исторических работ принадлежит перу основателя Габровского училища В. Априлову, среди них — «Денница ново-болгарского образования» (1841, Одесса). Автор дает в ней краткую историю письменности и культуры Болгарии, а затем историю создания Габровского и других училищ, устроенных по его образцу. Априлов впервые опубликовал и исторические документы — собрание болгарских грамот с переводом на русский язык [43]. Таким образом, несмотря на очень небольшое количество изданий, болгарская историческая книга была представлена к середине XIX в. и учебниками, и переводной литературой, и несколькими оригинальными работами и даже публикацией документов.

В Галичине, где начало периода славянского возрождения датируется обычно тридцатыми годами XIX в., историческая книга представлена немногими работами Д. И. Зубрицкого. Другие будители, в том числе крупный историк Я. Ф. Головацкий, не имели тогда возможности выпускать книги. Из работ Зубрицкого этого периода отдельными книгами вышли «Исторические исследования о русско-славянских типографиях

«Галичине» (1836), «Очерк истории русского народа в Галичине и церковной иерархии в том же королевстве», ч. 1 (1837), где охвачен период от принятия христианства до 1340 г., «Хроника города Львова» (1844). Все три работы, написанные на польском языке по архивным материалам, явились значительным вкладом в галицкую национальную историографию — автор на основе документов утверждал исконные национальные права коренного русского населения Галичины, потомков древнерусского племени, сохранивших в условиях двойного национального гнета свое самоназвание «русский», «руссий», «русин»³, память о едином древнерусском прошлом, свой язык и вероисповедание (хотя и с навязанной позднее унией). В условиях засилия польской аристократии и гнета австрийской администрации полемическая заостренность этих работ имела большое значение, недаром «Хроника» была покалечена австрийской цензурой [44, с. 35—36]. Все три книги, равно как и статьи Зубрицкого, были рассчитаны прежде всего на интеллигентного читателя. В период революции, когда передовые национальные деятели Галичины добивались объединения всех «русских» земель в одну административную область, Зубрицкий выступил с брошюрой, в которой определил истинные границы расселения потомков древнерусского племени. (Брошюра вышла параллельно в польском и немецком вариантах [45, 46]).

Ряд славянских стран в этот второй период национального возрождения, богатый книжными изданиями, совсем или почти не имел исторических публикаций по разным причинам, заслуживающим особого исследования. Так было в Словении, у лужицких сербов, отчасти в Хорватии. Сохранился еще один монументальный труд в пяти томах на латыни, созданный на основе большого архивного материала в Закарпатье — «История карпато-россов» М. Лучкая. Он был закончен в 1843 г., в год смерти автора, и так и не увидел света — публикация началась только в 1983 г. [47].

Подводя итог, думается, можно сказать, что на протяжении исследованных нами двух первых периодов славянского национального возрождения историческая книга играла значительную роль, авторами ее были крупные славянские будители. Развитие исторической книги соответствовало периодам самого национального возрождения. Первый период — последние десятилетия XVIII в. — характеризовался попытками создать комплексную историю страны или даже региона (Пельцель, Раич, Линхарт и др.). Источниковедческая база была еще далеко не достаточна, критическое осмысление источников только еще начиналось, авторы во многом пользовались сведениями из вторых рук (недаром таким почетом пользовался труд Мавро Орбани!). Однако в этих работах делались попытки решить кардинальные вопросы славянской истории, преимущественно древней и средневековой — этногенез славян, вопрос, на каких правах и как пришли в славянские земли венгры, проблемы Великой Моравии, турецкого завоевания. Параллельно выходили труды и по более узким темам. Определенное место заняли и биографические работы, в частности биографические словари — «Изображения» Фойгта, Пельцля и Борна, справочник Похлина и др. Делались иногда попытки издания исторических документов — приложение к «Истории» Раича, «Скрипторес» Пельцля и Добровского и др. Авторами книг были прежде всего духовные лица, рассчитывавшие на более или менее подготовленного читателя, недаром труды эти почти все вышли на немецком, латинском, славяносербском языках.

В начале XIX в. интерес к исторической книге, во всяком случае к книге научной, несколько ослабевает. Лишь с конца второго десятилетия мы наблюдаем его оживление. Именно тогда появляются признаки нового романтического направления в содержании и облике исторической книги будителей — на первых порах происходит сближение исторических и литературных произведений — Краледворская рукопись, «Дочь Славы» и комментарии к ней и т. д. Лишь начиная с 30-х годов историческая книга

³ Термин «украинский», «украинцы» в применении к населению Галичины и Закарпатья, т. е. древней Галицкой и Угорской Руси, появился только со второй половины XIX в.

вновь заполняет книжный рынок, особенно чешский. Как мы видели, в Чехии с помощью Чешского музея вырабатывается даже тип издания научной исторической книги. Непосредственным «потребителем» исторической книги в этот период становится широкий круг интеллигенции, зачастую историческая книга из кабинета ученого переходит к рядовому читателю и соответственно изменяется ее облик — она становится меньше по формату, удобнее для чтения. Написана она чаще всего на родном языке. Жанр биографического словаря превращается в серию занимательных биографий, исторические темы из объекта исследования становятся материалом для стихотворных поэм (Я. Коллар, Я. Голлы, И. Мажкуранич, Ф. К. Прешери). Лишь в конце этого полувекового периода возрождения кое-где, прежде всего в Чехии, опережавшей другие страны, вновь создаются капитальные исторические труды. Но их еще мало, они в основном выходят в Праге (исключение — труды Зубрицкого во Львове). Основная же масса исторических книг до середины века остается или учебной или просветительской, порой — развлекательной. Она призвана увлечь широкого читателя в его жажде интересной книги и одновременно воплотить идеи национального и общеславянского патриотизма в духе той романтической эпохи. Но объективно эти небольшие книжки решали еще и третью задачу — они подготавливали почву для того расцвета национальной исторической науки славянских стран, который произойдет в третий период национального возрождения — в 50—70-е годы XIX в. Вновь появляются крупные страноведческие труды, написанные уже обязательно на родном языке, а также публикации исторических документов — чешский вариант «Истории» Ф. Палацкого, серия трудов и публикаций И. Кукулевича-Сакцинского, чуть позднее — труды Ф. Рачки, М. Дринова, К. Иречека, «История Галицко-русского княжества» Д. И. Зубрицкого, исторические работы Я. Головацкого, уникальный труд А. Петрушевича «Сводная галицко-русская летопись», «Славянство и мир будущего» Л. Штура, архивоведческие и историографические работы Я. Шафарика и многие другие. Юбилей Кирилла и Мефодия породит большую историческую литературу едва ли не во всех славянских странах, славянская историческая книга займет свое прочное место среди европейских исторических изданий. Большой вклад внесут и славянские матицы, расцвет деятельности которых падает именно на 50—70-е годы. Наблюдая это обилие исторических изданий во всех славянских странах, мы не должны забывать, что началом исторической книги нового времени стали рассмотренные здесь труды — плод патриотической работы славянских будителей.

■

ЛИТЕРАТУРА

1. Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII в.—1849 г. М., 1980.
2. Мильников А. С. Эпоха Просвещения в чешских землях. Идеология, национальное самосознание, культура. М., 1977.
3. *Publitschka F. Chronologische Geschichte Böhmens.* T. 1—6. Leipzig und Prag, 1770—1801.
4. Мильников А. С. Культура чешского возрождения. Л., 1982.
5. *Abbildungen böhmischer und mährischer Gelehrten und Künstler nebst kurzen Nachrichten von ihren Leben und Werken.* Th. 1—4. Prag, 1773—1782.
6. *Pelzel F. M. Nová kronika česká.* Dil 1—3. Praha, 1791—1796.
7. *Novotný J. Matěj Václav Kramerius,* Praha, 1973.
8. *Dobrovský J. Geschichte der böhmischen Sprache und Literatur.* Prag, 1792.
9. *[Dalmil]. Kronika Boleslavská...* Vyd. od. F. F. Procházky. Praha, 1786.
10. *Tibenský J. J. Papánek — J. Sklenář. Obrancovia slovenskej národnosti v XVIII storočí.* Martin, 1958.
11. *Kutnar Fr. Přehledné dějiny českého a slovenského dějepisectví.* T. I. Praha, 1973.
12. *Basilovits. J. Brevis notitia fundationis Theodori Koriatovits olim dicis de Muncacs anno MCCCLX factae...* Cassovia, 1799.
13. *Marcus (Pochlin). Bibliotheca Carnioliae...* (ed. 2). Laibach, 1862.
14. *Linhart A. Versuch einer Geschichte von Krain und den übrigen Ländern der südländischen Slaven Österreichs.* Bd. 1—2. Laibach, 1788—1791.
15. *Rauch I. История разных славянских народов, наимче Болгар, Хорватов и Сербов, из тьмы забвения взятая и во свет исторический произведенная.* Ч. 1—4. Вена, 1794—1795.

16. Радојчић Н. Српски историчар Јован Раић. Београд, 1952.
17. Раич И. История... из тьмы забвения взятая и во свет исторический произведенная, а ныне по высочайшему Ея имп. величества повелению с первого в Вене издания напечатана. Т. I. СПб., 1795.
18. Конобеев В. Д. К оценке классового содержания идеологии и программы Папсия Хилендарского.— В кн.: Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970. с. 56—74.
19. Робинсон А. Н. Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский. Вопросы литературуно-исторической типологии. М., 1963.
20. Jungmann J. Historie literatury české. Т. 1—2. Praha, 1849.
21. Jungmann J. Přehled literatury české. Praha, 1852.
22. Мильников А. С. Йосеф Юнгман и его время. М., 1973.
23. Kollár J. Vyklad čili přímetky a vysvětlivky ku Slavy dceře. Pest, 1832.
24. Safrárik P. J. Slovanské starožitnosti. Praha, 1837.
25. Palacký Fr. Geschichte von Böhmen. Bd. 1—3. Prag, 1836—1845.
26. Archiv český. Dil. 1—4. Praha, 1840—1846.
27. Palacký Fr. Popis království Českého. Praha, 1848.
28. Hansgird A. Katalog českých knih ode 1774 do konce 1839. Praha, 1841.
29. Пашаева Н. М. Славянская библиотека О. М. Бодянского.— Советское славяноведение, 1982, № 1, с. 94—103.
30. Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae. Ed. A. Boček. Т. 1—5. Olomucii-Brunae, 1836—1850.
31. Иванович Е. Новый Плутарх или краткое описание славнейшии людий свино народа от древнейшии времена до данась по Бланшару и Шиллеру свободно преведен и новыми биографиями умножен Евфимием Ивановичем парохом Карловачким. Т. I. Будим, 1809.
32. Миловук И. Зачатие и основание Матицы Сербске. Будим, 1829.
33. Попович И. С. Живот и витешка воеваня славног кнеза Ђорђа Кастроција Скендербега. Будим, 1828.
34. Видаковић М. История славено-сербского народа. Ч. 1—4. Београд, 1833—1835.
35. [Карађић] Жизнь и подвиги князя Милоша Обреновича, верховного вождя и предводителя народа сербского. СПб., 1825; Милот Обреновић князь Сербии. Будим, 1828.
36. Милутиновић С. История Сербие од почетка 1813е до конца 1815те године. У Лайпцигу, 1837.
37. Милутиновић С. История Церне Горе од искона до новиега времена. Београд, 1835.
38. Федоровић А. История Руссие. Београд, 1837.
39. Иванович Е. Новый Плутарх или критическое описание ..., II. Крагуевац, 1834.
40. Карано-Тврткович П. Српске споменицы или старе рисовуле... Београд, 1840.
41. Стоянов М. Българска възрожденска книжнина. I. София, 1957.
42. Царствениник. У Будиму, 1844
43. Априлов В. Болгарские грамоты. Одесса, 1845.
44. Аристов Ф. Ф. Карпато-русские писатели. Т. I. М., 1916.
45. Zubrzycki D. Granice między russkim i polskim narodem w Galicyi. Lwów, 1849.
46. Zubrzycki D. Gränzen zwischen der russinischen und polnischen Nation in Galizien. Lemberg, 1849.
47. Лучкай М. Historia Carpato Ruthenorum. Т. I. Науковий сбірник Музею української культури у Свиднику за редакцією М. Русинка. Свидник, 1983, т. 10, с. 45—179.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ОМЕГЕ В «МЕРИЛЕ ПРАВЕДНОМ»

В 1984 г. в сборнике в честь Герты Хюттель-Фольтер появилась статья Дж. Шевелева «Альтернативный анализ некоторых языковых черт „Мерила Праведного“» [1], представляющая собой отклик на серию моих работ о «Мериле Праведном» XIV в., опубликованных в 1978—1979 гг. в «Советском славяноведении» и в «Славянском и балканском языкоизнании» [2—4]. Статья представляет тем больший интерес, что ее автор в 1978 г. открыл и исследовал омеговую орфографию (по принципу $\omega = /ô/$) в так называемом кодексе Ханкенштейна (Венском октоихе) [5]. Дж. Шевелев принимает основной тезис моих работ о «Мериле Праведном» (далее просто: Мерило), состоящий в том, что омега передает здесь фонему /ô/. В то же время он рассматривает вопрос о возможности иной интерпретации некоторой части данных Мерила и выдвигает гипотезу о том, что Мерило было списано с украинского оригинала. При этом, правда, автор прямо говорит, что он «не предлагает какой-либо окончательной точки зрения, отличной от точки зрения Зализняка». И далее: «Иначе говоря, я хочу поставить вопрос, а не решить его» [1, S. 296].

В настоящей статье обсуждаются вопросы, поставленные Дж. Шевелевым.

В работах [3, § 4] и [4, § 2] были предложены правила, описывающие распределение букв ω и o в так называемой зоне А [2, § 9] Мерила. Приводим их в огрубленной форме. 1. *ъ дает o . 2. *о дает ω : а) в ударном слоге ортотонической словоформы (это так называемое «великорусское», или просто «русское», правило); б) во втором заударном слоге ортотонической словоформы; в) в перестроенном (иначе новозакрытом) начальном слоге словоформы или фонетического слова (это так называемое «украинское» правило). 3. В прочих случаях * o дает o . Сверх этих основных правил имеются некоторые частные морфологические правила, касающиеся отдельных морфем.

Существенной дополнительной закономерностью Мерила (общей у него со всеми другими рукописями, различающими /ô/ и /э/) является принцип, согласно которому вместо ω в качестве допустимой замены (не в качестве ошибки) иногда может выступать o (так называемое упрощенное написание) [2, § 16—22]. В Мериле это явление наблюдается примерно в 3% случаев. Здесь нам важно подчеркнуть, что это вполне регулярное явление и его нельзя смешивать с аномалиями или непоследовательностями. О подлинных аномалиях или непоследовательностях речь может идти лишь там, где написано ω вместо ожидаемого o или где замены ω на o резко выходят из рамок 3%-й «квоты».

Дж. Шевелев совершенно справедливо отмечает, что в центре моих интересов при анализе Мерила стоит акцентология и все то, что не связано с ней, отодвинуто на второй план. Самого Дж. Шевелева более всего интересует другая проблема — своеобразное соотношение русских и украинских черт в Мериле и его возможные истоки.

Сохраняя свой преимущественный интерес к акцентологической стороне проблемы, я рассмотрю в первую очередь те замечания, которые могут хотя бы частично повлиять на акцентологическую интерпретацию данных Мерила.

Дж. Шевелев полагает [1, с. 299], что действие «украинского» правила в Мериле нужно считать всеобщим, а не ограничивать его лишь начальным слогом. Соответственно, мою трактовку словоформ типа *законъ*, *достопиши*, *животъ*, *отрохъ* как отражающих русское ударение на втором слоге он считает произвольной, поскольку столь же успешно (хотя, как говорит Дж. Шевелев, не менее произвольно) можно трактовать здесь ω как результат действия «украинского» правила.

Понятно, что этот тезис не безразличен для акцентологической интерпретации написаний Мерила: если, например, ω в *животъ* может объясняться просто закрытостью слога, то незаконно делать из написания *животъ* вывод о том, что за ним стоит ударение *живѣтъ*. Ввиду этого рассмотрим вопрос о состоятельности данного тезиса подробно.

Допустим, что при описании Мерила (точнее, его зоны А) принято, как это предполагает Дж. Шевелев, «украинское» правило появления омеги для любых слогов, а не только для начального¹.

В этом случае из данного правила окажется очень много исключений. Некоторые из них, правда, легко объяснить как упрощенные написания, например, *животъ* 26б, *позоръ* 63б, *во особнѣ* 244б при во много раз более частых *живѣтъ*, *зазоръ*, *законъ*, *освѣбно* и т. п. Примеры этого рода мы можем далее уже не рассматривать (все они приводятся в [4], в рубриках, посвященных упрощенным написаниям).

Остается, однако, большой массив примеров, для которых такое объяснение непригодно.

Лишь очень немногие из них содержат о вместо ω в начальном слоге словоформы или фонетического слова; их разбор содержится в [3, § 21] и здесь нет нужды его повторять.

Подавляющее большинство примеров с о вместо ω, требуемого «украинским» правилом, содержит это о в не начальном слоге. Рассмотрим тот случай, когда это о принадлежит основе (об окончаниях см. отдельно ниже). Приводим материал с о вместо ω (омонимичные формы, например, И. ед., В. ед. и Р. мн. на -ъ, не разграничиваются; там, где это упрощает дело, вместо адресов примеров дается ссылка к [4]):

иконоомъ (5 ×), *солохмонъ* (5 ×), *федоръ* (2 ×), *дьяволъ* (2 ×), *дьяконь* (11 ×), *архидьяконъ*, *идоль*, *ияковъ* (2 ×), *яковъ*, *никифоръ* (3 ×) [4, § 22]; *помощь* (6 ×), *похочь* (2 ×), *немощь*, *кротость* (3 ×), -ью (2 ×), -ию, *бл(а)гокротостию*, *гордость*, -ью (2 ×), *крѣость* (3 ×), *лютость* (2 ×), *мерзость* (4 ×), *милость* (2 ×), -ью, *немилость*, *мудрость* (3 ×), *скудость*, -ью, *скупость*, *старость*, *несытость*, *твѣрдость*, *тихость*, *трезвость*, *мягкость* (2 ×), -ью, *оуность*, *хитрость* (2 ×), -ью, -ию, -ъми, *лѣнствью* (-ию) (4 ×), *радостю*, *ревностию*, *пакость* (7 ×), -ию, *яростъ* (2 ×), -ью, -ию [4, § 44];

грамотъ 250, *козмы* 230; *свободъ* 1296 bis;

немочно, -а, -ии, -ымъ (в сумме 9 ×), *немочно*; *свободно*, -а, -у, -и, -ы, -ому, -агѡ, -яя, -ую, -ѣмъ, -ии, -ыхъ, -ымъ, -ыми (в сумме 35 ×), *несвободно*, -и, -ы; *адовныя*, *домовн-ымъ*, -ыхъ (2 ×), *даровнаго*, *сладостн-ому*, *лѣнствн-ымъ*, -ѣ, *пакостн-ая*, -ыхъ, *вѣновн-ое* (от *вѣно*), -агѡ, -а, *жалостна*, *радостно* (2 ×), -а, *яростно*, *нелѣпотно* [4, § 56–57]; *чѣтотни* 6, *оуность* 65, *неистовъ* 261б, *адовъ* 22, *дионисовъ* 347б, *леонитовъ* 131, *бѣсовъскѣ* 344б (одно из двух о — вероятно, второе — является здесь упрощенным написанием);

помощн-икъ, с *помощники*, *похочници*, *свободники*, *сановники*, -у, *пакостники* [4, § 25]; ω^т *сватовъства* 221б, *сиротъства* 229;

¹ При желании можно также поставить это правило на первое место внутри пункта 2 (коль скоро Дж. Шевелев усматривает в помещении этого правила на последнее место некую тенденцию к минимизации украинского элемента в Мериле). В действительности, как легко проверить, совокупный результат действия правил 2а, 2б и 2в, «погрождающих» омеги, не зависит от порядка их применения.

положью 158, обновльшему 274, свобожша 324б, свобожшая 183 видомъ «видимый» 3, невидомъ 3, небрегомъ 138, влекомъ 58б².

Нетрудно заметить, что эти исключения вовсе не случайны: даже в современном языке большинство перечисленных словоформ акцентуируется так, что интересующее нас о безударно³. Обращение к данным акцентуированных памятников XIV—XVII вв. показывает, что и у тех словоформ данного списка, которые теперь имеют ударение на о, в древности было (постоянно или хотя бы в качестве варианта) иное ударение.

Прокомментируем коротко, не претендуя на полноту разбора, словоформы этой последней категории (а также не дожившие до нашего времени).

Икономъ: на фоне господствующего ударения *икономъ* отмечен вариант *икбномъ*, ср. *икбнома* Дос. 9б, *икбном* Пат. 568а, къ *икбномоу* Пат. 628а. Кроме того, в словаре Берынды (столбец 54) дано *домостройте*⁴: *οἰκόνομος* (в отличие от стандартного греческого *οἰκονόμος*). В самом Мериле место ударения в этом слове (а именно, на втором слоге) непосредственно видно из омеги после к — в соответствии с «рус ким» правилом, действие которого в открытых слогах не оспаривает и Дж. Шевелев.

Соломонъ, *Солбмонъ* — постоянное великорусское доинконовское ударение (в отличие от юго-западного *Соломбнъ*) [6, с. 112—113]; отмечено в Чуд. и в десятках старовеликорусских рукописей. Оиять-таки, в Мериле место ударение в этом слове видю и просто из положения омеги.

Свободъ (несклоняемое прилагательное): это энклиномен, ср. Чуд. *ні свободъ* 123б.

Свободно, -ому и т. д.: старое подвижное ударение в нечленных формах и флексионное в членных хорошо засвидетельствовано в Чуд.: *себбодни* 84в, *своббодни* 45г, *себбодни* 45г, *свободна* II. ед. жен. 102б, о *свободъти* 121г, *свободный* Р. ед. жен. 123г bis, ω⁷ *свободный* 123в (и лишь один пример с новым ударением — ω⁷ *своббодный* 123в). В XVI в. старое ударение нечленных форм еще изредка встречается, тогда как членные формы его уже утратили (особо стоит памятник Хр., обобщающий в этом и других подобных случаях ударение нечленных форм: *своббодно* 33б, -i 1354, *себбодн-и* 299б, -ы^м Д. мн. 950б, -ыми 1208б). В самом Мериле в примере *свободному* место ударения непосредственно показано омегой.

Вѣновнѣе: омега показывает, что ударение падало здесь на третий слог (или, может быть, на первый), но не на второй.

Домовныъ, *даровнаго*, *бѣсовъскѣ*, *помощнѣкъ*, *свободнѣкъ*, *сановнѣкъ*, *сиротнѣства*: все эти слова произведены от слов акцентной парадигмы с и по общим правилам акцентуации производных закономерно должны иметь ударение правее интересующего нас слога с о. В Чуд. они не встретились; в XVI—XVII вв. они уже выступают преимущественно с новым ударением, но в части случаев сохраняется и старое: *бѣсовскѣ* (В. мн.) Час. 324, *помочнѣкъ* Колм. 197 (ср. также современное укр. *помічнікъ*, *помічніка*), *сиротнѣство* Печ. 54б (ср. также *сиротнѣство* в словаре Ф. Попликарова 1704 г. и *сиротнѣство* у Даля). В памятнике Хр., с его описанной выше особенностью, отмечены *домовнѣй* 931б, *бѣсовскіи* 1064б.

Ч(и)стотна, *адовныя*: эти производные от слов акцентной парадигмы а несомненно имели в XIV в. ударение на корне; ср. постоянное ударение *чѣстота*, *нечѣстота* в большом числе памятников XVI в. (в Чуд. эти слова не встретились).

Положью, *обновльшему* и т. д.: ср. в Чуд. такие ударения, как *рож-ибся* 167а, *яельшю же ся* 84а, *створшѣ* 28в, *створшѣму* 143в, *сътворшѣмоу* 154г, *яельшагося* 63а. При этом, однако, уже в Чуд. в этих же формах акцентной парадигмы с чаще представлено новое ударение — корневое:

² В перечисленных категориях словоформ омега встретилась лишь в *на помощь* 265, *пакость* 87б, *ярость* 21б, *порожьши* 5б. Пример *нарояжши* 224б, приводимый Дж. Шевелевым [1, S. 298], ошибочен: в действительности это *на^с рояжьше* 'родившие нас'.

³ Насколько мы можем судить, у этой части словоформ оно было безударно и в древности (правда, в *мудрость*, *лютость* исконным было суффиксальное ударение, но, как показывает Чуд., в XIV в. оно уже по крайней мере в части говоров было заменено корневым).

послѣжю, стѣбрѣ, примѣршеся, стѣбршемоу, примѣршаго и т. п. Свидѣтельством аналогичного акцентного колебания в Мериле является единичное *порожжши*; но в Мериле, в отличие от Чуд., старое ударение в этих формах еще преобладает.

Небрегомъ, влекомъ: в акцентной системе Мерила это энклиномены, т. е. причастия с -ом- от глаголов акцентной парадигмы с сохраняют в Мериле свой древнейший акцентный статус. Во всех других памятниках, включая Чуд., уже почти полностью победила новая акцентовка — суффиксальная (*влекомъ*, *блюдомъ* и т. п.). От более древнего подвижного ударения здесь сохраняются лишь следы. Так, косвенным следом такого рода в Чуд. являются ударения *подѣемъ* 131а, *вѣдомъ есть'* 80а, *влаемъ* 'колеблемые' 1266 (с заменой энклиноменной акцентовки на флексионную). Кроме того, в *вѣрою з'овомъ* Чуд. 147б маленькая черточка над з, может быть, является знаком второго ударения; но это неподобно. Далее, в памятнике Жит., различающем /б/ и /з/ (по системе «о широкое = /б/», причастия с -ом- обнаруживают /з/: о узкое представлено в *влекомъ* 286б, *вѣдома* И. дв. 287б (от *вести*), также в написаниях без знака ударения *влекомъ* 276б, *влекоми* 274б, *вѣдоми* 273, *бодомъ* 309, *ядомы* 274б (при единственном отклонении — широком о в *зовомоу* В. ед. 271). Подвижность ударения в слове *вѣдомость* (Р. мн. *вѣдомостѣй*), по-видимому, является просто следствием древней подвижности ударения в причастии *вѣдомъ*. Ср. также *по знакомъству* Улож. 333б, которое указывает на древнее подвижное ударение прилагательного *знакомъ*, где выступает тот же суффикс в соединении с основой слова *знакъ* (принадлежащего к акцентной парадигме с).

Сверх перечисленных выше словоформ, исключениями из «украинского» правила являются также *близочество* 246, -а 220б, -омъ 246, -ѣ 246б; ср. *ѡ* в *близочства* 221, 222б bis. В действительности это не что иное, как отражение колеблющегося ударения (ср. *ѡт близочства* Фер. 436б, 437б). Такой же источник, по-видимому, имеет расхождение между *полунощныя* 35б и *полунощное* 35.

Итак, во всей приведенной совокупности исключений из «украинского» правила о, выступающее вместо требуемого этим правилом *ѡ*, было безударным. В большинстве примеров соответствующее ударение было в XIV в. единственно возможным, в остальных случаях оно конкурировало с другими акцентными вариантами. Таким образом, все эти исключения сразу перестают быть исключениями, если признать, что в неначальном слоге действовало только «русское» правило.

В статье Дж. Шевелева рассмотренной здесь проблеме посвящена всего одна фраза [1, S. 299]: «Правда, суффикс -ость (*тихость* и т. п.) регулярно пишется через о, равно как прилагательное *свободный*, но в тексте часто встречаются маньеризмы (*mannerisms*) различного рода». Даже если оставить в стороне утверждение о том, что в Мериле вообще много маньеризмов (с которым мы не согласны), ясно, что маньеризмами необходимо объявлять отнюдь не только слова на -ость и *свободный*, но и несколько десятков других. Если же мы все-таки захотим как-то избавиться от столь громоздких списков, то лучше всего признать за писцами Мерила следующий «обобщенный маньеризм»: писать о вместо *ѡ* в безударном слоге (неначальном).

Рассмотрим теперь вопрос с другой стороны: нет ли в неначальных слогах таких омег, которые объясняются только «украинским» правилом, а «русскому» правилу противоречат? Дж. Шевелев утверждает, что такие случаи есть [1, S. 299]. Поскольку он не указывает при этом ни одного из них конкретно, попытаемся взять эту задачу на себя (разумеется, не ограничиваясь маленькой выборкой, предложенной Дж. Шевелевым, а в объеме всего Мерила). Разберем тот основной случай, когда интересующее нас *ѡ* или *о* входит в основу (об окончаниях см. отдельно ниже).

Очевидно, под наибольшим подозрением находятся те примеры, где место омеги не соответствует современному русскому ударению. Таковы: *отрокъ* 79б, 169б, 343, *соколъ* 2, 339б, *соболѣ* 31б, *городнѣ* 341 bis, -ю

341, *шт неистовъства* 816, *ипоðъякѡн* (Р. мн.) 131, *на помошь* 265, *пакость* 876, *яростъ* 216, *приобщиша* 2246 (Дж. Шевелев неточно цитирует эту словоформу как *приобщиша*). Однако привлечение данных исторической акцентологии позволяет установить, что почти во всех этих примерах омега соответствует реальному ударению XIV в.— постоянному или допускаемому в качестве варианта.

Отроќъ: акцентовка *отроќъ отроќа*, является нормой для Чуд. и для большого числа рукописей XVI в.; акцентовка *бтрокъ*, *бтрока* отмечается начиная с XVI в. (на востоке великорусской территории) и интенсивно распространяется в XVII в.

Соколъ: акцентовка *соколь*, *сокола* является нормой для старовеликорусских рукописей. Она дожила до нашего времени в говорах и в фольклоре; ср. также поговорку *гбл как сокол* в литературном языке.

Городнѣ, -ю: ср. *горбдню* Фер. 989, *горбдѣнь* (Р. мн.) Фер. 989, 20 *горбдѣ* Лет. 243 (при том, что существовал также акцентный вариант *городнѣ*).

Неистовъства: акцентный вариант с ударением на -ов- отмечается в XVI—XVII вв. довольно широко, ср. *неистовъство* Сенн. 1406, Цв. 1116, -а Печ. 90, Ряз. 294, -у Сенн. 1686, Хлын. 326, *неистовъство* Печ. 1476, *неистовъство* Егор. 125, 174, -а Пск. 3116.

Ипѡðъякѡн: скорее всего здесь отразилось ударение на *пѡ* (являющееся инновацией) и второстепенное ударение во втором заударном слоге, ср. *пѡдіацы* Фер. 544, 549, 550, *пѡдіака* (с двумя знаками ударения) Фер. 2386 (что касается неустойчивости начального *и*, ср. в Мериле *гѣмономъ* 'игемонам' 27). (Подробнее см. [4, § 22].)

На помошь, *пакость*, *яростъ*: эти написания с *о* выступают в Мериле лишь как единичные отклонения от обычных *помошь*, *пакость*, *яростъ* (см. выше). Их естественно сопоставить с изредка встречающимися во многих памятниках XV—XVII вв. примерами неначального ударения в слове *помошь* и в словах на -ость; ср., в частности: *помошь* Сенн. 83а, *помѣщь* Т. ис. 134 bis, *помѣщью* Лет. 419, *на помошь* Хр. 814б, *на помѣщь* Пер. 62; *яростию* Новг. 2526, *в рѣдѣсть* Т. ис. 52, *тихѣсть* Фер. 841, *жестѣсть* Карг. 476 и т. п. Следует подчеркнуть, что во всех этих памятниках приведенные примеры выступают на фоне гораздо более частых ударений *помошь*, *яростъ*, *рѣдѣсть* и т. д. Таким образом, Мерило в этом отношении вполне сходно с целым рядом более поздних памятников.

Приобщиша: это единичное отклонение от регулярных *да не приобѣщить* 896, *приобщати* 1176, *приобщатися* 117, *приобщающеся* 105, *приобщающеся* 244, *приобщевати* 229 — вероятно, ошибка под влиянием бесприставочных *ѡбѣщати(ся)*, *ѡбѣщаніе*, *ѡбѣщина*.

И лишь для написания *соболь* прямых свидетельств старого ударения *соболь* в нашем распоряжении нет, т. е. можно при желании считать это искомым исключением. В действительности, однако, на фоне всех остальных данных естественнее предположить, что перед нами акцентное свидетельство, не сохраненное более поздними памятниками (тем более, что это слово вообще очень редко встречается в памятниках, особенно в единственном числе). Замена старого *соболь* более новым *соболь* — такая же, как в *соколь*, *хоботъ*, *овощъ*, *хворостъ*, *тварогъ*, *желудь*, *степень* и ряде других.

Что касается приводимого Дж. Шевелевым [1, S. 298] *радимѡвъ с(ы)нъ* 2216, то это в действительности *радинѡвъ с(ы)нъ* — от греч. *Ραδίγρος*; ср. *склирѡвъ с(ы)нъ* 2216 — от греч. *Σκληρός*; в обоих случаях, судя по акцентуации греческих имен, следует предполагать ударение на -ов-.

Заметим, что, предлагая здесь возможные объяснения для каждого неочевидного написания в Мериле, мы превышаем меру необходимого в доказательстве того, что в неначальных слогах Мерила «украинское» правило не действует. Когда речь идет о считанных примерах, не исключена также какая-то доля простых ошибок. Важно то, что даже спорных примеров совсем мало, а таких, которые можно было бы объяснить только действием «украинского» правила, нет вообще.

Несколько особый характер носит распределение *ω* и *o* в окончаниях, а именно, в этой сфере оно частично регулируется правилами морфологического характера. Так, в Д. мн. существительных постоянно (за исключением лишь одного примера) выступает *-омъ*, вопреки как «украинскому», так и «русскому» правилу [3, § 28]. С другой стороны, в окончаниях М. ед. *-омъ* и Д. М. ед. *-ои* почти всегда выступает омега [3, § 29] (из-за недостатка примеров неясно, не относилось ли к этой же группе также окончание Р. мн. *-оевъ* [4, § 21].)

В остальном окончания подчиняются тем же правилам, что и основы. Так, например, не подчиняются «украинскому» правилу написания *възвѣдигохъ* 15, *скѣадохъ* 36, *обрѣтохъ* 61, 1226, *сѣдохъ* 146 (в отличие от *придѣлохъ* 376, *снидохъ* 38); между тем с акцентной точки зрения эта разница оказывается совершенно закономерной: в Чуд. находим *възвѣдигохъ*, но *изидѣохъ* и т. д. [3, § 10]. В Д. мн. прилагательных при окончании *-омъ* (*-омъ*) находим, с одной стороны, в частности, *довѣлиомъ*, *поѣбномъ*, *самовластномъ*, *повѣльномъ* (где окончание входит в первый заударный слог), с другой стороны, в частности, *призываюмъ*, *причтаемъ*, *недвижимомъ*, *ненавиѣмъ*, *неоправданомъ*, *окраденомъ*, *посланомъ* (где окончание входит во второй заударный слог). (Подробнее см. [4, § 48, 86—89].)

Отметим также следующее обстоятельство, которое, хотя и является, строго говоря, всего лишь следствием рассмотренных выше отношений, ценно своей наглядностью. В Мериле слова с неодносложной основой в подавляющем большинстве случаев сохраняют один и тот же набор *o* и *ω* в основе при словоизменении, в частности, при замене окончания *-ъ*, *-ь* на слогоное или наоборот. Так, например, с одной стороны, мы видим: *залигъ* — *залига*, *законъ* — *закона*, *канонъ* — *канона*, *готовъ* — *готово*, *оубѣгъ* — *оубѣга*, *подѣбенъ* — *подѣбно*, *работы* — *работъ*, *придѣлохъ* — *придѣша* и множество подобных. С другой стороны: *дѣяконъ* — *дѣякона*, *дѣяволъ* — *дѣявола*, *солнѣмонъ* — *солнѣмону*, *иляковъ* — *иляковѣ*, *помощъ* — *помощи*, *похочь* — *похоти*, *гордость* — *гордости*, *неистово* — *неистово*, *дионисовъ* — *дионисово*, *грамота* — *грамотъ*, *обрѣтохъ* — *обрѣтоша*, *сѣдохъ* — *сѣдоша* и т. д. Совершенно очевидно, что весь этот обширный материал грубо нарушает «украинское» правило, которое во всех этих случаях должно было дать чередование *ω* : *o*.

Лишь в считанных случаях такое чередование действительно есть. Это *живѣтъ* — *живота*, *отрѣкъ* — *отрока*, *видѣкъ* — *видока*, *сирота* — *сирѣтъ*, *таковъе* — *таковъ*. Однако во всех этих случаях ударение таково, что в словоформе на *-ъ* оно падает на конечный слог основы, а в словоформах со слоговым окончанием — правее или левее этого слога: *живѣтъ* — *живота*, *отрѣкъ* — *отрока*, *сирота* — *сирѣтъ* и т. д. Итак, «украинское» правило, требующее чередования *ω* : *o* в последнем слоге основы, не соблюдается в Мериле у слов с неодносложной основой почти никогда, а в тех считанных словах, где оно все же соблюдается, этого чередования требует также и «русское» правило.

Все сказанное можно резюмировать так. За пределами начального слога «украинское» правило появления омеги действует в Мериле тогда и только тогда, когда того же самого результата требует «русское» правило; при конфликте двух правил здесь всегда работает «русское» правило. Это может значить только одно: в неначальном слоге появление омеги определяется в Мериле «русским» правилом.

Таким образом, подкапающий в первую минуту тезис о том, что трактовать *ω* в *законъ* и т. п. как отражение ударности и как отражение закрытости слога «одинаково произвольно», не выдерживает серьезной проверки. Совокупность всех данных Мерила (а не нескольких десятков примеров) ясно показывает, что одна из этих трактовок верна, а другая нет.

Помимо проведенного конкретного разбора, здесь нужно учитывать также следующее простое обстоятельство общего характера. Если бы акцентологические заключения делались (в масштабах столь крупного памятника, как Мерило) из написаний, в которых на самом деле не за-

ложено акцентологической информации, полученная в итоге картина акцентной системы неизбежно содержала бы множество нелепостей, внутренних противоречий, немыслимых, ничем более не подтверждаемых ударений⁴. Акцентная система любого восточнославянского говора есть объект столь высокой степени сложности, столь многоплановой внутренней организации, что не существует и одного шанса из миллиарда получить правильную картину этой системы случайно.

Между тем акцентная система Мерила, восстановленная в [4], лишь немногими деталями отличается от акцентной системы Чуд., в тексте которого ударения обозначены прямолинейным способом — акцентными знаками⁵. Далее, акцентная система Мерила определенным образом связана, с одной стороны, с системами XVI в., с другой — с реконструируемой правосточнославянской и праславянской системой. Сами отличия системы Мерила от других систем, в частности от Чуд., не разрознены и не хаотичны, а касаются как правила целостных групп словоформ и обладают внутренней последовательностью (ср. [3, § 11]). Некоторые специфические детали системы Мерила оказываются промежуточным звеном развития между праславянским и реальными системами памятников [4, § 92]. Совокупность всех этих характеристик столь бесповоротно исключает случайность, что именно она является самой сильной гарантией правильности акцентной интерпретации написаний Мерила⁶ (разумеется, речь идет о гарантировании самих принципов интерпретации в целом, а не каждого единичного факта в отдельности).

Перейдем к вопросу об истоках «украинского пласта» омег в Мериле, т. е. тех омег, появление которых определяется «украинским» правилом. Этот вопрос не затрагивает акцентологической интерпретации Мерила (поскольку омеги данной категории не несут акцентологической информации); соответственно, для наших основных целей он относительно менее существен.

Дж. Шевелев предлагает следующую схему. Мерило было списано с юго-западного (украинского) оригинала, написанного по омеговой системе, т. е. лингвистически подобного кодексу Ханкенштейна (добавим: и евангелию МГУ № 1367). Великорусские (может быть, тверские) писцы сохранили омеги оригинала, но, зная, что ω есть знак для /ô/, добавили ряд своих омег для передачи русского /ô/, например, *добрô*, *коровâ* (вместо *добро*, *корова*, стоявших в оригинале).

Заметим сразу же, что списывание с юго-западного оригинала вполне вероятно, если учесть интенсивные связи Твери (в том числе культурные) с Юго-Западной Русью в XIV в. Столь же вероятным следует считать заимствование самого графического принципа $\omega = /ô/$ с Юго-Запада. Что же касается непосредственного перенесения омег в Мерило из оригинала, то эта гипотеза наталкивается на очень большие трудности.

Прежде чем разбирать этот вопрос, следует напомнить, что в написании Мерила участвовали три (менее вероятно — два) писца-каллиграфа и не

⁴ Для наглядности можно провести следующий простой эксперимент: представим себе, что «ради расширения базы акцентологического исследования» мы сняли при описании Мерила «украинское» правило вообще, т. е. объявили даже и начальный закрытый слог сферой действия «русского» правила. В этом случае вместо какого бы то ни было выигрыша акцентолог получит длинный ряд не подтверждаемых ни памятниками, ни теоретической реконструкцией ударений (например, *послати*, *прозвати*, *пôтщание*, *блъяте*, *бвса*, *кôвчегъ*, *блтарь* и многие другие), которые только скомпрометируют его работу в целом. Отсюда можно видеть, сколь мало заинтересован акцентолог (вопреки подозрениям Дж. Шевелева) в расширении сферы своего исследования за счет акцентологически неинформативного материала.

⁵ Заметим, что это сходство укрепляет наше доверие к акцентным знакам в Чуд. в той же мере, как и к омеговой орфографии в Мериле.

⁶ По этой причине я считаю излишним подробно обсуждать, например, высказанное вскользь замечание Дж. Шевелева [1, S. 304] о том, что омеги в заударных слогах, быть может, вообще не связаны с ударением, а определяются скорее «несколькими искусственными орфографическими правилами». Если не считать нескольких окончаний, которые ведут себя особо (ср. об этом выше), связь заударных омег с позицией второго заударного слога выявляется вполне надежно, см. материал в [3, § 12] и в тех разделах [4], которые посвящены словам с ударением соответственно на последнем и на предпоследнем слоге основы.

меньше шести учеников [2, § 8—11]. Все писцы, в том числе и ученики, работали весьма тщательно: описок и прочих ограждений очень мало. В отношении «чересполосицы» почерков Мерило едва ли не уникально: в рукописи выявляется около 150 точек перемены почерка. В этих условиях ни о каком систематическом совпадении границ почерков с границами статей (ни тем более с границами почерков оригинала) не может быть и речи: один писец отдает первому чаще всего в середине фразы, нередко даже в середине слова.

Соответственно, волею случая Мерило оказывается идеальным пробным камнем для старого спора о том, чем преимущественно определялась орфография древних писцов — копированием оригинала или собственной орфографической выучкой.

Как показывает анализ, почерк каждого из писцов Мерила, в том числе и учеников, обладает высокой степенью графической и орфографической последовательности. В частности, каждый почерк обнаруживает чрезвычайно устойчивые статистические характеристики в употреблении букв-омофонов (*и* и *и*, *оу* и *у*, широкое и узкое *о* и т. д.). При этом у разных писцов графико-орфографические системы несколько различны.

Важнейшее для нас различие состоит в том, что омеговую орфографию (т. е. принцип $\omega = /ō/$) применяют все каллиграфы (так наз. зона А) и один ученик (зона Б); у остальных учеников она отсутствует (зона В). Это не значит, что писцы зоны В вообще не знают омеги; просто они используют ее без связи с $/ō/$. Все они употребляют ω в морфеме *от*; в почерках «м» и «о» [2, § 11] ω употребляется также в начале слова и после гласной (в почерке «о», охватывающем целых 57 листов, этот принцип реализован почти без отклонений). В других позициях ω в зоне В не встречается (если не считать четырех примеров Р. ед. на *-аго*, *-его*).

Никаких общих графико-орфографических особенностей, которые объединяли бы, например, двух писцов, списавших вместе ту или иную статью, и отсутствовали бы у них при их работе над другими статьями, нам обнаружить не удалось.

Все эти факты недвусмысленно свидетельствуют о том, что в своих графико-орфографических принципах писцы Мерила были независимы от оригинала. Разумеется, это не касается вопросов фонетического облика слов: например, видя в оригинале *скербъно*, писец скорее всего не считал для себя возможным заменить его на *скорбъно*, поскольку это не вопрос орфографии.

Если принять гипотезу Дж. Шевелева о копировании омегового оригинала, мы сталкиваемся со следующей парадоксальной ситуацией: ученики справились с задачей перераспределения ω и *о* при списывании идеально, не оставив ни единого следа от «украинского» правила оригинала, тогда как учителя-каллиграфы сумели решить эту задачу лишь довольно посредственно.

Можно, правда, попытаться разрешить этот парадокс так: только учителя (но не ученики) знали сам принцип $\omega = /ō/$, и это-то как раз и усложняло их задачу. Видя, например, украинское *гордость*, они воспринимали эту словоформу как фонемно отличную от своего *гордость* (т. е. так же, как *скербъно* по сравнению со *скорбъно*) и должны были каждый раз решать, имеют ли они в данном случае право на замену.

Практически, как уже было показано выше, они сохраняли омеги, не соответствующие «русскому» правилу (и правилу о втором заударном слоге), только в начальном слоге. Очень существенно то, что в этом отношении все три каллиграфа поступали совершенно одинаково; тем самым предполагать здесь какую-то индивидуальную причуду невозможно.

В чем причина такого отличия начального слога от остальных — вот самая трудная проблема в истолковании данных Мерила.

Самое простое предположение состоит в том, что, например, в *домъ*, *възъ* и в первом слоге словоформ *бълному*, *пъслати* и т. п. писцы Мерила действительно произносили */ō/*. Далее имеется две возможности: а) это было чертой их говора; б) это было условностью их книжного произношения, украинизмом, который обладал в их глазах престижем (как

это предполагает Дж. Шевелев [1, S. 302]). Как некоторую модификацию версии «б» можно рассматривать предположение, что это была чисто графическая условность, т. е. что писцы Мерила говорили только /дэм/, но считали престижным записывать это как *домъ*.

Дж. Шевелев утверждает, что рассматриваемая особенность не могла быть чертой их говора, поскольку ни украинские, ни русские говоры с такой особенностью начального слога неизвестны. Это серьезный аргумент, но все же не абсолютный. Он исходит из того, что любая важная особенность, свойственная некоторому древнерусскому говору, непременно должна отразиться в каких-то из позднейших говоров (а также из того, что науке уже полностью известны все существенные свойства современных говоров). Между тем обе эти посылки едва ли верны. В связи с первой из них достаточно указать хотя бы такое явление, как окончание *И. ед.-е* (*хлѣбе, Варламе*) в древненовгородском диалекте: в настоящее время, по-видимому, ни один говор не сохраняет этой черты и даже изолированные ее следы предельно редки. Что же касается распределения /б/ и /э/ в говорах (как в древних, так и в современных), особенно на великорусской территории, то в этой сфере наши нынешние знания настолько очевидным образом неполны, что было бы совершенно неосновательно заранее исключать здесь возможность сюрпризов.

Считая гипотезу о том, что в основе распределения *о* и *о* в Мериле лежит особый говор, наиболее вероятной, я тем не менее не исключаю в принципе также и возможность условного произношения или условной записи. Просто мы сталкиваемся здесь с той же самой проблемой: почему эта условность была ограничена лишь начальным слогом? Загадочность такого ограничения во всяком случае не меньше, чем загадочность говора, совмещавшего в начальном слоге русские и украинские черты распределения /б/ и /э/.

Важно следующее: если мы действительно имеем дело с условным произношением или написанием, то ограничение его одним лишь начальным слогом никоим образом не могло возникнуть спонтанно (независимо у каждого из троих каллиграфов) лишь вследствие работы с украинским омеговым оригиналом. Оно непременно должно было составлять часть их книжного обучения. В самом деле, если бы омеги в *домъ*, *послати* и т. п. попадали в Мерило лишь потому, что они стояли в этих словоформах уже в оригинале, было бы совершенно невозможно объяснить, почему ни один из переписчиков не переносит из оригинала лишние, с русской точки зрения, омеги неначального слога. Иначе говоря, если принять гипотезу об условном произношении или написании таких словоформ, как *домъ* или *послати*, то гипотеза об украинском омеговом оригинале становится излишней: писцы с такой выучкой могли писать точно так же с любого оригинала и просто со слуха. Более того, если верить в теорию копирования, абсолютную свободу зоны В от «украинских» омег, конечно, проще объяснить исходя из безомегового оригинала.

Теория копирования оригинала заставляет Дж. Шевелева интенсивно искать в Мериле следы его украинского оригинала. Не найдя смешения *ы* с *и*, *рь* с *ръ*, *бь*, *пь*, *мь*, *вь* с *бъ*, *пъ*, *мъ*, *въ*, он по разным причинам отводит эти явления из числа обязательных украинизмов. Про написание *жч* и про смешение *в* и *у* сказано, что «эти черты, если они присутствовали в предполагаемом оригинале, были искоренены полностью» [1, S. 301]. Для «нового б» Дж. Шевелев все же указывает три примера: *запрѣщѣніе* 2226, *щадѣніемъ* 676 и (с оговоркой *possibly*) *нѣ звати* 230б. К сожалению, все три примера ошибочны: на л. 222б в действительности стоит *запрѣщенія* (Р. ед.), с *е*; *щадѣніе* — правильное образование от глагола *щадѣти* (от *щадити* было бы *щаженіе*; в добавок, вариант *щадити* вообще появляется поздно, его даже нет у Срезневского). Наконец, на л. 230б находим: *не подѣбаетъ жены звати гъжею. но лѣпо же|нѣ звати мужа гъномъ.* При этом Дж. Шевелев не воспользовался готовым списком случаев смешения *б* и *е*, приведенным в [2, § 14] (где нашлось бы, например, *наводнѣніемъ* 319б).

В действительности, если принять во внимание орфографическую самостоятельность писцов Мерила, отсутствие всех перечисленных выше

явлений не могло бы служить серьезным аргументом против наличия у Мерила украинского оригинала. Другое дело то, что существование такого оригинала вероятно лишь из общих соображений, тогда как ни из каких орфографических или языковых свойств Мерила оно с обязательностью не вытекает.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что доверие к показаниям Мерила основано отнюдь не на наивной вере в то, что все писцы древней Руси стремились как можно точнее передать звучащую речь. Мне неоднократно приходилось работать с древнерусскими памятниками, которые изобилуют графико-орфографическими условностями. В основе доверия к Мерилю лежат именно те индивидуальные черты, которые резко отличают этот памятник (точнее, его зону А) от рядовой книжной продукции XIV в.

Главным из таких отличий является сама омеговая орфография. Сейчас ясно, что в эпоху Мерила такая орфография была чрезвычайной редкостью: попытки обнаружить другие рукоиси XIV в. с омеговой орфографией, сверх трех ныне известных, пока что не дают успеха. По-видимому, эта орфография была привилегией немногих очагов книжности, где поощрялось графико-орфографическое новаторство, в частности, попытки найти графические средства для передачи фонемных различий, игнорируемых традиционным письмом.

Кроме того, в Мериле обнаруживается ряд частностей, которые внешне выглядят как орфографические условности, однако при более внимательном анализе оказываются отражением фонетических особенностей. Так, например, постоянство орфограммы *-омъ* в Д. мн. существительных (независимо от ударения) было бы очень естественно оценить как орфографическую условность; однако от этой иллюзии приходится отказаться, когда выясняется, что почти во всех старовеликорусских памятниках XVI в., различающих /ô/ и /ɔ/, в окончании Д. мн. столь же постоянно представлено /ɔ/ [3, § 28]. Омега, выступающая вопреки акцентным правилам в окончаниях *-омъ* и *-ши*, находит соответствие в диалектных безударных окончаниях *-ум* и *-уй* — в говорах (южновеликорусских и белорусских), где в силу оканья здесь ождалось бы *-ам*, *-ай* [3, § 29]. Постоянной (независимой от ударения) омеге в *-агω*, *-огω* (в Р. ед.) соответствует постоянное *ô* в ряде старовеликорусских рукописей с каморной системой различения /ô/ и /ɔ/ и постоянное широкое *o* в некоторых рукописях с системой «широкое *o* = /ô/». Аномальные написания *толико* (11 ×), *колико* (5 ×) получают удовлетворительное объяснение, лишь если предположить, что *ô* и *o* записаны здесь по слуху в соответствии с живым произношением этих слов как [tô'l'kô] и [kô'l'kô] [3, § 23]. Напомним также, что заударным омегам Мерила типа *праведнô* нередко непосредственно соответствуют написания типа *праведнô* (или типа *праведнô*) в Чуд. [3, § 16]; в старовеликорусских рукописях XV—XVII вв. обнаруживаются десятки аналогичных примеров, где акцентным знаком показан второстепенное ударение. Даже такая супертрадиционная орфограмма, как *ω*, в рамках Мерила ничем не отличается от других примеров с *ω* в начальном закрытом слоге, т. е. ничто не мешает ей быть в данной системе не условной. Этот список можно было бы продолжить. Конечно, из этих фактов нельзя заключать, что в Мериле условных написаний (в частности, в сфере *ω* и *o*) нет совсем. Однако они служат хорошим предостережением против обратной крайности; иначе говоря, они требуют от исследователя «презумпции доверия» к показаниям Мерила: доказываться должна недостоверность (условность) того или иного написания, а не наоборот.

В целом Мерило представляет собой весьма строгий в лингвистическом отношении памятник. Однако эта строгость выявляется лишь при достаточно глубоком анализе, охватывающем весь материал. При беглом просмотре она не видна; более того, в вопросе об *ω* и *o* легко возникает иллюзия непоследовательности и произвола. Но усматривать лишь игру случайностей и условностей там, где уже обнаружилась закономерность, — значило бы отказываться от подарка, который нам делали самые чуткие к языку и самые свободные от рутины книжники древней Руси.

Дос. — Синайский патерик, 2-я четв. XVI в., Гос. Исторический музей (далее: ГИМ), Увар. 883. **Егор.** — Евангелие учительное, 2-я четв. XVI в., Гос. библиотека им. В. И. Ленина (далее: ГБЛ), ф. 98, № 80. **Жит.** — Сборник житий, 2-я четв. XVI в., ГБЛ, ф. 173, № 57. **Карг.** — Василия Великого о постничестве, 1556 г., ГБЛ, ф. 304, № 133. **Колм.** — Космография Меркатора, Коломогоры, 1670 г. (по изданию: Космография 1670, СПб. 1878—1881). **Лет.** — Троицкий летописец, сер. XVI в., ГИМ, Синод. 645. **Мерило** — Мерило Праведное, XIV в., ГБЛ, ф. 304, № 15. **Новг.** — Псалтирь, 1548 г., ГИМ, Увар. 592. **Пат.** — Скитский патерик. Новгород, 1553 г.; в рукописи ГИМ, Синод. 216. **Пер.** — Слова Аввы Дорофея, 1633 г., ГБЛ, ф. 310, № 194. **Печ.** — Минеи-четыни. Печенга, 1605 г., ГБЛ, ф. 138, № 17. **Пск.** — Феодор Студит. Псков, 1590 г., ГБЛ, ф. 242, № 134. **Ряз.** — Лествица. Солотча, 1611 г., ГИМ, Барсов 246. **Сени.** — Толкование на евангелия, 1499—1500 гг., ГИМ, Синод. 302. **Т. пс.** — Псалтирь, XV—XVI вв.; в рукописи ГБЛ, ф. 304, № 329. **Улож.** — Уложение царя Алексея Михайловича (печатное). М., 1649. **Фер.** — Кормчая, сер. XVI в., ГБЛ, ф. 98, № 248. **Хлын.** — Златоуст, 2-я четв. XVII в., ГБЛ, ф. 310, № 539. **Хр.** — Хронограф, 4-я четв. XVI в., ГБЛ, ф. 98, № 202. **Цв.** — Триодь цветная (печатная). М., 1591. **Час.** — Часослов, кон. XV в.; в рукописи ГБЛ, ф. 304, № 329. **Чуд.** — Чудовский Новый Завет, XIV в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Shevelov G. Y. An alternative analysis of some language features of «Měrilo Pravednoje». — Festschrift für Gerta Hüttl-Folter zum sechzigsten Geburtstag. — Wiener Slawistischer Almanach, Bd 13, 1984.
2. Зализняк А. А. Новые данные о русских памятниках XIV—XVII вв. с различением двух фонем «типа о». — Советское славяноведение, 1978, № 3.
3. Зализняк А. А. Противопоставление букв о и ѿ в древнерусской рукописи XIV в. «Мерило Праведное». — Советское славяноведение, 1978, № 5.
4. Зализняк А. А. Акцентологическая система древнерусской рукописи XIV в. «Мерило Праведное». — Славянское и балканское языкознание. История литературных языков и письменность. М., 1979.
5. Shevelov G. Y. Omega in the Codex Hankenstein. — Studia Linguistica Alexandro Vasilii filio Issatschenko a Collegis Amicisque oblata. Lisse, 1978.
6. Успенский Б. А. Из истории русских канонических имен. М., 1969.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

КАПРУКОВНЯК А.

ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ ЛЮБЛИНЩИНЫ (1974—1979)

За рассматриваемые здесь годы исследования по истории Люблинщины приобрели некоторые новые черты, что отмечено в научной печати Польши. Значительные результаты этих исследований, по нашему мнению, связаны с двумя обстоятельствами. Во-первых, научная зрелость люблинских историков и увеличение их численности позволили расширить область исследований, начать работы комплексного характера, подключиться к программе, осуществляемой Польской Академией наук. Во-вторых, исторические исследования встречали поддержку со стороны государственного и партийного руководства Люблинского региона, которая сохранилась и после административной реформы 1975 г.

Самым большим достижением последних лет была, несомненно, первая попытка синтетической разработки истории Люблинщины в двух томах. В первом томе [1, т. 1, 1974] дается определение понятия «Люблинщина» (Люблинский регион), характеристика ее природной среды, много внимания уделяется источникам и литературе, освещается история Люблинщины от эпохи первобытных поселений до освобождения от гитлеровской оккупации в 1944 г. Том снабжен комплектом карт, иллюстрирующих территориальное развитие региона и административные изменения. Второй том [1, т. 2, 1979], посвященный истории Люблинщины в период Народной Польши, написан историками, юристами, экономистами и общественными деятелями. В отличие от первого тома, в котором события излагаются в хронологическом порядке, второй том строится по проблемному принципу. В этих томах обстоятельно раскрывается значение Люблинщины в развитии

всей страны. Они дают представление о важной роли региона в эпоху Возрождения и Реформации, в торговле между Востоком и Западом, во времена Прогрессии, в период народно-освободительной борьбы и национальных восстаний XIX в., на рубеже XIX и XX вв., особенно в годы революции 1905—1907 гг., о взаимодействии польского рабочего движения с русским, об отношении его населения к Февральской и Октябрьской революциям в России. Широко в них показывается революционная борьба в период формирования независимой Польши в 1918—1919 гг., радикализация общества в 30-е годы, складывание единого народного фронта борьбы с буржуазно-помещичьим правительством, движение сопротивления в годы войны, совместные действия польских и советских партизан. Подчеркивается роль Люблинщины в период, когда Люблин был столицей Народной Польши, отмечаются успехи в социально-экономическом и культурном развитии региона, показывается превращение его в центр культуры, науки и современной промышленности, свидетельством чего являются крупные промышленные предприятия и строительство Люблинского угольного бассейна. Таким образом, на фоне общих закономерностей исторического процесса показывается ритм общественно-экономического и политического развития региона, его специфика в рамках страны (ср. [2]).

Второй том «Истории Люблина» [3], вышедший десять лет спустя после первого, целиком посвящен городу в 1918—1939 гг. Это сборник работ, в которых рассматриваются различные стороны жизни города. Больше всего внимания уделено общественно-экономическим и политичес-

ким вопросам, значительное место в нем занимают проблемы просвещения, науки, культуры, архитектуры, строительства, организации и функционирования города. К сожалению, не хватает здесь колорита города и повседневной жизни его жителей. Авторы приводят ряд интересных данных, свидетельствующих о том, что в межвоенной Польше Люблин был наиболее развитым городским центром восточной Польши. В нем был университет, быстро росло население города (свыше 100 тыс. человек), значительное развитие получила промышленность. Предусматривалась индустриализация города в рамках Центрального промышленного округа, но ее осуществлению помешала вторая мировая война (ср. [4]).

Читатель, интересующийся историей культуры, получил прекрасно изданную книгу «Из культурного прошлого Люблинщины» [5]. Ее авторы ясно и сжато представили культурное развитие Люблинщины, ее место в истории польской культуры. Книга хорошо оформлена и содержит богатый иллюстративный материал. Ее следует отнести к значительным научным достижениям, тем более, что это единственный труд такого рода. В нем подчеркиваются культурные и художественные достижения, показывается развитие культуры в эпоху Возрождения и Реформации, красота ренессансного Замостья, его архитектура, развитие науки в этом городе, освещаются события периода Просвещения и рубежа XVIII и XIX вв., когда Пулавы, владение Чарторыских, были центром развития литературы, и, наконец, культура и просвещение на рубеже XIX и XX вв. Здесь процветал любительский театр, был организован первый в Польше крестьянский оркестр. В Любlinе родился Генрик Венявский, всемирно известный скрипач-виртуоз. В Наленчоче жили и творили Степан Жеромский, Болеслав Прус, Густав Даяловский, Ян Кошиц-Виткович, перенесший на Люблинщину закопанский стиль в архитектуре. В книге рассказывается о развитии просвещения и образования, деятельности художественных обществ и товариществ, о целой плеяде писателей и артистов, связанных с Люблинщиной своей деятельностью, творчеством или рождением, о памятниках архитектуры, произведениях искусства. История культуры представлена как процесс возникновения новых произведений искусства, тесно связанных с польскими традициями, с историей государства и народа. Культура Люблинщины никогда

не была замкнутой, она испытывала влияние как Запада, так и Востока (ср. [6]).

К работам синтетически-аналитического характера принадлежит книга В. Чвика и Е. Редера о территориальном развитии региона [7]. Этот труд дает представление о территории, административном делении и управлении Люблинского воеводства, основанного в 1474 г., на фоне перемен, происходивших в стране в целом. Авторы приводят подробные сведения о административном делении, воеводских, повятовых, окружных и городских органах, о государственных чиновниках (например, список воевод от первого — Добеслава Кмиты из Висынча до последнего — Каетана Хрыневецкого во времена Речи Посполитой). История администрации тесно связывается с общественно-политическим и правовым положением польских земель. Раздел книги, посвященный межту Люблинского воеводства в Народной Польше, существенно обогатил изданную ранее работу на эту тему [8].

Новым шагом в разработке истории региона является книга «Из далекого и близкого прошлого» [9].

Из работ монографического типа следует отметить работы, относящиеся к периодам: до разделов Речи Посполитой, 1918—1939 годам, времени войны и оккупации, а также Народной Польши.

Р. Щигел [10] рассмотрел борьбу люблинских мещан с городским советом, переросшую в открытый «бунт» мещан против патрициата в 1522 г. Автор исследовал причины, ход и последствия этих событий, показал их как одно из звеньев выступлений мещанства в Польше. Мещанская оппозиция в Любlinе была представлена ремесленниками и так называемым новым купечеством. Эти группы сложились в связи с ростом торгового обмена, развитием ремесел в Любlinе, лежащем на торговом пути между Западом и Востоком, между Литвой и Короной. Основной причиной волнений 1522 г. было противоречие между общественно-экономическим положением этих групп и административно-политической структурой города. В результате борьбы и последовавшего затем компромисса значительно расширился круг вопросов, в решении которых стало принимать участие мещанство. Однако это продолжалось недолго. Старый патрициат препятствовал развитию торговли и ремесел, не допускал в управление представителей предместья. В 1542 г. оппозиция добилась некоторого успеха — были расши-

рены ее права. Продолжая традиции 20-х годов XVI в., оппозиция активно выступала и в последующие годы (1555, 1564–1565).

В связи с 400-летним юбилеем города Замостья (в 1980 г.) появились новые ценные издания. Прежде всего следует отметить книгу А. А. Витусика [11], посвященную воспитанию и деятельности Томаша Замойского. Книга написана необыкновенно красочно, ярко и остроумно. Автор показывает заурядность этого человека, который только благодаря родовым традициям занимал в Речи Посполитой многие видные посты. Другая его книга — о Замостье, Замойской академии и Замойских [12] представляет собой сборник репортажей, предназначенный для широкого круга читателей. В ней освещается атмосфера городской жизни, деятельность Замойской академии, учебных и литераторов, книгопечатание, строительство и торговля, судьба города в военные годы XVII в.

История города Замостья от его основания до наших дней рассматривается в коллективной работе «Замостье. Из прошлого крепости и гор. Замостья» [13]. Подготовлено исследование о людовском движении в Замойщине [14] и монография о городе Билгорае [15]. Р. Орловский написал биографию одного из прогрессивных сторонников реформ в эпоху Проповедования канцлера Анджея Замойского [16].

Большой интерес представляет монография Т. Менцеля, посвященная Западной Галиции в 1795–1809 гг. [17]. Автор провел тщательный анализ общественно-экономических и демографических отношений, организации и деятельности оккупационных австрийских властей, административного деления и административных реформ, налоговой системы, полицейского управления, правосудия, цензуры, печати, системы образования и здравоохранения, военного дела, показал отношение польского общества к австрийскому господству. Эта работа во многом восполняет пробел в наших знаниях истории народа после третьего раздела Речи Посполитой.

Остановимся теперь на работах, которые непосредственно не касаются истории Люблинщины, но были написаны историками Университета им. М. Кюри-Склодовской. Ю. Вийом является автором сборника статей [18], которые были опубликованы им в различных региональных и общепольских журналах. Сборник посвящен проблемам новейшей истории

в польской и зарубежной историографии. Во вступлении к этой прекрасной книге В. Слядковский отмечает, что «глубокая эрудиция и знания здесь гармонически связаны с тонким и прекрасным стилем». Работа В. Слядковского об отношении общественности Франции к польскому вопросу в годы первой мировой войны [19], написанная новаторски, с широким использованием французской печати, касается также польско-русских отношений и политики других стран Европы. М. Закшевская-Дубасова, занимающаяся изучением польско-армянских связей, подготовила для польского читателя книгу по истории Армении [20]. В нашей исторической литературе это первая работа подобного типа, хорошо принятая научной критикой. Книга переводится на армянский язык и будет опубликована в Ереване.

Проблематика истории периода 1918–1939 гг. рассматривается в монографиях Х. Цимека [21] и Я. Яхымека [22], получивших похвальные отзывы критики. В первой освещается история радикальной крестьянской организации, созданной на Люблинщине по инициативе известного деятеля КПП Станислава Вуйтовича и имевшей здесь самое большое влияние. Эта организация использовалась коммунистами для легальной деятельности, способствовала взаимодействию радикального крестьянского движения с коммунистическим движением в создании рабоче-крестьянского союза. Она сыграла важную роль в борьбе с санационным правительством, за улучшение положения крестьян в годы экономического кризиса. В монографии Я. Яхымека раскрывается общественно-политический облик люблинской деревни в 30-е годы. С точки зрения методики исследования деревни эта работа является новаторской. Автор проанализировал влияние различных политических организаций, сконцентрировав свое внимание на деятельности людовцев. Ему удалось показать политические процессы в деревне в их развитии, рост радикальных настроений и решительную борьбу крестьянства с буржуазным правительством.

Много сделано в области изучения периода второй мировой войны, оккупации и движения Сопротивления на Люблинщине. Были изданы документы о боевой деятельности Гвардии и Армии Людовой, Батальонов хлопских и Армии Крайовой. Появились многочисленные статьи и книги, репортажи и другие издания.

В монографии З. Маньковского «Между Вислой и Бугом» [23] освещается политика оккупантов и отношение польского народа к захватчикам. В ней подводится итог исследований в этой области и подчеркивается, что польский народ не смирился с потерей независимости и развернул борьбу против оккупантов. Автор описывает жестокую политику гитлеровских властей, истребление польского и еврейского населения, показывает результат осуществления «Generalplan Ost» на Люблинщине. Главной темой работы, однако, является движение Сопротивления. В конце войны на территории Люблинщины действовали многочисленные хорошо вооруженные польские и советские партизанские отряды, наносившие врагу удары, в результате которых оккупанты несли большие потери в живой силе и технике. Здесь же возникли органы народной власти в виде подпольных рад народовых. Борьбой населения против врага руководили коммунисты, объединенные в ППР. Происходил процесс радикализации крестьянства, которое стало опорой партизанского движения.

Экономическое положение люблинской деревни, угон людей на принудительные работы и террор оккупантов по отношению к крестьянству рассматриваются в работе Ю. Касперека [24]. Подготовлена коллективная работа о концентрационном лагере Майданек [25], дающая представление об экстерминационной политике гитлеровцев и об одном из наиболее мрачных мест истребления ими сотен тысяч людей.

Все большее внимание исследователей привлекает история Люблинщины в Народной Польше. Книга И. Цабана и Э. Мащукского посвящена погибшим в борьбе за укрепление народной власти [26]. Из нее следует, что в 1944–1953 гг. на Люблинщине от рук врага погибло 2339 человек, в том числе 1048 членов ППР и 1196 беспартийных, остальные — это члены ППС, Крестьянской партии и Союза борьбы молодых. Среди погибших — 1060 крестьян, 995 — работников гражданской милиции и органов безопасности. Среди тех, кто отдал свою жизнь в борьбе за установление новой власти, были 504 солдата Войска Польского и воины Красной Армии. Авторы обращают внимание, что вооруженная борьба против народной власти на Люблинщине была более интенсивной и продолжительной, чем в других районах страны. Своего рода дополнением к этой

работе является очерк истории милиции и органов безопасности на Люблинщине [27], первый труд на эту тему в нашей новейшей историографии.

И. Цабан издал воспоминания участников организации и укрепления народной власти на Люблинщине [28]. Это издание является очень ценным источником для изучения истории первых лет Народной Польши, тем более что авторы воспоминаний — политические и общественные деятели, работники милиции, организаторы профсоюзного движения, учителя, бывшие партизаны, члены ППР и Крестьянской партии.

Из новейших работ заслуживают внимания книги Э. Ольшевского [29] и С. Стемпеня [30]. В первой освещается история ППР, во второй — история ППС на Люблинщине. Обе работы взаимно дополняют друг друга, воссоздают картину политической жизни на этой территории, подчеркивают руководящую роль ППР в процессе революционных преобразований, стремление обеих партий к организационному и идеологическому единству, как необходимому условию социалистического строительства в стране. Работа И. Цабана о деятельности ПОРП в восточных воеводствах [31] — это глубоко продуманный, тщательно отобранный, частично прокомментированный автором хронологический перечень наиболее значительных общественно-экономических, политических, научных и культурных событий на Люблинщине в 1948–1978 гг. Сведения такого характера необходимы как ученому, общественному деятелю, студенту, так и всем тем, кто интересуется историей Народной Польши.

Из коллективных работ обращает на себя внимание сборник исследований, посвященный Эдукационной комиссии и состоянию образования на Люблинщине [32]. В первой части сборника рассматриваются деятельность комиссии, ее значение не только для развития образования на польской земле, во второй — развитие образования и просвещения на Люблинщине в XIX и XX вв., борьба за демократизацию этой системы, достижения в области образования в Народной Польше.

По инициативе Люблинского отделения Польского исторического общества и Товарищества почитателей Любартовской земли была издана работа по истории Любартова и его региона [33]. В ней рассматриваются такие вопросы, как история города с 1543 г. до 1866 г., раз-

вение Любартовского повята в 1866–1939 гг., борьба местного населения с оккупантами в годы второй мировой войны, установление народной власти в этом регионе и борьба за ее укрепление, общественно-экономические и культурные достижения повята до 1970 г.

В связи с 70-летием библиотеки им. Г. Лопатинского в Люблине, старейшей научной библиотеки в городе, вышла книга [34] о деятельности библиотеки, ее значении для исторических исследований. Библиотека обладает богатым комплектом печатных изданий XIX и XX вв. и ценной коллекцией рукописей. К 35-летнему юбилею Университета им. М. Кюри-Склодовской в 1979 г. была издана книга [35], рассказывающая о его достижениях в подготовке кадров и развитии науки. В ней показывается деятельность общественно-политических, профсоюзных и молодежных организаций, студенческое движение, связи Университета с зарубежными вузами. Советские ученые оказали большую помощь Университету уже в момент его основания, в октябре 1944 г., т. е. еще во время военных действий. Благодаря сотрудничеству историков Люблинского и Львовского университетов появилась книга о совместной революционной борьбе трудящихся Западной Украины и Польши в 1917–1939 гг. [36]. Она содержит много данных, относящихся к Люблинщине.

В указанные годы в связи с годовицами важных событий в истории польского и других народов в Любlinе были организованы научные сессии с участием историков и политологов Университета М. Кюри-Склодовской, материалы которых были опубликованы. Они были посвящены революции 1905–1907 гг. на Люблинщине [37], Октябрьской революции [38], восстановлению независимости Польши в 1918 г. [39], объединению польского рабочего движения в 1948 г. и основанию единой марксистско-ленинской Польской объединенной рабочей партии [40], революционным и демократическим традициям в молодежном движении на этой территории [41]. В них обращается внимание на связь общественно-политических процессов в нашей стране с общими тенденциями развития современного мира, освещаются прогрессивные и революционные традиции нашего народа, его борьба за независимость, интернациональные связи с советским народом, историческая миссия рабочего класса и руководящая роль коммуни-

стической партии в процессе социалистического строительства.

Значительным достижением люблинских историков был выпуск X тома «Люблинского ежегодника», органа Люблинского отделения Польского исторического общества. Он занимает видное место среди польских исторических журналов и получил положительную оценку научной критики [42]. Выходит журнал «Annales UMCS» секция F (гуманитарные науки), на страницах которого часто публикуются работы историков Университета. В 1977 г. вышел пятый том «Ежегодника кружка учителей». В журнале публикуются материалы о школьном образовании и просвещении, тайном обучении во времена гитлеровской оккупации, воспоминания заслуженных учителей, биографии люблинских педагогов.

Из других периодических изданий заслуживают внимания «Zeszyty Małdanka», выходящие с 1965 г. и целиком посвященные истории концентрационного лагеря в Майданеке, а также самое молодое издание «Rocznik Polonijski», внимание которого сосредоточивается на вопросах истории польской эмиграции и польских колоний в мире. Исследования по этой проблеме успешно развиваются в Любlinе.

Обзор новейших работ по истории Люблинщины будет неполным, если мы не упомянем об издании источников. В 1976 г. издан сборник «Люблин в документах». Здесь содержатся наиболее важные документы по истории города, начиная с грамоты о городском праве, выданной Владиславом Локетком в 1317 г., и кончая отчетом Отдела культуры Президиума городского совета от 31 декабря 1967 г. о праздновании 650-летия города. Сборник широко используется преподавателями средней и высшей школы.

В 1978 г. Люблинское издательство начало издание серии под названием «Документы нашей традиции», содержащей материалы по новой и новейшей истории Польши, связанные с прогрессивными, революционными и демократическо-патриотическими традициями народа [43]. Уже издано 11 выпусков, которые благожелательно были приняты читателями.

В заключение обзора хотелось бы отметить несколько очень ценных для историков библиографических указателей и справочников [44]. М. Вильчицкая написала историю Библиотеки Университета им. М. Кюри-Склодовской [45], в которой рассказывается о книжном фонде и хранящихся в ней рукописях,

старых книгах и журналах. Наконец, Я. Годлевская подготовила к изданию справочник по материалам Люблинского губернского управления в Государственном воеводском архиве Люблина [46].

В общем можем говорить о значительных научных успехах люблинских историков, о широте и разнообразии их научных исследований. Особый интерес они проявляют к новой и новейшей истории, рабочему [47] и крестьянскому движению, школьному образованию [48], истории создания и укрепления народной власти [49], социалистического строительства на Люблинщине.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dzieje Lubelszczyzny. Warszawa.
2. Spójrzenia w przeszłość Lubelszczyzny. Lublin, 1974.
3. Dzieje Lublina. T. II. Lublin, 1975, 288 s.
4. Gawarecki H. O dawnym Lublinie. Szkice z przeszłości miasta. Lublin, 1974, 316 s.
5. Z przeszłości kulturalnej Lubelszczyzny. Lublin, 1978, 370 s.
6. Grychowski A. Lublin i Lubelszczyzna w życiu i twórczości pisarzy polskich od średniowiecza do 1968 r. Lublin 1974, 422 s.
7. Cwik W., Reder J. Lubelszczyzna, dzieje rozwoju terytorialnego, podziałów administracyjnych i ustroju władz. Lublin, 1977, 208 s.
8. Lubelskie. Rozwój województwa w Polsce Ludowej. Warszawa, 1971, 365 s.
9. Z przeszłości dalekiej i bliskiej. Szkice z dziejów Lubelszczyzny. Lublin, 1980, 495 s.
10. Szczygiel R. Konflikty społeczne w Lublinie w pierwszej połowie XVI w. Warszawa, 1977, 197 s.
11. Witusik A. A. Młodość Tomasza Zamoyskiego. O wychowaniu i karierze syna magnackiego w Polsce w pierwszej połowie XVII w. Lublin, 1977, 268 s.
12. Witusik A. A. O Zamoyskich, Zamościu i Akademii Zamojskiej. Lublin, 1978, 274 s.
13. Zamość. Z przeszłości twierdzy i miasta Zamościa. Lublin, 1980, 413 s.
14. Jachymek J., Koprukowniak A., Marszałek J. Ruch ludowy na Zamojszczyźnie. Warszawa, 1980, 382 s.
15. Markiewicz J., Szczygiel R., Ślądkowski W. Dzieje Biłgoraja (1580—1980). Lublin, 1980.
16. Orłowski R. Między obowiązkiem obywatelskim a interesem własnym. Lublin, 1974, 292 s.
17. Mencel T. Galicja Zachodnia 1795—1809. Studium z dziejów ziem polskich zaboru austriackiego po III rozbiorze. Lublin, 1976, 522 s.
18. Willaume J. Epoka nowożytna w dziedzictwie polskim i powszechnym. Lublin, 1979, 279 s.
19. Ślądkowski W. Opinia publiczna we Francji wobec sprawy polskiej w latach 1914—1918. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1976, 310 s.
20. Zakrzewska-Dubasowa M. Historia Armenii. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1977, 328 s.
21. Cimek H. Zjednoczenie Lewicy Chłopskiej «Samopomoc» (1928—1931). Lublin, 1973, 356 s.
22. Jachymek J. Oblicze społeczno-polityczne wsi lubelskiej 1930—1939. Lublin, 1975, 358 s.
23. Mańkowski Z. Między Wisłą a Bugiem 1939—1944. Studium o polityce okupanta i postawach społeczeństwa. Lublin, 1978, 472 s.
24. Kasperek J. Wywóz na przymusowe roboty do Rzeszy z dystryktu lubelskiego. Warszawa, 1977.
25. Obóz koncentracyjny na Majdanku. Lublin, b. r.
26. Caban I., Machocki E. Za władzę ludu. Lublin, 1975, 596 s.
27. Góra W., Jakubowski Z. Z dziejów organów bezpieczeństwa i porządku publicznego w województwie lubelskim 1944—1948. Lublin, 1978, 214 s.
28. Czas dokonany. Mój udział w tworzeniu i utrwalaniu władzy ludowej na Lubelszczyźnie. Lublin, 1977.
29. Olszewski E. Polska Partia Robotnicza na Lubelszczyźnie 1942—1948. Lublin, 1979, 390 s.
30. Stępień S. Polska Partia Socjalistyczna w województwie lubelskim 1944—1948. Lublin, 1980, 280 s.
31. Caban I. Zapis trzech dziesięcioleci PZPR w województwach bialskopodlaskim, chełmskim, lubelskim i zamojskim w latach 1948—1978. Lublin, 1978, 750 s.
32. Ze studiów nad Komisją Edukacji Narodowej i szkolnictwem na Lubelszczyźnie. Rozprawy i artykuły. Lublin, 1974, 511 s.
33. Lubartów. Z dziejów miasta i regionu. 1977, 331 s.
34. W kregu Hieronima Łopacińskiego. Lublin, 1977, 176 s.
35. Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej 1944—1979. Lublin, 1979, 257 s.
36. Jedność ludzi w Zaporoszjach. Lublin, 1977, 228 s.
37. Z rewolucyjnych tradycji lat 1905—1907. Materiały na sympozjum naukowe. Lublin, 1976, 105 s.
38. Wielki Październik i drogi rozwoju socjalizmu. Lublin, 1977, 228 s.; Rewolucja Październikowa a problemy współczesności. Lublin, 1977.
39. Polska myśl społeczno-polityczna i jej realizacja 1918—1978. Materiały sesji naukowej zorganizowanej w 60 rocznicę odzyskania niepodległości. Lublin, 1978, 211 s.
40. Partia w procesie budownictwa socjalistycznego. Materiały na sesję naukową w XXX-lecie zjednoczenia polskiego ruchu robotniczego. Lublin, 1978, 306 s.
41. Rewolucyjne i postępowe tradycje ruchu młodzieżowego na Lubelszczyźnie 1918—1978. Materiały na sesję naukową. Lublin, 1978, 202 s.
42. Michałowski S. «Rocznik Lubelski». — Kwartalnik Historyczny, 1979, № 1, s. 250—251.

43. Program brukselski. Lublin, 1978; Manifest Tymczasowego Rządu Ludowego Republiki Polskiej. Lublin, 1978; Deklaracja Krajowej Rady Narodowej. Lublin, 1978; Manifest Polskiego Komitetu Wyzwolenia Narodowego. Lublin, 1979; Dekret PKWN o utworzeniu Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. Lublin, 1979; Deklaracja ideoowo-programowa ZSL. Lublin, 1979.
44. Bibliografia Lubelszczyzny 1944–1964, cz. I. Lublin, 1967; Bibliografia Lubelszczyzny 1944–1964, cz. II. Lublin, 1974; Bibliografia piśmiennictwa nauczycieli Lubelszczyzny za lata 1944–1974. Lublin, 1975; Polska Partia Robotnicza na Lubelszczyźnie w latach 1942–1948. Bibliografia. Lublin, 1978; Katalog czasopism lubelskich. Lublin, 1974.
45. Wilczyńska M. Biblioteka Uniwersyte-
- tetu Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie (1944–1974). Lublin, 1976; Biblioteki naukowe Lublina. Zarys informacji. Lublin, 1976.
46. Rząd Gubernialny Lubelski 1867–1918. Przewodnik po zespole. Warszawa — Lódź, 1978.
47. Nizioł A. Socjaldemokracja Królewstwa Polskiego i Litwy i Polska Partia Socjalistyczna na Lubelszczyźnie do odzyskania niepodległości w 1918 roku. Lublin, 1979.
48. Doroszewski J. Rozwój szkolnictwa i oświaty w województwie lubelskim w latach 1944–1948.
49. Kamiński I. J. Gorące dni kultury 1944–1948. Lublin, 1978; Gzella Alojzy L. Prasa lubelska 1944–1974. Lublin, 1974; Gnot L. Lubelszczyzna, dzieje, ludzie, krajobrazy. Lublin, 1974.

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ И СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ,
ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В XV—XVI ВВ.
(Главные тенденции политических взаимоотношений).
М., 1984, 300 с.

Рецензируемый коллективный труд, подготовленный Институтом славяноведения и балканистики АН СССР¹, — явление в научном отношении весьма значительное. «Свою цель в изучении проблемы, — указывается во введении к книге, — авторы видели в переходе от страноведческого подхода к комплексному региональному принципу рассмотрения международных отношений... между Османской империей и странами Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европы во второй половине XV—XVI вв.» (с. 7). В этом смысле настоящее исследование является как бы продолжением, но, правда, в ином ракурсе и в значительно более расширенном территориальном варианте, сборника статей «Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв.», подготовленного коллективом польских и советских историков и изданного в 1979 г. Тогда Османская империя рассматривалась лишь как одна из сторон во внешнеполитических отношениях стран Восточной и Юго-Восточной Европы периода развитого феодализма, теперь она выдвигается в центр исследования и выступает в роли

определяющего этно-социального и политического стержня, во взаимодействии с которым и под воздействием которого развиваются международные отношения в указанных регионах в XV—XVI вв. Подобный взгляд на роль Османской империи в истории Европы рассматриваемого периода не только оправдан — османские завоевания и последующая экспансионистская политика Порты внесли коренные изменения в судьбы соседних с ней государств и покоренных народов, особенно южных славян, но и дает возможность взглянуть на общий процесс развития политических взаимоотношений среди стран указанного региона в целом, включить его в контекст «большой европейской политики» XV—XVI вв.

Это нашло свое отражение уже в самой структуре книги. Она состоит из введения, четырнадцати глав и заключения. Первые две главы посвящены становлению Османского государства и его социально-политическому строю в XIV—XV вв., все последующие построены по принципу — Порта и та или иная группа стран региона (расположение по территориально-хронологическому принципу). Иной характер носит лишь тринадцатая глава, в которой рассматривается более частная тема — борьба против османской экспансии и освещение ее в славянской литературе и публицистике конца XV—XVI вв. И еще одна особен-

¹ Книга написана авторским коллективом в составе: И. Б. Греков, Ю. А. Лимонов, Г. Г. Литаврин, Е. П. Наумов, Е. Ф. Орешкова, А. И. Рогов, Л. Е. Семенова, В. П. Шушарин, С. О. Шмидт. Редакционная коллегия: И. Б. Греков (отв. редактор), Л. В. Заборовский, Г. Г. Литаврин, С. Ф. Орешкова, Л. Е. Семенова.

ность. Главы о самой Османской империи и славянских землях, непосредственно вошедших в ее состав (ею завоеванных и ею подчиненных), включают сравнительно развернутые характеристики их социально-политического и общественного строя, в остальных главах, касающихся Германской империи, Венгрии, Валахии, Польши, Молдавского княжества, наконец, России, внимание исследователей сосредоточено преимущественно лишь на изучении их внешнеполитических акций, а равно и общественной борьбы вокруг них. В своей совокупности подобная структура книги помогает всесторонне осветить ее главную тему — турецкое влияние на Восточную Европу, определить его наиболее существенные тенденции.

Освещая процесс становления в XIV—XV вв. Османского государства, авторы подробно останавливаются на основных чертах «османского феодализма» (в его европейском варианте) и соответствующей ему классовой общественной стратиграфии. Главным элементом ее структуры уже с конца XIV в. авторы считают «тимарную систему», обеспечивающую максимальное подчинение феодального землевладения военным государственным потребностям. Этим же задачам была подчинена и вся государственно-податная система новой Османской державы, как, по словам К. Маркса, единственно подлинной военной державы средневековья [1], обеспечивающей свои потребности преимущественно завоеванием чужих стран и жестокой эксплуатацией покоренных народов.

Именно этот, постоянно нацеленный на внешнюю экспансию характер Османской империи показан авторами исключительно убедительно и ярко. Не менее глубоко и всесторонне проанализировано в книге положение южнославянских и других балканских земель, попавших под власть Порты. Национальное угнетение, исламизация, классовая антинародная политика правящего феодального класса Турции, его заигрывание с перешедшей в мусульманство верхушкой местного, не тюркского населения не только тормозили экономическое и культурное развитие балканских народов, но и, как отмечают авторы, «консервировали уровень развития общества», «препятствовали росту национального самосознания» славянского населения — болгар, сербов, хорватов. Это один из наиболее принципиальных выводов исследования прямо противостоит мнению ряда современных зарубежных тюркологов, идеализирующих роль Порты в судь-

бах Юго-Восточной Европы XV—XVI вв.

Широкое и всестороннее изучение огромного документального материала всей новейшей советской и зарубежной литературы, касающейся данных проблем, позволили авторам дать достаточно объективное представление об Османской империи и ее месте в судьбах европейского континента в XV—XVI вв.

Мы хотели высказать лишь два общих соображения. Нам представляется, что авторы, делая акцент на военном потенциале Порты, а отсюда и ее внешнеполитических успехах («гроза Европы»), не раскрыли в полной мере экономические факторы, обеспечивавшие исключительно благоприятные условия для усиления Османской империи, а именно нахождение ее на ключевых позициях евро-азиатской торговли (Дарданеллы, восточное Средиземноморье). Нельзя забывать, что международная торговля играла особую роль в жизни империи, роль детонатора, а иногда и стабилизатора ее внешнеполитических акций. Она была важнейшим средством, наряду с военными контрибуциями, непомерного обогащения империи (явно не соизмеримого с ее внутренним экономическим потенциалом). А отсюда и возможность ее постоянного противостояния Европе не только в военном, но и экономическом плане. Поощрение купечества, как и активное участие во внешней торговле самой османской знати, весьма характерно для Порты, особенно в XVI в.

Второе наше замечание состоит в следующем. Особенности османской внешней политики в Европе нельзя охарактеризовать достаточно полно без учета ее восточной политики (территориальные захваты Порты в Азии и Северной Африке). «Западный» и «восточный» вопросы не изолированы, а лишь части общей внешней политики османского султаната в XV—XVI вв. Отдельные упоминания о влиянии, например, ирано-турецких войн на европейскую политику Порты в XVI в. здесь недостаточны (с. 37, 38, 40, 126 и др.).

Что касается разделов книги (главы 3—12, 14), раскрывающих ее основную тематику — непосредственные взаимоотношения стран указанного европейского региона с Османской империей, — то в них воссоздается весьма полная картина государственного и политического развития этих стран в новых условиях международной жизни европейского континента. Подробно и обстоятельно прослежены в книге судьбы Венгрии, Трансильвании, Валахии, Молдавского княжества, сербских и хорватских земель. Одно из центральных мест

занимает освещение польского и русского сюжетов. Чрезвычайно интересен анализ восточной политики Казимира IV, русско-польско-литовских отношений в конце XV — первой четверти XVI в., Ливонской войны и ряда других. Здесь много новых фактов, сопоставлений, тоящих авторских наблюдений. В целом авторскому коллективу удалось увязать внешнеполитическую линию правительства каждой страны с его внутренней политикой. Но особенно наглядно показана ожесточенная военная и дипломатическая борьба между различными политическими блоками европейских государств, их разногласия и попытки объединений (в большинстве не успешных) в целях отражения османской агрессии.

Большой исследовательской удачей авторского коллектива является, в частности, развернутая и достаточно объективная характеристика протекавшей почти на протяжении всего XV — начала XVI вв. борьбы между Германской империей и Польшей (Габсбургами и Ягеллонами) за лидерство в Центральной Европе и особенно за «политическое поглощение» Венгрии.

Впервые в советской и зарубежной историографии подвергнуты столь обстоятельному и всестороннему рассмотрению русско-турецкие отношения конца XV — XVI вв. Их анализ ведется параллельно и в непосредственной связи с изучением русско-польских и польско-турецких отношений, что, естественно, значительно повышает научное значение авторских наблюдений и выводов. В книге наглядно показано все нарастающее с конца XV в. стремление Порты и Крыма (послужившего и наиболее активного ее союзника и вассала в Юго-Восточной Европе) помешать укреплению военного могущества России, оторвать ее от антиосманской габсбургской коалиции и всемерно обострить борьбу между Русским и Польско-Литовским государствами за Верхнее и Среднее Поднепровье (украинские и белорусские земли). Подобная военная конфронтация и поддержание «равновесия сил» определяется авторами как главная стратегическая цель турецкой политики в Восточной Европе XV — XVI вв. «Эта тактика, — указывается в книге, — предполагала и „национальное“ разделение труда между „миролюбивой“ Османской империей и воинственным Крымом, и придуманную смену направлений их военно-политической активности в данной части европейского континента, основанную на стремлении сохранить равновесие между восточноевропейскими государствами, не допустить преобладания

одного северного соседа над другим» (с. 156).

Весьма убедителен и другой весьма принципиальный вывод авторов, а именно, что на рубеже XV—XVI столетий в Центральной и Восточной Европе складывается новая политическая расстановка сил — активное формирование взамен децентрализованных государственных образований средневекового типа, в большинстве своем весьма неустойчивых и разобщенных, крупных национальных и многонациональных государств уже новой социально-политической структуры. Россия, Польско-Литовское государство, империя Габсбургов (включившая в XVI в. в свой состав Венгерское и Чешское королевства) предстают уже как государства иного типа и большей военной и политической силы. И лишь возросшие политические противоречия между ними, как в центре, так и на востоке Европы, дают возможность Османской империи добиться в XVI в. новых успехов в своей экспансионистской политике — захвата южной Венгрии, Валахии, усиления своих позиций в Трансильвании и особенно в Молдавском княжестве. В книге раскрываются новые, ранее весьма слабо изученные аспекты в отношениях между ведущими европейскими государствами, между империей Габсбургов и Францией в XVI в. По-иному выглядит в свете этого и характер и результативность османской европейской политики.

Приводимый в книге фактический материал по этим вопросам чрезвычайно обширен, максимально учитывается и новейшая зарубежная литература (ее объективный критический анализ — серьезное достоинство книги). Применительно к истории, например, Венгрии и Трансильвании мы даже рискуем упрекнуть авторов в излишней фактологичности при описании военных и дипломатических перипетий XVI вв.

Говоря о возможных перспективах дальнейшей разработки указанных проблем, можно лишь еще раз высказать пожелание о желательности более специального изучения социально-экономических сдвигов, которые происходили в это время не только в западноевропейских, но и восточноевропейских государствах и которые, в конечном счете, получили отражение в их внешней политике. Мы имеем в виду эволюцию феодальных отношений и развитие, особенно в городах, буржуазных связей.

Обоснованно поступила редакция, выделив в специальную главу освещение

проблемы освободительной борьбы против османской экспансии в литературе и публицистике славянских народов в конце XV—XVI вв. Глава написана ярко, динамично, включает ряд новых материалов и интересных характеристик и апробаций «турецкой темы» в славянской общественно-политической мысли XVI в., отражает ее активную направленность на защиту национальных традиций, религиозных, культурных, общественно-политических, против их «отуречивания» и исламизации Османской империей. Необходимость антиосманского политического единения, единения христианских народов и правительства (православных и католических) — тема, постоянно присутствующая и дискутируемая в славянской литературе и публицистике XV—XVI вв.

Все сказанное дает основание характеризовать новый коллективный труд совет-

ских историков как серьезное и оригинальное — по постановке темы и по ее исполнению — марксистское исследование, открывающее новую страницу в изучении такой сложной и многосюжетной темы, как история стран юго-восточной части европейского континента в период «великих» османских завоеваний XV—XVI вв. и образование здесь новой «политической карты» юго-востока Европы. И хотя не все поставленные в книге вопросы решены в ней с одинаковой полнотой, спорных проблем еще немало, главная цель, которую ставил перед собой авторский коллектив, выполнена успешно.

Носов Н. Е.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. VI. М., 1959, с. 189.

Д. Ф. ПОПЛЫКО. *Васа Пелагич и Россия. Из истории сербской революционной мысли*. М., 1983, 256 с.

Видный деятель балканского революционного движения Васа Пелагич (1838—1899) прошел большой и сложный путь борьбы за национальную и социальную свободу: учитель, участник национально-освободительного движения в Боснии, один из руководителей боснийско-герцеговинского восстания, организатор первых рабочих маевок в Сербии. От просветительства он эволюционизировал к революционному демократизму, а от него — к идеям марксизма, хотя последовательным марксистом и не стал. Неутомимый борец за лучшее будущее народа, он не раз подвергался тюремному заключению; его высыпали, объявляли сумасшедшими, уничтожали его труды. Но никакие кары не могли остановить его движения вперед.

Жизнь и деятельность революционера привлекали внимание многих советских ученых (В. Г. Карасева, В. Н. Кондратьевой и др.), но самый значительный вклад в изучение наследия В. Пелагича внесла Д. Ф. Поплыко, на протяжении двух десятилетий знакомящая советских и зарубежных читателей с различными аспектами биографии «неукротимого босняка», как называл его Г. Бакалов. В рецензируемой монографии автор подводит итоги своей исследовательской работы, выдвинув на первый план проблему связей В. Пелагича с Россией,

роль русского общественного движения в становлении его революционно-демократических и социалистических взглядов. В трудах советских славистов и историков социалистических стран уже показано воздействие передовой русской общественной и революционной мысли на формирование идеологии представителей балканского национально-освободительного и социалистического движения; книга Д. Ф. Поплыко открывает еще одну важную страницу русско-балканских общественных и революционных взаимо-связей.

Исследование базируется на использовании обширного круга источников, как опубликованных, так и находящихся в архивах СССР и СФРЮ. Это — произведения В. Пелагича, воспоминания его современников, русская и балканская периодическая печать, переписка, документы внешней политики России и др. Сложный по содержанию и разнообразный по характеру материал излагается на основе хронологическо-тематического принципа, наиболее отвечающего задаче выявления эволюции взглядов В. Пелагича: революционное просветительство В. Пелагича (1860—1870); переход на позиции революционного демократизма (1871—1875); В. Пелагич во главе революционно-демократического направления

в боснийско-герцеговинском восстании (1875—1878); борьба В. Пелагича за демократизацию общественного строя в Сербии (1880—1891); В. Пелагич на пути к социал-демократии и пролетарскому социализму (1892—1899). Освещение экономической и общественно-политической обстановки в районах балканского региона, где приходилось действовать Пелагичу (Боснии, Воеводине, Сербии), а также его практической деятельности способствует углубленному анализу мировоззренческих позиций революционера.

В первой главе Д. Ф. Поплыко воспроизводит основные вехи становления В. Пелагича-просветителя. Противник существовавших в Османской империи порядков, которые он характеризовал как «самое тяжелое, самое жестокое, самое долгое и самое настоящее рабство» (с. 48), Пелагич отводит главную роль в завоевании национальной свободы науке и просвещению: «Для нас, сербов,— считал он,— самая важная идея — распространить знание и пробуждать сознание» (с. 48). На формирование просветительских взглядов Пелагича в 60-е годы XIX в. оказали влияние его связи с русскими общественными деятелями либерального и славянофильского толка М. Ф. Раевским, М. Н. Погодиным, И. С. Аксаковым, А. А. Майковым и др.

В рядах просветительского движения архимандрит В. Пелагич принимал участие как учитель и как священник, считая что духовный сан облегчает борьбу за народное просвещение. Но и мирное просветительство Пелагича привело к столкновению с османскими властями, закончившемуся его осуждением на 101 (!) год тюремного заключения. Лишь помощь России и Сербии позволила Пелагичу вернуться к активной деятельности (с. 18—20).

Уже период учебы в Московском университете (1863—1865) ознаменовался выступлениями Пелагича в русской печати, на страницах которой он раскрывал бедственное положение славянского населения в Боснии. Но четкой позитивной программы действий в 60-е годы он дать не мог.

Вторая глава убеждает, что такую программу Пелагич, как один из левых деятелей Омладины, сформулировал лишь после перехода на позиции революционного демократизма. Усвоение им революционно-демократических идей, считает исследовательница, было обусловлено нарастанием «революционной ситуации в Боснии и Герцеговине, быстро идущим

процессом революционирования крестьянства» (с. 104). Существенную роль в идущей эволюции Пелагича она отводит влиянию социалистов Сербии (прежде всего, выдающегося сербского революционера-демократа С. Марковича) и общению с представителями российской эмиграции в Цюрихе, где Пелагич жил во второй половине 1873 г. (с. 110—116).

В революционно-демократической программе боснийского революционера Д. Ф. Поплыко особо выделяет постановку аграрного вопроса, от решения которого фактически устранилась и сербская и «своя», боснийская буржуазия (с. 92). Выражая интересы крестьянства, он объединяет требование «национально-политического освобождения с социальным освобождением нар одных масс» (с. 94). В начале 70-х годов происходит и серьезное изменение философских взглядов Пелагича: он отказывается от духовного сана и встает на позиции атеизма. Наконец, в 1874 г. в произведениях боснийского революционера впервые прозвучало слово «социализм». Однако позиции Пелагича в период до боснийско-герцеговинского восстания отличались от программы С. Марковича. Если последний решал аграрный вопрос на основе создания социалистической собственности, то боснийский революционер — на базе мелкой частной собственности (с. 94).

В третьей главе — одной из лучших в монографии рассматривается идеологическая и практическая деятельность Пелагича в период восстания в Боснии и Герцеговине. Являясь по форме национально-освободительным движением, восстание «имело антифеодальную направленность и, по существу, решало задачи буржуазной революции» (с. 125). Ввиду скучности источников, Д. Ф. Поплыко приходится по крупицам восстанавливать факты непосредственного участия в вооруженных действиях руководителя левого крыла повстанцев. Его роль четко определила уже газета «Русский мир», называв Пелагича «главным вождем восстания» (с. 131).

Анализ программных установок, выдвинутых революционером в ходе восстания в 1876 и 1877 гг., позволяет автору говорить о дальнейшей эволюции его взглядов, особенно в области социально-экономических отношений. В национальном вопросе Пелагич вслед за Марковичем выступает за союз свободных народов на Балканах (с. 151).

Связь с передовыми кругами России, идеи российских революционеров приоб-

рели в этот период особое значение в его революционной практике (контакты с С. Ф. Шараповым, Н. Д. Далматовым). В своей публицистике после восстания он различал две России: революционную и официальную. Положительно оценивая русскую помощь повстанцам, он не всегда мог объективно оценить роль России в освободительном движении балканских славян (что было характерно и для русских революционеров в данный период) и ее реальные возможности в деле защиты интересов населения Боснии и Герцеговины, попавшего после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. под власть Австро-Венгрии (с. 163).

Четвертая и пятая главы, посвященные годам изгнания Пелагича из Боснии, его пребыванию в Сербии, Румынии, Болгарии, отражают новый этап деятельности революционера. Он все более занимается общебалканской проблематикой, отдает много сил борьбе за демократизацию общественного строя Сербии, обращается к вставшему на повестку дня в конце XIX в. на Балканах рабочему вопросу. Важными вехами этого этапа, как указывает Д. Ф. Поплыко, явилось знакомство с трудами основоположников марксизма и выработка третьей программы (1882), в которой революционер четко поставил вопрос о преобразовании общества на социалистических началах. Однако рассмотрение основных положений программы приводит исследовательнице к выводу, что он оставался на позициях утопического уравнительного социализма (с. 183—186). Выступая за интернациональное сплочение пролетариата, Пелагич в новых условиях создания национальных государств на Балканах, шовинистического угла буржуазии, не смог решить вопрос о сочетании интернациональных и национальных принципов; для него патриотизм в это время граничит с шовинизмом (с. 191). Невозможность для балканского революционера глубоко овладеть марксистской теорией Д. Ф. Поплыко связывает с недостаточным развитием капитализма в балканских странах, в частности, в Сербии, где преимущественно протекала его деятельность, слабостью и малочисленностью рабочего класса.

В последний период жизни все более крепнут связи Пелагича с рабочим движением. Его дар народного трибуна и публициста был направлен на пропаганду идей социализма среди рабочих, талант организатора — на создание рабочих объединений (правда, в значительной мере еще ремесленных). Согласно выводам

Д. Ф. Поплыко, балканский революционер был знаком с работами Г. В. Плеханова, Н. И. Зибера и ряда других русских авторов (с. 244—245). Деятельность Пелагича облегчила в дальнейшем процесс соединения сербского рабочего движения с марксизмом.

В своем исследовании автор убедительно доказала, что развитие передовой сербской мысли второй половины XIX в. (и взглядов Пелагича как ее представителя) шло по сложному и подчас непрямому пути все большего приближения к марксизму. Большое влияние на нее оказывали идеи российских революционных демократов.

Одновременно хотелось бы высказать по поводу книги некоторые замечания и пожелания. Недостаточно четкой представляется архитектоника ее первой главы. Раздел, характеризующий деятельность Пелагича в первый боснийский период, включает события как до поездки в Россию, так и после нее (с. 10—20), хотя в следующем разделе речь идет о годах обучения будущего революционера в Московском университете. Такое «забегание вперед» в первом разделе лишило автора возможности показать, что нового внес в свою просветительскую деятельность Пелагич под влиянием передовой русской общественной и педагогической мысли.

Многоплановое исследование Д. Ф. Поплыко выиграло бы еще более, если бы не ограничиваясь отдельными ремарками о типичных условиях просветительского движения, типичности Пелагича как революционера национально угнетенной страны (с. 147), она ввела бы фактический материал сравнительного плана, сопоставив (как это сделано в отношении программы С. Марковича) выводы Пелагича и других балканских просветителей и революционеров, разумеется по наиболее важным вопросам (например, обращение Пелагича к мусульманскому населению в период восстания очень близко к аналогичному, но более раннему обращению В. Левского). Особую значимость приобрело бы такое сопоставление при выяснении отношения к России, подтвердив закономерность русско-балканских революционных связей¹.

Встречаются в монографии погрешности и такого рода: С. В. Ешевский обозначен

¹ Сравнительное изучение программ балканских революционных демократов начато Д. Ф. Поплыко в статье «О социальных идеалах балканской революционной демократии в период перехода от феодализма к капитализму» [1].

как Ежевский (с. 25), К. А. Кац — как П. Кац (с. 203); газета М. Ценича на одной и той же странице названа «Радник» и «Раденик» (с. 204).

Но в целом, серьезную книгу Д. Ф. Поплыко с вниманием прочтут научные работники, студенты и все, кто интересует-

ся историей общественной мысли второй половины XIX в.

Боброва С. П.

ЛИТЕРАТУРА

1. Проблемы истории и культуры. Балканские исследования. М., 1976.

Н. М. ВАГАПОВА. *Формирование Югославии. 20—30-е годы XX века.*

реализма в сценическом искусстве

М., 1983, 223 с.

В репертуар советских театров прочно вошли произведения двух выдающихся драматургов Югославии XX в. Б. Нушича и М. Крлеки. Но если о Нушиче в Советском Союзе опубликованы две книги и немало статей, то творчество Крлеки практически только в последнее десятилетие стало предметом пристального внимания советских ученых. Разные аспекты многогранной деятельности этого большого художника слова рассматриваются ими на фоне литературной и культурной жизни страны 20—30-х годов и послевоенного времени.

Реценziруемая книга Н. М. Вагаповой — итог многолетней работы автора по изучению истории многонационального театра этой страны. Пути решения поставленной задачи могли быть самыми различными, и на наш взгляд, Н. М. Вагаповой выбран один из самых удачных. Отказавшись от освещения всего многообразия театральной жизни Югославии и воссоздания панорамы сербской, хорватской и словенской драматургии и национального сценического искусства двух десятилетий, автор сосредоточила свое внимание на деятельности двух крупнейших художников Югославии, с именами которых связана новая страница в югославском театральном искусстве — режиссера Б. Гавеллы и драматурга М. Крлеки: они выделены крупным планом, их театральное творчество проанализировано во всех аспектах. Здесь и связи с искусством прошлого и настоящего, и национальные истоки, и творческие искания Гавеллы в постановках пьес дубровницких авторов М. Држича и И. Гундулича, драм современников Й. Косора, Й. Кулунджича, И. Войновича, югославской и мировой классики; и характеристика эстетических позиций и литературной деятельности М. Крлеки; и широкое использование мемуарной литературы и архивных материалов о пребывании

МХАТа в Югославии, и откликов актеров Художественного театра на постановки Гавеллы, переписка Гавеллы со Станиславским. Весь этот материал подчеркивает масштаб двух главных фигур в культуре этого времени.

Счастливая встреча этих выдающихся художников Югославии дала блестящие результаты. Постановки Гавеллой драм М. Крлеки воспринимались и современниками как явление новаторское и далеко выходящее за рамки собственно Хорватии. Каждая их премьера, — справедливо пишет Н. М. Вагапова, — становилась истинным событием, будоражившим общественное мнение, вносявшим свежую струю в культурную жизнь, резко ломавшим привычные театральные каноны, закладывающим основы югославского революционного искусства. Исходя из этого, автор ставит своей целью восстановить первые этапы сценической истории таких широко известных пьес М. Крлеки, как «Галиция» (1920), «Голгофа» (1922), «Волчий лог» (1923), «В лагере» (1934), его знаменитой трилогии о Глембаях: «В агонии» (1928), «Господа Глембай» (1929), «Леда» (1930) (с. 7). Детальный и тщательный анализ этих спектаклей и составляет ядро монографии Вагаповой. Перед нами открывается интереснейшая страница в истории югославского театра. Автор показывает столкновение разных идейных и эстетических сил и прочерчивает магистральный путь развития югославского театрального искусства в 20—30-е годы, обоснованно связывая его с творческим содружеством режиссера-реформатора и драматурга, названного его другом, коммунистом Августом Цесарцем, «самым ярким представителем левого фронта югославского искусства» [1].

Построение книги логически обусловлено поставленной автором перед собой задачей. В первой главе дана краткая

харктеристика истоков и традиций, подводящая к тем новаторским драматургическим и режиссерским решениям, которые были предложены Гавеллой и Крлежем. И хотя естественно, что в центре внимания исследовательницы оказалась история хорватского театра, все же хотелось бы увидеть более широкое толкование традиций. Сейчас очень бегло сказано о великом словенском пролетарском писателе Иване Цанкаре, чью пьесу «Холопы» (1912), ранее запрещенную цензурой Австро-Венгрии, не случайно ставит Гавелла в революционном 1919 г. Мало привлекается и материал о постановках словенской и сербской классики, пьес Б. Нушича в загребском театре. А это ослабляет главную мысль автора о вызревании тех тенденций, которые способствовали в дальнейшем формированию югославского театра.

Вторая глава — «Борьба за новые эстетические принципы» — охватывает лишь несколько, но очень важных, лет: 1920—1922 гг. 1920 год стал годом кульминации революционного движения в Хорватии и одновременно — его трагического поражения. Готовившуюся в это время к постановке в Национальном театре антивоенную пьесу Крлежи «Галиция» запретили за час до поднятия занавеса. Премьера не состоялась, но работая над спектаклем, режиссер, драматург, художник (Л. Бабич) и вся труппа вырабатывали совершенно новый подход к произведениям о современности, что в немалой степени подготовило триумф спектакля по пьесе Крлежи «Голгофа», посвященной проблемам революционной борьбы пролетариата.

Подробно разбирая саму драму, режиссерское ее прочтение, реконструируя спектакль в целом, игру актеров, художественное оформление, Н. М. Вагапова убедительно показывает как складывалась концепция и практика революционного искусства, как порой нелегок был путь и драматурга и театра от левоэкспрессионистского искусства к реалистическому. При этом она широко приводит отзывы о постановке югославской критики самых разных эстетических лагерей. Особенно приятно видеть здесь и отклики актеров гастролировавшего тогда в Загребе МХАТа. Представляется, однако, что тонко проанализировав экспрессионистские пьесы Крлежи и Й. Кулунджича и их режиссерскую трактовку, автор излишне категоричен в выводах о реалистической в целом основе спектаклей и реалистической характеристике персонажей (с. 53,

54, 94). Особенно это спорно в отношении драмы Й. Кулунджича «Полночь». Доказывая это положение, Н. М. Вагапова ограничивается цитированием самого Кулунджича, который утверждал, что Гавелла в этой постановке удалось виртуозно объединить в «единую фактуру одухотворенного реализма» салонный и натуралистический стили игры (с. 54). Думается, что Кулунджич имел в виду нечто совершенно отличное от современного понимания реализма, в частности, реализма актерской игры. Проведенный Вагаповой анализ пьесы и ее постановки, также вступает в явное противоречие с точкой зрения Кулунджича.

Поскольку автор книги продолжает работать над данной проблематикой, мне хотелось бы обратить внимание и на некоторые противоречия в трактовке пьесы Крлежи «Голгофа» и ее первой постановки. Н. М. Вагапова совершенно права, говоря о наличии в пьесе и спектакле, наряду с ярко выраженными чертами экспрессионизма, реалистических моментов (с. 94). Столь же обоснованно вершиной художественного оформления, соответствующего режиссерскому замыслу, названа сцена в цехах арсенала, выдержанная в духе театрального экспрессионизма (с. 94—95). Как экспрессионистский спектакль восприняла «Голгофу» югославская критика тех лет. Автор книги не оспаривает ее мнения и сравнивает пьесу М. Крлежи о революционном выступлении трудящихся с драмами немецких левых экспрессионистов Э. Толлера, Ф. Вольфа, И. Бехера, а режиссерские искания Б. Гавеллы — с режиссерским творчеством Э. Пискатора. Тогда на чем основан вывод о реалистической основе спектакля в целом (с. 94)? Пока он остался недоказанным и противоречит авторской трактовке и пьесы и режиссерской работы.

Сценическая история постановок «Волчье лога», трилогии о Глембаях и пьесы «В лагере» составляет содержание третьей главы, основной пафос которой заключен в раскрытии движения драматурга и режиссера к полнокровному реалистическому искусству. В ней, на мой взгляд, Н. М. Вагаповой удалось мастерски соединить в единое целое анализ драматургии, режиссерской концепции, художественного оформления и исполнительского искусства. Она показывает, как Б. Гавелла шел к созданию труппы творческих единомышленников. Только такой труппе в условиях военно-монархической диктатуры оказалось под силу утвердить

принципы революционного искусства, раскрыв его высочайшие художественные достоинства.

Видимо этим объясняется желание автора выделить в отдельную главу характеристику театральных идей Бранко Гавеллы. Югославского режиссера отличала огромная эрудиция, прекрасное знание истории западноевропейского, русского и советского театра и истории эстетической мысли, стремление теоретики осмыслить свой режиссерский опыт. Опираясь на теоретические работы и статьи Гавеллы по истории отечественной и зарубежной сцены, с которыми советские читатели могли познакомиться по его сборнику [2], советский ученый выделяет несколько особенно важных для югославского режиссера проблем. Это в первую очередь задачи театра, особенно в периоды социальных потрясений, когда общественные группы, «чтобы избавиться от разорвать оковы социальных ограничений», переносили свои стремления в театр, и он наполнялся «активным боевым духом» (с. 211—212). Искания югославского режиссера, по мысли Н. М. Вагаповой, шли в русле развития западноевропейского театра и учитывали опыт Станиславского, Мейерхольда, Вахтангова, Гордона Крэга, Рейнхарда. Гавеллу волновали проблемы реализма в театре, понимаемого им как универсаль-

ная система со множеством взаимодействующих элементов, вопросы режиссуры и актерского ансамбля. Одним из первых европейских режиссеров он увидел в зрителе активный фактор театрального процесса.

Исследование Н. М. Вагаповой привлекает именно тем, что крупнейшие явления национального хорватского искусства рассматриваются в общеюгославском аспекте, а также соотносятся с историей западноевропейской и русской сцены — и в случае рассмотрения драматургии, всего комплекса театральных проблем. Таким образом, драматургия и театр Югославии в книге предстают не в изоляции, а постоянно включаются в контекст европейского театрального искусства. В советском искусствознании этим положено начало сравнительному изучению югославских национальных художественных процессов и выявлению в них как специфических черт, так и общих закономерностей, характерных для искусства XX в. в целом.

Ильина Г. Я.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зрелицца. М., 1923, № 24, с. 7.
2. Драма и театр. М., 1976.

Язык и письменность среднеболгарского периода. М., 1982, 286 с.

Рецензируемый коллективный труд выполнен по плану научного сотрудничества между Институтом славяноведения и балканистики АН СССР и Институтом болгарского языка БАН и посвящен обширному кругу сложных и важных вопросов, характеризующих историко-культурную и социолингвистическую ситуацию в Болгарии конца XII — первой четверти XV в.

Этот период, называемый среднеболгарским, в периодизации болгарского литературного языка донациональной эпохи непосредственно примыкает к древнеболгарскому периоду, датируемому IX—XII вв. Характерной особенностью эпохи болгарского средневековья следует считать крайнюю удаленность традиционного литературного языка от разговорного, в котором уже происходили большие структурные изменения в области именного и, отчасти, глагольного словоизме-

нения, а именно — переход от синтетической организации языковой системы к аналитической. Понять причины этой удаленности, связав их с исторической обстановкой, детально проанализировать систему книжного (литературного) языка в дошедших до нас памятниках письменности и проследить эволюцию разговорного языка — такие задачи стояли перед авторами сборника.

Среднеболгарский период ознаменован плодотворной деятельностью известных книжников (Евфимия Тырновского, Григория Цамблака, Константина Костенечского и др.), которые не только осуществляли переводы с византийских источников, но и создавали оригинальные произведения. Их труды в области формирования среднеболгарского литературного языка связаны с начавшимся еще в начале XII в. «исправлением» богослужебных книг с целью борьбы против ересей и при-

ближения к греческому оригиналу путем тщательной сверки болгарских канонических текстов с греческими, нормализации графики, орфографии и стиля литературного языка, пересмотра техники перевода. Деятельность болгарских книжников по нормализации письменного языка, известная в истории славистики под названием «реформы Евфимия Тырновского», длилась более двух веков (вплоть до начала XV в.). В результате дошедшие до нас памятники среднеболгарской письменности характеризуются довольно слабым проникновением в них черт живого разговорного языка, что является особой приметой всего среднеболгарского периода. Деятельность по «исправлению» богослужебных книг развернулась не только в болгарских книжно-литературных центрах (в первую очередь, Тырновском), но нашла отражение и в других славянских (и неславянских) землях, в частности, в России, что дало основание исследователям эпохи конца XII — начала XV вв. говорить о так называемом «втором южнославянском влиянии» в России.

Необходимо отдавать себе отчет в том, что изучение среднеболгарских памятников письменности чрезвычайно актуально для истории собственно болгарского литературного языка. Это обусловлено тем, что именно среднеболгарские рукописи связывают древнеболгарский период (характеризующийся параллелизмом и тесным взаимодействием письменного и разговорного языка при сильно развитом синтетизме в области именного словоизменения) с новоболгарским, когда аналитизм уже не только победил в разговорном, но и нашел широкое отражение в книжном (литературном) языке. Поэтому-то, наряду с изучением письменной традиции, особо важное значение приобретает исследование всех тех элементов живого (родного) языка среднеболгарских книжников, которые можно извлечь из дошедших до нашего времени среднеболгарских рукописей.

В рецензируемом труде представлены статьи 15 авторов (9 советских и 6 болгарских), освещающих разные аспекты истории болгарского языка — литературного (книжного) и народного, проблемы русско-болгарских культурных связей. Следует отметить, что, хотя весь труд посвящен среднеболгарскому периоду, некоторые авторы в необходимых случаях несколько расширили хронологические рамки своих исследований (например, Д. Иванова-Мирчева, Г. К. Венедиктов).

Сборник открывается большой статьей

Д. Ивановой-Мирчевой (София) «Задачи изучения болгарского литературного языка XIII—XIV вв.», в которой высказывается мнение о том, что язык среднеболгарского периода является последующим этапом нецосредственного развития древнеболгарского языка. В статье уделено специальное внимание такому важному, с точки зрения автора, вопросу, как необходимость уточнить роль письменного кирилло-мефодиевского языка в развитии болгарской культуры в частности, и общеславянской культуры вообще; подчеркивается целесообразность упорядочения в современной славистической науке терминологии, связанной с названиями этого языка (ср. существующие термины: древнеболгарский, старославянский, древнечерковнославянский, церковнославянский), и с понятиями, выражаемыми данными терминами. Одну из центральных задач при исследовании памятников письменности как важнейшего звена в общей истории болгарского литературного языка донационального периода Д. Иванова-Мирчева видит в активном изучении языка богослужебных произведений среднеболгарского времени и в правильной их оценке, а также в определении норм литературного языка, развивающего среднеболгарскими книжниками. Свою концепцию автор иллюстрирует материалами соопоставительного анализа древнеболгарских и среднеболгарских тырновских переводов одних и тех же византийских гомилий.

Изучению триодей — богослужебных книг, содержащих каноны из трех песен, которые имеют большое значение не только для истории языка, но и для истории литературы, посвящены статьи М. А. Моминой и Г. Попова. В статье М. А. Моминой «Типы славянской триоди» проводится тщательное текстологическое исследование славянских триодных рукописей и предлагается возможный способ их классификации по следующим четырем признакам: а) чтения, б) набор текстов, в) порядок расположения песнопений, г) наличие или отсутствие деления на Постную и Цветную триодь. Автор справедливо указывает на необходимость дальнейшего изучения этих гимнографических памятников письменности как славистами, так и византинологами. Статья Г. Попова (София) «О наличии древнеболгарской гимнографической части в триоди» посвящена анализу языка Битольской триоди, среднеболгарской рукописи второй половины XII в. Автором сделано значительное открытие в

области староболгаристики: выявлено стихотворное произведение, образованное начальными буквами определенного числа тропарей, равномерно распределенных в структуре целого цикла канонов. В статье делается важный вывод, что древнеболгарскую гимнографическую часть в триоди можно считать оригинальным произведением известного книжника и поэта Константина Преславского. Даный факт свидетельствует о том, что в процессе усвоения и восприятия христианской культуры древнеболгарские книжники не ограничивались только переводами, а вносили свой посильный вклад в обогащение и развитие гимнографического жанра.

Исследованию языка Рыльского Евангелия — памятника XIV в., переписанного в одной из провинциальных книжно-письменных (скрипторских) школ — посвящены работы двух болгарских авторов — Б. Велчевой и А. Минчевой. В статье Б. Велчевой «Графико-лингвистический анализ Рыльского Евангелия начала XIV века» на основе тщательного изучения графики и орфографии Евангелия в сопоставлении с восемью древнеболгарскими и среднеболгарскими памятниками и на основе строгого разграничения графики и произношения (знака и соответствующего ему звука) делается вывод о сравнительно поздней датировке этой рукописи. В статье, кроме того, предпринимается удачная попытка локализации Евангелия путем привлечения современных диалектных данных; автор относит памятник к одной из провинциальных скрипторских школ Западной Болгарии, к юго-востоку от Софии. Следует отметить, что данная статья дополняет более раннее исследование автора, посвященное палеографическому анализу Рыльского Евангелия, и убедительно свидетельствует о важности изучения памятников подобного типа, поскольку именно провинциальные скрипторские школы с их изолированностью в значительной степени содействовали не только поддержанию традиционного литературного языка, но также и известной самостоятельности в развитии письменно-книжных норм среднеболгарского литературного языка. В статье А. Минчевой «К синтаксической характеристике среднеболгарских Евангельских списков (Рыльское Евангелие)» анализируются некоторые синтаксические разнотечения между данным памятником и рядом других древне- и среднеболгарских рукописей. Автор убедительно показывает, что

отдельные нарушения древнеболгарской нормы (например, использование форм род. ед. *его* и *ихъ* вм. и и ю, неизменяющее относительное местоимение *иже* // *кже* и др.) свидетельствуют о проявляющихся тенденциях к стихийному — и в этом смысле ведущему к демократизации — развитию письменного языка среднеболгарского периода.

Е. Дограмаджиева (София) в статье «Отражение распада склонения в Банишском Евангелии» останавливается на одном из важнейших явлений истории болгарского языка — утрате склонения и переходе болгарской именной системы от синтетизма к аналитизму. В результате подробного анализа текста Банишского Евангелия, памятника XIII в., и сопоставления его с текстом Мариинского Евангелия X—XI вв. автор приходит к убедительному выводу о том, что книжный язык среднеболгарского периода, несмотря на стремление сохранить традицию, был подвержен сильному влиянию живого разговорного языка.

Статья И. В. Платоновой «Отклонения в употреблении прилагательного дательного падежа в среднеболгарских рукописях» на большом материале показывает процесс становления аналитического способа выражения прилагательного дательного падежа.

В большой статье Р. Златановой (София) «Функция сказуемого имен существительных и имен прилагательных в среднеболгарском», использующей материал девяти памятников среднеболгарской письменности и произведений Евфимия Тырновского, делается вывод, что «при общей консервативности книжного языка среднеболгарские памятники нередко свидетельствуют... о живых направлениях развития разговорного языка. Примерами этого... являются аналитические степени сравнения, свидетельства распада падежной флексии и употребление общей падежной формы, отсутствие творительного предикативного, употребление кратких форм прилагательных в функции сказуемого, высокая фреквентность описательных форм повелительного наклонения для всех лиц и пр.» (с. 225).

Работа Р. М. Цейтлин «Из наблюдений над лексикой Добротирова Евангелия» посвящена актуальному для палеославистики вопросу об отношении лексики Добротирова Евангелия к лексической системе древнеболгарского языка. На большом материале автор убедительно

показывает лексическую близость исследуемого памятника к Супрасльской рукописи, т. е. к лексическим нормам преславского книжно-литературного центра. Заслуживает внимания высказанное Р. М. Цейтлин сомнение по поводу традиционного отнесения Добромирова евангелия к юго-западным областям древней Болгарии.

Различные аспекты проблемы «второго южнославянского влияния» рассматриваются в статьях Е. В. Чепко «Об афонской редакции славянского перевода псалтыри в ее отношении к другим редакциям» и Л. П. Жуковской «О южнославянском влиянии XIV—XV вв. (на материале прологного Жития Евгении)».

А. И. Рогов в работе «Русско-болгарские культурные связи в конце XII—XIII вв.» обсуждает проблему влияния русских памятников письменности на болгарские и на примере Врачанского евангелия (XII в.) и Четвероевангелия (XIII в.) приходит к выводу о наличии в болгарских памятниках этого времени явно русских по происхождению черт. Автор полагает, что если в X—XI вв. Болгария сыграла огромную роль в ознакомлении Руси с высшими достижениями византийской литературы, то в XII—XIII вв. уже русские переводы с греческого появляются на Балканах (с. 21). В заключение А. И. Рогов подчеркивает, что «русско-болгарские культурные связи не прерывались с момента первых контактов двух славянских народов» (с. 26).

В статье математика Р. А. Симонова «Календарно-астрономические таблицы Норовской псалтыри» говорится о значении этих таблиц как источника, раскрывающего новые стороны древнеславянских календарно-математических знаний.

С. Б. Бернштейн в статье «Академик П. С. Билярский и его вклад в изучение языка среднеболгарской письменности» подчеркивает новаторскую роль русского ученого в изучении истории болгарского языка и, в частности, среднеболгарского периода. Именно П. С. Билярский, как никто другой, понимал значение среднеболгарских памятников письменности для истории болгарского языка как таких памятников, которые, «еще не потеряв свойств древнего языка, в то же время представляли бы определенные особенности своего времени и посредством их приымкали бы к позднейшему состоянию болгарского языка» [1].

Сборник завершает статья Г. К. Венедиктова «К начальной истории современ-

ной болгарской орфографии», в которой дается характеристика первого в болгарском книгопечатании опыта использования гражданской кириллицы в посвящении А. Кипиловского к книге «Священное цветообразие» (1825), и говорится о преемственности в опыте использования графики и орфографии предшествующего периода.

Таким образом, в заключение можно отметить, что составители данного коллективного труда выбрали в качестве объекта исследования важнейший для истории болгарского языка, но мало изученный среднеболгарский период. Вся деятельность Евфимия Тырновского и его предшественников, соратников, учеников и последователей, т. е. всего тырновского книжно-литературного центра письменности, была ознаменована ориентацией на создание норм языкового стандарта на основе определенной философской концепции письменной языковой практики. При кажущейся общей консервативности книжного языка среднеболгарского периода памятники письменности, как ярко показано многими авторами рецензируемого труда, свидетельствуют тем не менее о живых направлениях развития разговорного (народного) языка. Необходимо отметить, что статьи сборника, как правило, характеризуются актуальностью тематики, высоким теоретическим уровнем и убедительностью выводов; ряд статей содержит новый, неизвестный ранее науке материал. Все это заслуживает самой положительной оценки.

Из частных замечаний укажем лишь на некоторый разнобой, не устранивший своевременно при редактировании сборника. Так, например, при характеристике триодей на с. 102 говорится о «воскресеньи мытаря» и «воскресеньи всех святых», а на с. 122 — о «неделе мытаря» и «неделе всех святых». По-разному даны также: а) некоторые имена книжников); б) названия некоторых журналов; в) принятые в статьях сокращения названий памятников письменности и т. д.

Указанные недостатки ни в коей мере не снижают достоинств первого в славистике коллективного труда советских и болгарских ученых «Язык и письменность среднеболгарского периода».

Попова Т. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. Билярский Б. С. Судьбы церковного языка. СПб., 1858, с. 22.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ В НРБ, ПОСВЯЩЕННАЯ 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Л. КАРАВЕЛОВА

В связи со 150-летием со дня рождения видного деятеля болгарского возрождения — идеолога, писателя и публициста, председателя Болгарского революционного центрального комитета Любена Каравелова Болгарская академия наук, Софийский университет им. Клиmenta Охридского, Болгарское историческое общество, Общество филологов-болгаристов и Центр болгаристики организовали международную научную сессию «Любен Каравелов — жизнь и дело». Она проходила в Софии 20 и 21 ноября 1984 г.

На пленарном заседании, которое открыл вице-президент БАН акад. П. Зарев, болгарские ученые выступили с докладами, посвященными различным аспектам деятельности Л. Каравелова. Акад. П. Динеков рассказал о его жизни и творчестве. Значение Каравелова в развитии болгарской национальной литературно-теоретической мысли было показано проф. Г. Димовым. Проф. В. Павлова охарактеризовала взгляды Каравелова на роль науки в обществе. Место Любена Каравелова в истории болгарского возрождения и национально-революционном движении раскрыла проф. Кр. Шарова. Проф. Д. Леков рассмотрел публицистическую деятельность Каравелова. Участие его в литературно-языковой борьбе в эпоху болгарского возрождения осветила Е. Георгиева. Доцент М. Велева проанализировала исторические взгляды Л. Каравелова.

Далее работа сессии продолжилась в двух секциях: «Литературоведение» и «История», на которых были заслушаны 42 доклада. В секции «Литературоведение» преобладающая часть выступлений была посвящена художественному творчеству Л. Каравелова. О судьбе народности и начале болгарского романа говорил П. Тотев. Вопрос о месте повестей «Болгари старого времени»

беллетристике Каравелова рассмотрел Л. Георгиев. Сербским повестям Каравелова посвятил свой доклад С. Елевтеров. С. Гюров уделил внимание описанию природы в произведениях Л. Каравелова. «Воевода» и традиции переводной художественной литературы были темой доклада Н. Аревова. Некоторые аспекты повествования в произведении «Виновата ли судьба» раскрыл Н. Чернокожев. Фельетон Каравелова нашел отражение в докладе Ц. Унджиевой, а влияние каравеловской сатирико-фельетонной традиции на З. Стоянова рассмотрела Б. Ганчева. Предназначение драмы «Хаджи Димитр Ясенов» и ее распространение показала К. Вызвызова-Каратеодорова. В докладах Р. Радева и С. Баевой творчество Л. Каравелова было представлено в сравнительном плане с творчеством К. Величкова и П. Р. Славейкова. Отношение Каравелова к французской литературе раскрыла Л. Минкова. О Каравелове как литературном критике рассказала К. Станева. Лексикографическому наследию Каравелова был посвящен доклад В. Кювлиевой. Р. Дамянова остановилась на письмах Каравелова. Поэтическое творчество Каравелова рассмотрела Р. Кунчева. Проф. З. Урбан (Чехословакия) говорил об отношении к личности и творчеству Каравелова в Чехии в 60—80-е годы XIX в. В. Спассова (Италия) проследила некоторые особенности трактовки влияния Гоголя на художественное творчество Каравелова. Был прочитан и доклад недавно скончавшегося болгарского ученого М. Липлова на тему «Стилистическая модель Л. Каравелова».

Большая часть докладов в секции «История» была посвящена идеологии и революционной деятельности Каравелова. Его роль в развитии политической мысли в эпоху болгарского возрождения

осветил С. Дойнов. В. Трайков рассмотрел деятельность и взаимоотношения Каравелова с болгарской эмиграцией в Румынии. Румынскому периоду его жизни посвятили свои доклады К. Велики (Румыния) и П. Бояджиев. Темой выступления А. Димитрова было «Будущее отечества в публицистике Каравелова». Ц. Павловская показала роль Каравелова во внутренней революционной организации. Н. Домусчиев доложил о найденной им печати БРЦК. Вопрос о взглядах Каравелова на связи болгар с другими народами нашел отражение в докладах А. Райковой и О. Маждраковой. Отношение Каравелова к итальянскому революционному движению рассмотрел К. Василев, а к политическим событиям в Испании — Д. Цанев. Взгляды Л. Каравелова на современное ему экономическое развитие болгарских земель, положение болгарского народа, на Одринскую Фракию были посвящены доклады М. Грынчарова и И. Тодева.

Несколько докладчиков выступили на тему «Каравелов и наука»: М. Бычваров — о социологических взглядах Каравелова; Н. Бычварова — о его естественноисторических знаниях; Л. Минкова — об отношении Каравелова к немецкой науке; Т. Туманелов — о журнале «Знание»; Х. Йонков — о кирилло-мефодиевской проблематике в творчестве Каравелова; Л. Атанасов — о его библиографических исследованиях.

А. Улунян (СССР) осветил деятельность Л. Каравелова по материалам русской периодической печати в 1877—1878 гг. Вклад советской науки в каравеловедение был прослежен в коллективном докладе М. Бирмана, Н. Зуевой, Е. Шатохиной (СССР) и в докладе Э. Дросневой.

Д. Дойнов остановился на деятельности Каравелова по созданию комитетов «Единство». Родословная Каравелова с конца первой четверти XVIII в. до

наших дней была представлена П. Чоловым.

Докладчики всесторонне осветили жизненный путь, революционную деятельность и творческое наследие Л. Каравелова; дали оценку состоянию каравеловедения в Болгарии и за границей. Материалы сессии будут опубликованы отдельным сборником.

23 ноября 1984 г. была проведена торжественная конференция, посвященная Л. Каравелову, в его родном городе Копрившице. Она была организована Комитетом культуры, Софийским окружным комитетом БКП, Болгарской академией наук, Союзом болгарских писателей, Софийским окружным народным советом и районным комитетом БКП в Копрившице. Ее открыл секретарь Окружного комитета БКП Н. Николов. С докладами выступили участники международной сессии в Софии — Кр. Шарова, Е. Шатохина, К. Велики, А. Улунян, П. Тотев, Ц. Павловская, В. Спасова, Т. Туманелов, П. Чолов.

К началу конференции была приурочена новая экспозиция дома-музея «Любен Каравелов». Дом реставрирован по проекту П. Петрова и Х. Тодорова, а новая экспозиция — дело авторского коллектива под руководством Т. Туманелова.

Юбилейные сессии и собрания прошли и в других городах страны — Сливене, Ямболе и др.

В первом полугодии 1985 г. Комиссия по историографии и методологии при Болгарском историческом обществе организует историографические чтения о Каравелове.

Научные выступления, посвященные 150-летию со дня рождения Любена Каравелова, показали живой интерес историков и филологов различных поколений к жизни и творчеству Каравелова.

Дроснева Е.

CONTENTS

Jažborovskaja I. S. The development of Central and South-Eastern Europe and the elaboration of the political line of the Communist movement (Devoted to the 50th anniversary of the VII Congress of the Communist International). *Kalbe E.* (GDR). Problems of the comparative study of the Great Socialist Revolution and of the 1940s revolutions. *Oniščuk M. I.* Wojsko Polskie in the fight for the democratic power in Poland in 1944—1948. *Leščilovskaja I. I.* Classes and the process of formation of nations in Central and South-Eastern Europe (the end of XVIII century — 1870s). *Kiškin L. S.* Literary interactions and the literary process. (Problems and perspectives of study). *Pomogacs B.* (Hungary). Ideas of the socialist humanism and the Hungarian literature of 1960s — 1970s. *Pašajeva N. M.* Historical books of the Slavic national Renaissance (2nd half of the XVIII — 1st half of the XIX century). *Zalizn'ak A. A.* Additional remarks on omega in the «Merilo Pravednoje» . . . . .

3

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

Koprulkowniak A. (Poland). Studies in the history of the Lublin area (1974—1979). *Nosov N. E.* Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV—XVI вв. (Главные тенденции политических взаимоотношений). *Bobrova S. P.* Д. Ф. Поплыко. Васа Челагич и Россия. Из истории сербской литературной мысли. *Iljina G. J.* Н. М. Вагапова. Формирование реализма в сценическом искусстве Югославии. 20—30-е годы XX века. *Popova T. V.* Язык и письменность среднеболгарского периода . . . . .

108

SCIENTIFIC LIFE

Drosneva E. (Bulgaria). Scientific meeting in Bulgaria in memoriam L. Karavelov . . . . .

126

Технический редактор *E. B. Синицына*

Сдано в набор 10.04.85   Подписано к печати 11.06.85   Т-04272   Формат бумаги 70×108^{1/16}
Высокая печать   Усл. печ. л. 11.2   Усл. кр.-отт. 13,4 тыс.   Уч.-изд. л. 13,1   Бум. л. 4,0
Тираж 1159 экз. Зак. 1266

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
103717 ГСИ. Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Цена 1 р. 20 к.

Индекс 70891